VISIT…

Александр Смирнов

Морская история казачества

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2006

Оформление серии художника С. Груздева

Смирнов А.А.
50 Морская история казачества. — М.: Яуза, Эксмо, 2006. — 288 с. — (Казачья слава).
I8BN 5-699-18339-6

Настоящая книга основана на материалах, подтверждающих, что с XIV по XVII век казачество формировалось на юге славянского мира как сословие, живущее в первую очередь морем. Военно-морской флот Запорожского войска привлекали для морских войн Испания, Франция, Швеция. Казакам-мореходам Русь обязана географическими открытиями в Тихом океане в XVII веке.

В начале XVIII века в Российской империи казачество было отстранено от морской службы. Однако во времена царствования Екатерины II и Николая I из числа бывших запорожцев были сформированы Черноморское и Азовское казачьи войска, участвовавшие в морских сражениях конца ХУШ — первой половины XIX века. В период с 1870-х годов по 1917 год десятки казаков и их потомков служили в регулярном Императорском военном флоте, достигнув адмиральских чинов и прославив Андреевский флаг, создавали первые морские линии торгового флота России.

В книге впервые представлена и обоснована принципиально новая концепция образования и развития казачьих войск на протяжении с XIV по XX век.

ББК 63.3(0)5

© Смирнов А.А., 2006
© ООО «Издательство «Яуза», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Автор выражает сердечную благодарность:
— сотрудникам Российского государственного военно-морского архива,
— сотрудникам Российской национальной библиотеки и персонально Алле Николаевне Ануфриевой,
— сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива,
— историкам казачества: Владимиру Тихоновичу Новикову и Андрею Александровичу Глухову-Ветлужских,
— историку флота - Виталию Дмитриевичу Доценко за помощь в сборе материалов для этой книги,
— депутату Государственной Думы Г. Томчину за то, что споры с ним побудили меня к написанию этого произведения.

Содержание

От автора
Сам я из азовских казаков
Вступление

Часть I
ИСТОРИЯ МОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА XV-XVII ВЕКОВ

ГЛАВА 1. «Викинги» южных морей, или Православные крестоносцы
ГЛАВА 2. Морская слава запорожского казачества. XVI—XVII века
ГЛАВА 3. Морской флот Всевеликого Войска Донского XV—XVII веков
ГЛАВА 4. Адмирал Донского казачьего флота — Степан Тимофеевич Разин
ГЛАВА 5. Морской флот Терского казачьего Войска
ГЛАВА 6. Морские походы яицких казаков
ГЛАВА 7. Якутский казак — Семен Иванович Дежнев. Сибирский казак — Владимир Васильевич Атласов

Часть II
ВЕК XVIII - РЯДОМ С РЕГУЛЯРНЫМ ИМПЕРАТОРСКИМ ФЛОТОМ

ГЛАВА 8. Петр I... Великий адмирал турецкого флота
ГЛАВА 9. Черноморское казачье Войско.

Часть III
ВЕК XIX - АТАМАНЫ ГРЕБНЫХ ФЛОТИЛИЙ

ГЛАВА 10. Азовское казачье Войско

Часть IV
МОРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

ГЛАВА 11. Андрей Николаевич Краснов (первый донской казак, совершивший кругосветное плавание)
ГЛАВА 12. Казаки — судовладельцы торгового флота
ГЛАВА 13. Под Андреевским флагом (казаки на службе в Императорском регулярном флоте России)

Эпилог.
Заключение
Список использованной литературы
Архивные материалы.

От автора

У книги, которую вы раскрыли, своя противоречивая судьба. В 2003 году в Санкт-Петербурге она была издана под заголовком «Казаки — морское сословие». Ее издание было осуществлено в виде спонсорской помощи издательства «Золотой век», малым тиражом в 1000 экземпляров. Скажу сразу: до читателя дошло около 800 штук. В Области Войска Донского ее встретили, мягко говоря, неоднозначно. Про нее рассказывали в телеэфире, печатали рецензии в газетах... В 2005 году автора этой книги признали

лауреатом литературного конкурса, посвященного 100-летию со дня рождения МА Шолохова.

Но за нее и критиковали с ядом змеиного укуса. За то, что в ней были доказаны исторические корни казачьей родословной нынешнего Войскового Атамана Донского Войска — это не нравилось. За то, что ее содержание и выводы опрокидывали традиционные воззрения на казачью историю, пылившиеся, в первую очередь, в среде руководства Музея истории Донского казачества в Новочеркасске... За то, что казаков назвал «сословием», а хотелось некоторым казакам XXI века считать самих себя «народом»... Казалось, ругают за то, что она вообще появилась на белый свет! В книжных магазинах Ростовской области от нее отмахивались, как от макулатуры, — «своей девать некуда». В казачьем краю она оказалась никому не нужна. Парадокс? Мистика?

И тогда в жаркий июльский день 2005 года на берегу реки Дон, у станицы Елисаветинской, автор совершил «языческое жертвоприношение»: в отчаянии утопил в водах казачьей реки 170 экземпляров книги о морском казачестве. Зарекся более писать на эту тему и опустил руки (в прямом и в переносном смысле), когда осели брызги от последней книги-утопленницы.

Книга о морской славе казачества утонула, ушла на дно, к останкам тех, о ком была написана. Электронная версия ее тоже оказалась утрачена. Так что переиздать ее было большим трудом. И вдруг, когда надежда уже окончательно захлебнулась...

Мистика? Но мне кажется, что утонувшую книгу прочли «там». Те мореходы-казаки и их атаманы, чьи души вечно купаются в водах Азовского и Черного морей, куда понесло книгу течение тихого Дона. И одобрили. И поэтому московское издательство с исторически-речным названием «Яуза» выпускает ее в свет.

А на основании материалов воскресшей книги, в Кронштадте, у места победы донских казаков над шведскими кораблями, произошедшей 350 лет назад — 22 июля 1656 года, в июле 2006 года был водружен православный крест.

Александр Смирнов,
сотник Войска Донского

Сам я из азовских казаков

Моего прапрадеда по отцовской линии в 1862 году Круг казаков Азовского Войска направил к Императору Александру II — передать прошение азовских казаков не переселять их с берегов Азовского моря на Кавказ, не переписывать в мещанское сословие, а позволить остаться казаками. Донскими. Просьба была уважена Государем, и с 60-х гг. XIX века под городом Азовом живут и служат России донские казаки — Водолацкие.

Азовские казаки — морские, в прошлом — это запорожцы, вернувшиеся из Турции на службу Императору Николаю I. Именно запорожскими корнями и объясняется моя фамилия, непривычная для казачьего донского слуха. Фамилии у запорожцев происходили от личных качеств их обладателей, особых примет внешности, отличий в каком-либо роде занятий. Фамилия моего прапрадеда к середине XIX века звучала как Водолазский (со временем произношение упростили, заменив труднопроизносимый суффикс). Видимо, предки ходока к царю звались на Запорожье «Водолазами» — то есть умели лазить (ходить) хорошо по морю или под водой. Ведь у запорожских казаков был многочисленный и победоносный морской флот, существование которого было невозможно без обученных водолазному делу казаков.

Да не только мой прапрадед, оказывается, моряк. Все древние казачьи Войска — Донское, Запорожско-Кубанское, Терское и Яицкое — не горно-степные, а именно морские народы. Не от степи к морю, а от его берегов в глубь суши шло движение казачества в период с XIV по XVIII век.

Об этом и не только об этом можно прочесть в книге сотника Донского Войска Александра Смирнова «Морская история казачества». В ней охвачена и описана морская история казачества в период с XIV века по 1918 год. И выясняется, что новая история донского казачества очень далека от кавалерийского абсолюта. Что донцы дали флоту Российской Империи пять адмиралов, в том числе Верховного правителя России, вице-адмирала А.В. Колчака (сына донской казачки и внука казака Бугского войска). Что первым донским казаком — кавалером ордена Святого Георгия IV степени в XX веке стал не офицер-кавалерист, а лейтенант флота М. К. Бахирев — впоследствии адмирал, герой Моозундского сражения. Что в 1918 году был учрежден флаг Всевеликого Войска Донского, которого, к сожалению, нет в Музее истории Донского казачества. И что донским казакам принадлежит авторство уникального случая в военной истории: в 1854 году у Таганрогской косы конники взяли на абордаж боевой корабль британского флота. Однако нет пока на ее берету ни памятного камня, ни креста в честь этого события.

Но возможно, что осенью текущего года в Кронштадте в честь 350-летия победы флотилии донцов над эскадрой шведского флота в Финском заливе будет установлен памятный крест. Этот проект, опять же по инициативе автора данной книги, рассматривается в Администрации Санкт-Петербурга.

В этом еще один плюс книги о морском казачестве — она посвящена минувшему, но побуждает к действию сегодня.

Знаю, что сотником Александром Смирновым готовится к изданию новая книга «Казаки в русской авиации». Как Верховный атаман и как человек, прослуживший в военной авиации, буду с интересом ждать ее выхода в свет.

Казаки были, есть и будут первопроходцами православной Руси на земле, в океане и в воздухе.

Слава Богу, что мы казаки!!!

Верховный атаман Союза казачьих
войск России и зарубежья,
атаман Всевеликого войска Донского,
казачий генерал ВЛ. Водолацкий

Вступление

Для подавляющего числа читателей словосочетание «казак-моряк» звучит где-то на уровне шутки о подводной лодке в степях Украины. А тут — целое «морское сословие».

Казак в массовом сознании — это непременно кавалерист с пикой и шашкой. А станичник, ловко управляющийся не с уздой и стременами боевого коня, а с парусом и штурвалом боевого корабля, считается сюрреализмом в русской военной истории. А уж казачьи атаманы — это непременно вожаки конных ватаг, но никак не командующие боевых казачьих флотилий. И на представлении о сухопутно-кавалерийском образе казачества воспитаны десятки поколений.

Если откровенно, то в процессе работы над книгой ее название менялось дважды. Первоначально она замысливалась под общим названием — «Казаки на флоте», где были бы представлены биографии казаков, которые принесли славу России, сражаясь под Андреевским флагом. А таковых было немало. Затем, по мере углубления в материал, обнаружились не только отдельные казачьи адмиралы и офицеры русского Императорского флота. Оказывается, в XVIII—XIX веках наряду с иррегулярной казачьей кавалерией существовали целые иррегулярные казачьи флотилии. Название будущей книги быстро изменилось — «Казаки на морской службе». Но, «копнув» еще глубже, соприкоснувшись с документами допетровской эпохи, пришлось изменить и этот вариант названия... Не кавалерийско-сухопутными, а истинно морскими по своей изначальной природе были древние казачьи войска: запорожские, донские, терские, яицкие

(уральские)... Все, что образовались на территории восточных славян к концу XVII века.

Образ казака-кавалериста сложился, по мнению историка Донского Войска, генерала Н.И. Краснова (отца атамана Всевеликого Войска Донского, генерала П. Н. Краснова), всего 150 лет назад. Так он написал в своей статье «Казачий флот», которая была опубликована в петербургском журнале «Военный Вестник» в 1885 году. Надо заметить, что о казаках-моряках писал не только донской генерал во второй половине XIX века. О них свои воспоминания оставили А. Олеарий — участник плавания на старорусском корабле «Фредерик», Гийом Левасер де Боплан — француз, служивший на Украине при польском дворе 17 лет. О казачьих эскадрах и морских десантах писали их враги — турки: префект (градоначальник) города Кафы (ныне г. Феодосия. — Примеч. авт.) Эмиддио Дортелли де Асколи, путешественник и историк Эвлия Челеби. Он был свидетелем знаменитого «азовского сидения» казаков. О казаках-мореходах знали не только жители «внутренних» морей: Азовского, Средиземного, Каспийского, Черного. Они прорвались даже в Атлантику! В 1646 году 2400 запорожских казаков на своих судах осаждали французский портовый город Дюнкерк (тот самый, у которого в 1940 году гитлеровский вермахт прижал к проливу англо-французские войска. — Примеч. авт.). Вот куда доплывали парусно-весельные «чайки» казаков!

Да что там Дюнкерк, до которого можно догрести, идя вдоль берега! В XVII веке якутские и сибирские казаки совершили дальние плавания по водам Тихого и Северного Ледовитого океанов. Казак Атласов присоединил к Руси Камчатку, а позже достиг берегов Японии. Казак Дежнев открыл пролив, разделяющий Азию и Америку, но его заслугу, достойную эпохи Великих географических открытий, приписали Берингу.

Однако большинство отечественных историков не признают за казачьим флотом первенства перед петровским. Известные дореволюционные историки российского флота — Арене, Веселаго, Елагин, Квашнин-Самарин, Каллистов — о казаках-моряках упоминали редко, неохотно и скептически. Причин этому две.

Первая заключается в том, что казаки (донские и запорожские, яицкие (уральские) и терские), создавая свои ВМС, не создавали военно-морской бюрократии. Не было у них Адмиралтейств-коллегий, Морских министерств и ведомств, толп «сухопутных» адмиралов и береговых учебных экипажей. Были свои береговые службы, были, говоря современным языком, школы подготовки плавсостава, но все они строго зависели от своей востребованности действующими кораблями и экипажами. У «южных викингов» береговые структуры служили действующему флоту. Не готовились станичники выходить в море — замирали и «консервировались» их береговики. У казаков флот был, можно сказать, партизанским, или иррегулярным. Позже в сухопутных войсках Российской империи, наравне с конницей регулярной, гвардейскими и армейскими конными полками служили полки иррегулярной кавалерии, то есть казачьи. Но были они ничуть не хуже. Если не лучше.

Большинство же историков русского флота, даже будучи профессиональными моряками, не могли побороть в себе «береговой взгляд» на флот. Петровский флот был регулярным не потому, что он не прекращал своей деятельности на море. Бывали времена, что от флота, рожденного после 1б9б года, ничего почти и на плаву не оставалось... Непотопляемой была только русская военно-морская бюрократия. Чиновники Морского министерства и Адмиралтейств-коллегий, адмиралы и офицеры — «флотоводцы» на балах в Морском собрании, обслуга и преподаватели морских учебных заведений, почетные члены морских ученых и технических комитетов, сотрудники морских журналов и издательств, интенданты флотских складов и писаря флотских канцелярий — вот что такое петровский регулярный флот. Эскадры боевых кораблей выходили в море далеко не регулярно, еще менее регулярно они возвращались на базы с победой. Зато регулярно закладывались в государственный бюджет астрономические суммы на содержание флота. Точнее, на довольствие военно-морской, фактически береговой, бюрократии. Если сравнить расходы на ее содержание с доходами от существования та-

кого регулярного флота, то позавидуешь экономичности флота казачьего, партизанского, иррегулярного. Получалось, что у Петра I и у его последователей корабли служили берегу. Хотя с точки зрения здравого смысла должно было быть наоборот: как у казаков. Правда, у станичников не было многопушечных кораблей большого тоннажа, но только потому, что нужды в них не имелось. Казачий флот и без них чувствовал себя вольно в своих морях: громил турецкие и персидские флоты, вражеские торговые коммуникации, порты и защищал свое побережье и свою морскую торговлю. Что же еще требовалось от флота?

Вторая причина происходит из первой. История — это не наука, а идеология и пропаганда. Наука — это исключительно хронология. Что или кто, когда и где сделал — вот на какие вопросы отвечает эта наука. А анализ былого и оценка — это уже история. Или пропаганда, которая должна вызывать почти религиозный трепет. Принцип — «Петр Великий — отец русского флота» до сих пор воспринимается в сознании большинства принципом, равным идее о Святой Троице — «Богу-Отцу, Сыну и Святому Духу». Сомнение в военно-морских заслугах основателя Санкт-Петербурга звучало дьявольской ересью. Тот же генерал Н. И. Краснов в своей статье о казачьем флоте удивлялся, почему ни историки Донского Войска, трудившиеся в Российской империи после 1721 года, ни мэтр русской истории С. Соловьев не уделяют казачьему флоту должного внимания, не подвергают анализу его боевую историю, его опыт. А ответ очевиден. В сравнении с флотом казачьим, экономичным, эффективным и долгодействующим, петровский выглядит плохой и разорительной компиляцией иностранных флотов. Корабли, отстроенные (в духе советских «ударных объектов» 30-х гг. XX века) из сырого, некачественного леса, быстро сгнили и развалились. Кстати, иностранные специалисты всеми силами протестовали против такого «кораблестроения». Экипажи, сформированные из насильно «забритых» в матросы сухопутных московитов, боящихся волн и не понимающих языка иностранцев-командиров, разбегались быстрее, чем их удавалось обучить матросскому ремеслу. Если, конечно, выживали в аду петровского флота.

Словом, любое сравнение флота казачьего с флотом Петра I было не в пользу последнего. Историки, говоря об этом, просто автоматически наводили бы своего читателя на мысль об истинной значимости и цене Петровских реформ. А посеять сомнение в деяниях «Петра Великого» — означало поставить под сомнение и легитимность пребывания потомков немецких дворян-протестантов на православном престоле Российской империи. Тут уж до «государственной измены» было недалеко и попахивало гнилью одиночного каземата в Петропавловской крепости... Поэтому историки русского флота и России, не желая осложнять себе жизнь, дружно решали о флоте казачьем или не говорить вообще, или ограничиваться лишь сухим изложением фактов. Бог с ними, казаками на море! Пусть уж лучше на конях скачут.

Малоизвестен, но показателен пример судьбы историка донского казачьего флота — Василия Дмитриевича Сухорукова. По неподтвержденным данным, он донской казак. Но совершенно точно, что одновременно с историком русского регулярного флота, капитан-лейтенантом Н. А. Бестужевым, он начал собирать материалы о флоте донском. Архив Войска Донского сгорел в Черкасске в XVIII веке. (Случайно ли загорелся или кто-то хотел обратить в пепел древнюю историю казачества, можно только гадать.) Но Сухорукое был упорен и мобилен. Он объехал архивы прибрежных крепостей Донского Войска, записал устные предания дряхлых стариков, еще помнивших сказания своих дедов о морских походах. В итоге он собрал более двух тысяч редчайших документов и свидетельств. Однако ему не суждено было подготовить свой труд, который, несомненно, «взорвал» бы устои бытовавшего мнения об истории донского казачества, к изданию. Грянуло 14 декабря 1825 года... Сухоруков оказался замешан в деле декабристов и был сослан на Кавказ. Его бумаги, личный архив, черновые наброски оказались в руках генерал-майора И. Ф. Богдановича.

В 1834 году тот представил военному министру, графу Чернышеву, «свой» труд

«Историческое и Статистическое описание земли Войска Донского» с изменениями тех мест, которые противоречили официальной истории. Общеизвестно, что самая убедительная ложь — это полуправда!

Граф Чернышев передал сочинение Богдановича для ознакомления императору и наследнику престола. Они и ознакомились... После чего генерал-майор Богданович был пожалован чином генерал-лейтенанта, возведен в сенаторы и награжден золотой табакеркой с алмазами. Николай I, как известно, абы за что в сенаторы не принимал и золотыми табакерками в алмазах не разбрасывался. Трудно сказать, знал ли царь, что именно изменил Богданович в записках Сухорукова, но в том, что «морская история» казачества была ему не нужна, — сомневаться трудно. Сам же Сухорукое скончался в безвестности в 1841 году. (Только после «реабилитации» декабристов, в либеральные времена царствования императора Александра II, в Новочеркасске в 1867 и в 1872 годах были изданы два тома его сочинений — «Историческое описание земли Войска Донского». А в 1903 году этот труд был переиздан.)

Но, несмотря на замалчивание заслуг казачьего флота, казаки продолжали службу и в русском регулярном флоте. С начала XIX века, когда отношения между казачьими войсками и петербургским императорским двором потеплели, двор сильно обрусел и «русские» цари научились хоть немного говорить на языке страны, которой им довелось править. И казаки вновь вернулись в море. В данной книге будут показаны заслуги запорожских флотилий в войнах с Турцией во второй половине XVIII века, представлена краткая история Азовского и Черноморского казачьего Войска в XIX веке, станичники которого были не степняками-земледельцами, а моряками. И проявили себя на волнах Черного и Азовского морей в Крымскую (Восточную) войну. Также будут представлены документы, свидетельствующие об истории еще одной казачьей флотилии — Амурско-Уссурийской, сформированной по повелению последнего русского императора в 1897 году для охраны речных границ Дальнего Востока.

Наконец, будут представлены краткие биографии казаков, ставших выдающимися деятелями русского императорского военного флота, а также морскими путешественниками, писателями-маринистами, морскими врачами... Их было, правда, очень немного, но они были. Необходимо сделать уточнение. Дело в том, что о некоторых таких личностях — капитане 1-го ранга Ю. Ф. Лисянском, командире шлюпа «Нева», Верховном правителе России, адмирале А. В. Колчаке — написаны целые библиотеки книг и статей. Повторяться не имеет смысла, поэтому при упоминании о них будут приведены лишь документы, подтверждающие их казачье происхождение.

Надеюсь, что книга «Казаки — морское сословие» будет интересна не только казакам всех войск, морякам флотов России и Украины, но и каждому любителю отечественной истории и патриоту нашей Родины. Нет сомнений, что некоторые ее страницы вызовут гнев защитников «исторической религии», каковой автор считает официальную историческую науку, но что ж... Можно сколько угодно не соглашаться с выводами этой книги, главное, чтобы читателям она дала повод свободно и пытливо подумать об истории казачества.

АВТОР

ЧАСТЬ I
ИСТОРИЯ МОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА XV-XVII ВЕКОВ

ГЛАВА 1
«Викинги» южных морей, или Православные крестоносцы

Люди простые, в обычных чинах,
Взяв сухарей, толокна для припаса,
Русские норманны в утлых челнах
В море уходят, без карт и компаса.

«*Мореходы*».
Ю. Краснолуцкий

Историки пока так и не пришли к единому мнению, откуда появились донские и запорожские казаки. Кто-то находит их тюркские корни, кто-то лелеет мечту о республиках беглых «бомжей» на берегах южных рек и морей. Бродяг, которые проявили удивительную самоорганизованность, образовав в кратчайшие сроки морской флот, кавалерию, посольства, правительство, свой особый хозяйственно-экономический уклад. Но если исследовать древнюю историю казачества, в первую очередь запорожцев и донцов, по дедуктивному методу, призвав на помощь логику и здравый смысл, то выявится совсем иная картина, чем в трудах столпов исторической науки.

Казаки не занимались земледелием и скотоводством. Их основное занятие — война, а в краткие периоды мира — охота и рыболовство, что также требует готовности к риску и проявления качеств воина. В культуре запорожцев, например, часто фигурирует героический образ «благородного лыцаря» (измененное произношение слова — «рыцаря»). Европейское рыцарство — каста профессиональных воинов, объединенных верностью христианской церкви. Для них ее олицетворял на земле папа римский. А запорожские и донские казаки — с их искренней преданностью православной вере, не напоминают ли они своим воинским братством рыцарские ордена? Православные крестоносцы в низовьях рек Днепр и Дон! Только кресты они носили не на плащах и щитах, а укромно, на шее.

Но откуда они появились там, в этих низовьях? Есть свидетельства, что донские казаки преподнесли икону Дмитрию Донскому в канун исторического сражения на Куликовом поле. Принял бы московский князь святыню в дар от сомнительного сообщества полууголовных элементов, только-только сбежавших на Дон и сбившихся там в ватаги анархистов? Тем более что немало донских казаков приняли участие в битве на стороне московского воинства. Если донские казаки имели политический вес и военное значение в 1380 году, то это значит, что сформировались и окрепли они задолго до этого события. И даже не за десять-двадцать лет. А если значительно раньше? Но если так, то это уже XIII век — период распада Киевской Руси. Кстати, в войске Мамая, который в пик боя возносит молитвы почему-то языческому Перуну, а не мусульманскому Магомету, воюют и донские казаки... «Белые» казаки рубили «красных»? Похоже. Но главное — от кого бежали на Дон «холопы», если феодальная система Киевской Руси распалась, а Московская Русь едва-едва крепнет? Где легче укрыться от татарских конных шаек — в непроходимой чаще лесной Руси или в открытой степи, которая словно предназначена для успешных действий кавалерии?

А запорожцы? Вот распалась Киевская Русь, крепостного права нет и в помине, бежать от феодальной зависимости невозможно, потому что ее просто нет: старых феодалов пожгли «татаро-монголы», а новые еще не родились. И вот на порогах Днепра возникают укрепленные городки — Сечи, куда, словно по чьей-то команде, сбиваются в полки сотни и тысячи хорошо вооруженных и обученных воинов. Самое интересно, что в Речи Посполитой, которая стала географической и исторической наследницей Киевской

Руси, считают нормальным заключать с этими партизанскими ватагами договоры и союзы. Даже во Франции и в Испании готовы привлечь казачьи полки для войны друг с другом. Не слишком ли много чести для толп беглых холопов? Запорожцы — каста профессиональных воинов, она сложилась задолго до того времени, когда их «прописали» в истории.

Где-то на уровне интуиции чувствуешь, что казаки — донцы и запорожцы — потомки древнерусских богатырей-дружинников. Сословия, членам которого можно было иметь семьи, но нельзя было заниматься иным делом, кроме войны, охоты и рыболовства. Сословие, конечно, пополнялось пришлыми, в крови и сознании которых присутствовал «ген воина». Но основу богатырства-казачества, его «кадровый» костяк, составляли потомственные военные, чей удел — служить богу войны и охоты — передавался из поколения в поколение.

Казачество, как и средневековое рыцарство, было интернациональным. Английские, французские, испанские, итальянские, германские рыцари были различны этнически, но спаяны дисциплиной рыцарского ордена, верой в Христа и подчинялись Великому Магистру ордена и папе римскому. Донские и запорожские казаки имели в своих рядах великороссов и малороссов, поляков, потомков тюркских народов, даже немцев и французов, но каждый из пришлых становился православным христианином, верующим в Христа и в Святую Троицу. Безропотно подчинявшимся распоряжениям Верховной Рады или Войскового Круга, гетмана или войскового атамана. Православное казачество, как и европейское рыцарство, имело свой «кодекс чести», неукоснительно соблюдавшийся в бою и в быту.

Есть и еще одно удачное сравнение: донское и запорожское казачество — это православные «викинги» южных морей. Флотилии древних скандинавов на парусно-гребных судах — «дракарах» — наводили ужас на жителей прибрежных городов Европы и северо-запада Руси. Они были хозяевами рек и морей, штурмуя Париж и Лондон... Добирались до Средиземного моря и Северо-Американского континента. Только что не имели огнестрельных пищалей и орудий-фальконетов.

Спустя несколько веков их тактику на морях и реках как историческую эстафету приняли запорожцы и донцы. Они были грозой Азовского и Черного морей. (Кстати, «Черного» потому, что так его прозвали турки из-за черной роковой угрозы казачьего флота. А более мирное, спокойное море — Мраморное — именовали «Белым». Азовское в те времена называли «Синим».) Казаки были морским сословием до тех пор, пока молодая Российская империя, созданная протестантами, не «перевела» в кавалерию героев православного флота.

Вот еще что любопытно: никому не известна карта мира, составленная не по физическим параметрам планеты, не по политико-государственному принципу, не по национальному... А по религиозному. Ведь до начала XX века, даже, так сказать, в цивилизованных странах главной определяющей характеристикой человека была не его национальность, а вероисповедание. Вот даже в «прогрессивном» XX веке: если к СССР прибавить страны социалистического лагеря, где проповедовался полный или частичный атеизм, то получилась бы потрясающая картина. Около половины поверхности планеты не имела бы «религиозного цвета» на такой карте. Бесцветная, сатанинская муть — вот был цвет России в период с 1917 по 1991 год. А вокруг, наползая друг на друга, воюя и переплетаясь, пестрели разными красками «территории»: католичества, протестантства, ислама, буддизма, конфуцианства, православия, иудаизма и даже язычества, в разных вариациях... Нет, интересная получилась бы карта, даже для XX века, поучительная и характерная! А для веков XVI—XVII? Какой цвет на этой карте имело бы казачество рядом с синими «кляксами» Азовского и Черного морей? Какую роль играло?

Форпостом православного мира на рубеже с исламским было оно в те века. И рубеж, «линия фронта», проходил по морским волнам.

Итак, казаки донские и запорожские. Православные. Казаки-мореходы со своими

адмиралами, флотилиями, судоверфями... Они жили в одно время, буквально были братьями по оружию. В истории известен лишь один крупный инцидент между ними.

Весной 1625 года донцы и запорожцы сговорились захватить и пограбить турецкий порт Трабзон. Две тысячи донцов подошли к городу чуть раньше запорожских «чаек» и, боясь утратить фактор внезапности, в одиночку полезли на стены. Приступ их был отбит с большими потерями для них. Подошли запорожцы, а для решительного штурма сил уже не было. Между командирами союзных флотилий возникла ссора. Запорожцы обвиняли донцов в необдуманной спешке и в стремлении в одиночку довольствоваться богатствами побежденных... Донцы огрызались в ответ, что запорожцы слишком долго собирались и хотели на «горбу донцов» ворваться в город и взять большую долю добычи, поскольку понесли бы меньшие потери... Между союзниками вспыхнула драка, в результате которой донской атаман был убит и казачьи флотилии разошлись в разные стороны к неописуемой радости осажденных турок. Но такие конфликты были единичными.

У них была схожая тактика действий на море, были общие враги — Турция и Крымское ханство. Но! На этом их сходство и заканчивается.

Запорожцы, образно говоря, «жили в гражданском браке» с польским королевством, гетманы наведывались в Варшаву, в которой выпрашивали жалованье для казаков. В киевских и нежинских учебных заведениях учились сыновья казачьей элиты (стоит вспомнить легендарных сыновей Тараса Бульбы — выпускников бурсы). Запорожцы имели право заключать собственные торговые соглашения с турецким султаном, не оборачиваясь на Варшаву. Заключались союзы с Францией. Сичевики Днепра были, если так можно выразиться, более европеизированы. Более цивилизованы.

Донцы состояли в аналогичных отношениях с Московской Русью. «Гражданским браком» их войсковые атаманы «жили» с московским царем. Обменивались посольствами и «зимовыми станицами». Ждали денег, военных припасов и, уже во второй половине XVII века, подкреплений войсками.

Но их главная ударная сила, сила самостоятельная — приходилась на восток. На Азию. Если в Черном море они были «младшими братьями» запорожцев, которые то и дело приходили им на выручку в море Азовском, то на востоке, в море Каспийском, они были подлинными могучими «варягами» — грозой персов и наставниками флотилий терских и яицких казаков. И еще одно различие. Важное. После того как гетман запорожцев, Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сменил внешнеполитическую ориентацию с польской на великорусскую, морской флот запорожцев как-то стал хиреть. Словно сам собой. А ВМС донских казаков, наоборот, во второй половине XVII века пережили эпоху расцвета. Стоит вспомнить, что основанная в 1644 году крепость-столица донцов Черкасск (сейчас станица — Старочеркасская) была отстроена как островная крепость, на острове Черкасском. Именно на этот период приходится взлет флотоводческого таланта атамана Донского Войска — Степана Тимофеевича Разина. Его в истории описывают исключительно как уголовника, сжегшего корабль московского царя и утопившего в Волге женщину персидской национальности. «Забывая» перечислить ряд морских сражений в Азовском и Каспийском морях, которые он выиграл у турецких и персидских адмиралов.

Поэтому в нижеследующей главе, описывающей морскую славу Запорожского Войска, часто будут упоминаться донские казаки. Но моряки-донцы заслужили и отдельную, последующую, главу.

Прежде чем приступить к ознакомлению с морской историей казачества, было бы справедливо представить их практически единственного противника на Черном и Азовском морях — Турцию, ее военно-морские силы. (Запорожские казаки, правда, имели опыт морских боев с французским и испанским флотом в XVII веке, но это был хоть и яркий, но эпизод в их истории.)

И вот что интересно! Россия, православный мир воевали с турецким флотом минимум с начала XVI века по 1917 год. Сначала запорожские и донские атаманы, потом

адмиралы петровского и екатерининского флота... Адмиралов: Спиридова, Ушакова, Лазарева, Нахимова, Корнилова, Макарова, Колчака — победителей турецкого флота — знают многие. А кто в России знает турецких адмиралов, с кем они сражались, кого побеждали? Была ли в России издана хотя бы одна книга, автором которой был бы турецкий флотоводец, сражавшийся против Андреевского флага? Или не адмирала, а просто рядового участника или свидетеля этих сражений? Султанская Турция была достаточно просвещенной страной, с богатейшей культурой, чтобы в рядах ее флота были люди, способные владеть пером. За 400 с лишним лет, нет сомнений, о русском Черноморском регулярном флоте и о казачьем с «той стороны» написано немало. Только вот в России поче-му-то их если и издают, то как-то незаметно. Можно сказать, что практически нет работ российских авторов о турецком военном флоте, о его адмиралах XVII, XVIII, XIX и XX веков. Об английском флоте, о флоте Наполеона Бонапарта и Наполеона III, о кайзеровском и гитлеровском флоте, о японском, даже об итальянском — написаны и изданы тома и библиотеки. А о турецком, с которым воевали более четырех веков, — словно какой-то заговор молчания. В качестве подтверждения этого вывода можно привести книгу профессора Военно-морской академии, капитана 1-го ранга В. Д. Доценко — «История моего собрания», изданную в Санкт-Петербурге в 1998 году. В ней представлено около 8 тысяч изданий по военно-морской тематике. Упомянуты книги, изданные как до 1917 года, так и после... Чего там только нет! Вот только упоминания хоть об одной книге о русском флоте, принадлежащей перу турка, не обнаружено. (Нет сомнений, что если бы она была издана, да не одна — уж В.Д. Доценко о ней бы знал непременно. — Примеч. авт.) Все, абсолютно все современное черноморское побережье Болгарии, Украины, России, Грузии до второй половины XVIII века было турецким, практически все старинные северо-черноморские порты — в прошлом были портами и крепостями Турции, а о том, как их былые хозяева описывали процесс их утраты, в России молчок. Громко провозглашаются лишь данные о боевых потерях турок. (Удивительным исключением на этом фоне является издание в 1737 (!) году в Санкт-Петербурге книги венецианского графа де Марселли. Этот аристократ в 1679 году прибыл в столицу Турции и занялся, судя по всему, военно-морской разведкой. Прожил в Стамбуле 11 месяцев. За большие деньги он выкупил «Канун-наме» — книгу, в которой содержались боевые уставы турецкой армии и флота, справочные материалы по организации вооружения и снаряжения боевых кораблей и о принципах комплектования и обучения их экипажей. В Турции XVII века, как всегда и везде, были свои предатели родины за золото наличными. В 1735 году эта книга с комментариями де Марселли была издана в Париже. А потом и в Санкт-Петербурге: в России всерьез готовились воевать с Турцией. Да, в 1872 году в столице Российской империи была издана книга одного турецкого писателя и историка Эвлии Челеби, очевидца и современника сражений казаков с турками за право выхода в Азовское и Черное моря и нападений казачьих флотилий на Стамбул.) Может, были и другие примеры, но факт очевидный: данные о турецком флоте в России всегда были чрезвычайно скудны. И в этом сквозит какая-то фальшиво наигранная бравада, мол, турки, они турки и есть!

Запорожским же и донским казакам было, надо сказать, не до бравады. При всей их удали и мореходном искусстве каждый из них (хотя большинство были неграмотными и книг венецианского графа не читали) знал, что турок на море — сильный и умелый враг. И далеко не трус и неумеха.

Первое несомненное известие о морском походе казаков к турецкому побережью датируется 1492 годом — под Тягинь. (Надо полагать, что сия казачья флотилия образовалась не за полгода до отплытия. И экипажи казачьих лодок состояли не из практикантов-неофитов военно-морского дела.) По тому времени это был вызов, равный вызову на поединок Гулливера лилипутом. Ибо турецкий флот в Черном море в XV веке был настоящим великаном.

К концу XV века Османская империя турок была фактически монопольным

владыкой Средиземного, Мраморного, Черного и Азовского морей. Турки испытывали, пользуясь определением российского этнографа Л.Н. Гумилева, — «пассионарный подъем». В годы правления султана Селима I (1512—1520) правительство монархии выделяло огромные ассигнования на программы военного кораблестроения. Ко времени его смерти флаг с изображением исламского полумесяца развевался над мачтами более 300 кораблей. При его преемнике, султане Сулеймане I Великолепном (1520— 1566), турецкие ВМС насчитывали уже более 400 кораблей. Владения Османской империи простирались от Гибралтара до Персидского залива, от «Железных ворот» на Дунае до порогов Нила в Африке. Великий визирь (т. е. глава правительства) Махмет-паша Соколлу грозился отнять у русских Волгу, отбив Казань и Астрахань, взяв под контроль и Каспийское море. Турция превратилась в военно-морскую державу если не мирового, то евразийского масштаба, по сравнению с которой в то время даже английский флот чувствовал себя неуверенно.

Столкновение турецкого флота с мощнейшими флотами того времени — испанским и венецианским — было неизбежным. И оно произошло — в сражении у Лепанто в 1571 году. К тому времени султан Сулейман I Великолепный уже скончался, а объединенный флот христиан получил выдающегося флотоводца — дона Хуана Австрийского. Если о сражении испанской «Непобедимой армады» с английским флотом более-менее известно и в XXI веке, то известие о поражении турецкой «армады» вызвало ликование великих людей той эпохи. «В тот день разрушено было ложное убеждение всего мира и всех народов в непобедимости турок на море... посрамлена была оттоманская честь и гордыня», — восхищенно писал автор романа «Дон Кихот». Сервантес явно преувеличивал. «Мир» и «все народы» — это слишком завышенная оценка масштабов влияния турок. А главное, казаки, например, и без итогов сражения у Лепанто не верили в непобедимость турок на море. Поскольку побеждали их там не раз.

Правда, турок это стратегическое поражение навеки заставило забыть о мечтах выйти в открытый Мировой океан. Начавшийся экономический спад заставил отказаться и от программы строительства 180 новых галер. Можно сказать, что с началом XVII века начался закат морского господства Турции.

Но если от амбиций выйти в Атлантику турецким адмиралам пришлось отказаться, то свои внутренние моря — Средиземное и Мраморное, а также северные моря — Азовское и Черное — они ни с кем не собирались делить.

Основу военно-морских сил Турции составлял парусно-гребной флот, включавший в себя: фрегаты до 12 банок (скамеек) для гребцов, бригантины — 18 банок, галиоты — 24 банки, галеры или каторги — 25 банок, галеасы — 26 банок, средние баштарды — 27 банок, баштарды — 32 банки. Были еще самые мореходные, чисто парусные суда — парусные талионы и средиземноморские каравеллы.

Галерный флот состоял из двухмачтовых «закале», содержащихся за счет султанской казны, и галер — «беглер», которые содержались их капитанами за счет 14 прибрежных городов и земель. Оба типа галер имели огуречную форму корпуса, длиной более 50 метров, шириной более 6, с осадкой в два метра. Каждая галера имела 25 пар весел по пяти гребцов на каждое и три треугольных паруса на большой и передней мачтах. Паруса использовались только при попутном ветре. На борту имелся запас морских карт, компас и подзорная труба. Артиллерийское вооружение галеры представляло собой 3—4 орудия с ядрами более 15 килограммов. Боезапас галер — 20 центнеров пороха. Себестоимость постройки, снаряжения и вооружения одной такой галеры составляла 1344 рейхсталера. Командовал галерой капитан, был штурман, помощник штурмана по управлению матросами, надсмотрщик за гребцами-невольниками, были кузнецы, плотники, конопатчики, канатчики и весельные мастера. Каждая галера имела на борту роту морской пехоты в 100—140 человек.

Этот тип судов имел сугубо военный недостаток. Невысокий надводный борт и мешающие стрельбе комендоров гребцы. Поэтому в конце XVI века на турецких

судоверфях стали строить корабли по улучшенному венецианскому проекту — галеасы. Это был трехмачтовый корабль с «заваленными внутрь» бортами. На палубах были установлены 24 орудия, расчеты которых были защищены от ружейного огня. На 52 веслах изнывали 400 гребцов, а на палубе размещался, по сути, батальон морской пехоты — 300 человек, для десанта или абордажного боя. А уж самые крупные военные корабли Турции — талионы — строились на североафриканском побережье — в Алжире и в Тунисе.

Главнокомандующим военно-морским флотом Оттоманской империи был полный адмирал Капудан-паша, с постоянной штаб-квартирой на острове Родос в Эгейском море. Его заместителем был первый вице-адмирал. Второй заместитель, вице-адмирал, был в Стамбуле, при дворе султана. Соединениями флота в морях командовали контр-адмиралы. Показательный факт — главком ВМФ не отирался в приемных султана в столице, а был постоянно при действующем флоте. И в Турции не жаловали «паркетных адмиралов». Слово «адмирал» означало деятельность, а не звание.

В военное время, по мобилизации и вооружению торговых судов, в XVII веке численность турецкого флота возрастала до числа более 400 кораблей различного класса. И это не считая многочисленных береговых батарей в прибрежных крепостях черноморского и азовского побережья. И частей морской пехоты, то есть команд для абордажных схваток.

Южные моря являлись, таким образом, просто бассейнами для мусульманского флота. И вот в эти «бассейны» вливались две православные реки — Днепр и Дон, которые несли на себе лодки казачьих флотилий.

Действия этих флотилий, с парой крошечных пушчонок на далеко не каждой лодке, против военно-морской мощи Турции можно считать безумием. Или героизмом. Но «безумству храбрых — поем мы песню», вчитываясь в историю морской славы казачества — морского сословия.

Важно еще и то, что запорожцы решили главную задачу, которая стоит перед каждой морской державой. Каковой, несомненно, являлась военно-демократическая республика запорожских казаков. Они «взяли» море, добившись от турецкого султана в 1649 году подписания наивыгоднейшего договора, регламентирующего морскую торговлю запорожцев. Такого договора не подписывал ни один из российских императоров за все время противоборства с Турцией в Черном море. Но об этом подробно в следующей главе.

ГЛАВА 2
Морская слава запорожского казачества. ХУ1-ХУП века

Витре, витре Божий! Ты усиди бував.
Казаков по Черному морю колыхав.
Чайками казацкими себе забавляв.

Стихотворный сборник
«Казаки и море»
Сост. Д. Мордовцев

Запорожцы... При этом слове перед глазами возникают образы, описанные в повести Гоголя «Тарас Бульба». Лихие рубаки на быстроногих конях. В произведении, ставшем классикой русско-украинской литературы, кавалерийские массы казаков ведут осаду сухопутной польской крепости Дубно. В окрестных полях и лесах и разворачиваются события. Николай Васильевич хорошо знал древнюю историю своего народа. Знал, несомненно, и о морских походах казаков. Почему он не развернул сюжет, по которому герои его повести сражались бы на черноморских «чайках», штурмуя Стамбул, — этот вопрос можно отнести к числу творческих загадок писателя. Но с

талантливой подачи Гоголя, запорожские казаки — это отважные конники, лишь эпизодически пользующиеся лодчонками...

Между тем его современники немало писали о мореходстве запорожского казачества. В 1853 году в Саратове был издан сборник, включавший в себя стихотворения и отрывки из прозы, посвященные морским походам запорожцев в XVII веке. Составителем этого сборника, который имел общее название «Казаки и море», был малороссийский просветитель Дмитрий Мордовцев. Большая часть произведений, собранных им в сборнике, не имеет персональных авторов и относится к категории фольклора. Но о морских походах запорожцев писали и общеизвестные историки, и современники этих походов: французский инженер при польском дворе Боплан, итальянский инженер при дворе султана Д'Асколи, польские писатели и историки Пальчовский и Пясецкий, турецкий писатель Челеби, малороссийские историки XIX века Грушевский и Эварницкий. В Малороссии, Турции, Польше, Италии, Франции, Испании, Швеции и на Руси знали одно: запорожские казаки на море страшнее и искуснее, чем в поле.

Откуда и когда появились в истории запорожские казаки? Историки так и не смогли прийти к единому мнению на этот счет. Хотя данной книгой не ставилась задача ответить на этот вопрос, все же некоторые мысли на этот счет сформулировать необходимо. Самый ранний по дате морской поход запорожцев на Тягинь определяют 1492 годом. Что-то не верится, чтобы толпа беглых из континентальных земель, за год-два научилась строить морские суда, управлять ими в дальних морских переходах, разработала тактику морского боя, десанта на побережье, освоила навигацию, лоцию и мореходную астрономию. Причем в условиях почти поголовной неграмотности населения той эпохи. Скопление такой массы вундеркиндов за порогами Днепра с точки зрения здравого смысла необъяснимо. Кстати, от чего эти сухопутные вундеркинды в столь массовом порядке бежали на берега Днепра? Крепостное право в Московии появилось только в середине XVII века. В Малороссии к концу XV века его точно не было. Загадка.

1492 год — похоже, что это дата, просто случайно дошедшая до историков. Подобные плавания бывали и ранее. Значит, минимум с середины XV века запорожцы уже гуляли по волнам Черного моря. Где-то спустя сто лет, после завершения эпо- хи раздробленности славянских княжеств, за порогами Днепра стали стихийно формироваться ватаги казаков. А если не стихийно? Подумать стоит, чего ради землепашец оставит плодородные почвы Черноземья с благодатным климатом и подастся в морские пираты и рыбаки? Телевидения, радио и газет тогда не было — откуда неграмотному хлопцу было бы узнать, что казаки ходили морем на Тягинь и вернулись с богатой добычей? Ну, иной молодой субпассионарий мог «плюнуть» на скучный плуг и податься в «джентльмены удачи». Но чтобы в Запорожье повалили толпы таких отчаянных — это фантазия. Тем более что о крупных крестьянских восстаниях на Украине в начале XVI века историки не упоминают. Следовательно, запорожцы не могли быть скопищем лиц без роду-племени, пришедших с разных мест в разное время, незнакомых прежде с военным, судостроительным и морским делом. Это утопия. Но если они не беглые «бомжи», то кто они такие?

Стоит сравнить описания внешнего вида запорожских атаманов с образом киевского князя-язычника Святослава. Клок волос (оселедец) на макушке бритой наголо головы, серьга в ухе... Суровый, почти спартанский быт. Род занятий: война, охота, рыболовство, мореплавание. И дружинник князя Святослава, и запорожский казак в описаниях современников, как близнецы-братья. И тот и другой всегда были при оружии. Вероятно, что они имели семьи, детей, но домашнее хозяйство не удерживало их дома надолго. Собственно, это была своего рода каста, «цех» профессиональных, «кадровых» военных.

В 1997 году была издана примечательная книга Александра Бушкова «Россия,

которой не было (загадки, версии, гипотезы)». Автор этой книги высказал гипотезу, которая может объяснить происхождение и специфические черты психологии казачества. Золотая Орда, по Бушкову, — не название государства монголов, а военно-демократическое сообщество воинов. В XIV веке, после краха военного государства — Золотой Орды, массы профессиональных военных, дружинников князя-хана, остались не у дел. И так же, как после 1992 года тьма бывших офицеров Вооруженных сил СССР подалась в частные охранные структуры, так же масса воинов с семьями стали селиться компактно. И начали снова воевать, только уже за самих себя. В самом деле, не рожь и репу же сеять богатырю в кольчуге? Рубили укрепленные городки, избирали вожака-атамана и шли «за зипунами» куда придется. Ясно, что к ним сбегались все обиженные властями или земляками разного рода преступники и авантюристы, любители легкой наживы, те, кому «ген воина» в крови не давал спокойно спать под кровлей мирного дома. Но основу, «кадр» казачьего Войска, составляли потомки профессиональных дружинников князей Золотой Орды. Часть бывших воинов Орды селилась на Дону, часть — на Днепре. И застучали топоры, устраивающие засеки в Приднепровье... Возводились Сечи (Сичи).

Кстати, Сечь была не одна, не только на острове Хортица. На котором, кстати, и был убит князь-язычник Святослав — воин и мореплаватель. У запорожцев, помимо Хортицкой Сечи, было еще несколько военных баз: Томаковская, Чертомлыц-кая, Перегноинская. Последняя располагалась прямо у Кинбурнской косы и была, по сути, главной военно-морской базой казачьего флота. Но и остальные не напоминали биваки конных армий. Вот Чертомлыцкая Сичь (ее план-схема сохранился в архиве Военно-Топографического Депо Военного министерства Российской империи) находилась на полуострове. На нем были: верфь, эллинги (закрытые помещения для хранения судов на берегу), магазин такелажа и лесоматериалов, кузница. А вот конюшен нет. Ни одной. Не было их и на острове Хортица, и на острове Томаковке. Практически каждая Сичь находилась на острове, добраться до него можно было лишь по воде. Если, конечно, знать фарватер среди порогов и отмелей.

Советские археологи, проводившие в этих местах раскопки в 1940 ив 1951 годах, находили остатки кузниц, медеплавильных и плотничьих мастерских. В них изготавливалось снаряжение для морских кораблей: якоря, скобы, крепления для судов. Но не было подков, стремян и украшений для сбруи боевых коней.

Суда каких же типов строились запорожскими казаками? По свидетельству французского инженера при польском дворе Боплана, они спускали на воду суда длиною в 60 футов и 12 футов в ширину. И 12 футов в высоту. Эти корабли не имели киля. Скорее, это было плавсредство, выдолбленное из одного огромного бревна. С бортов эта колода обшивалась досками, причем каждый ряд выпускался над предыдущим. Доски прибивались гвоздями. Вдоль бортов крепились пучки сухого камыша толщиной с бочонок, обвязанного липовым лыком. Камыш обеспечивал остойчивость и непотопляемость. На челнах имелись переборки и скамьи для гребцов, два руля — длинные весла с широкими лопастями — в корме и в носу. На каждом борту было по 10— 15 пар весел. Была еще одна мачта с одним прямым парусом, который поднимали лишь при попутном ветре. Палубы не имелось, и волны в бурю свободно перехлестывали через борт. Но на плаву судно держал, как пробка, камышовый пояс.

Так описывает запорожскую «чайку» француз Боплан. Ему вторит итальянец на турецкой службе Д'Асколи. Потом это же повторял и польский историк XVI века Марцин Бельский. Уже в самом конце XVII века уничижительно характеризует судостроение казаков голландец на службе у Петра I — вице-адмирал Корнелий Крюйс.

Почти все историки отечественные в XIX—XX веков, описывая казачий флот запорожцев, используют только их оценки. Почему-то никому в голову не пришло озадачиться тремя вопросами. Первый — почему «дошли» до потомков только мнения иностранцев о судостроении казаков Украины: поляков, турок, французов, итальянцев,

голландцев, но нельзя прочесть оценки самих запорожцев или великороссов XVII века? (Эта странность почему-то «режет глаз».) Хотя среди запорожцев были грамотные и даже по-европейски образованные люди. Неужели за минимум два века интенсивного мореплавания никто из них не удосужился что-то написать о своем флоте, о своих судоверфях? Но не сохранилось... А может, не сохранили? Ведь полыхали пожары в архивах Донского Войска, значит, горели и библиотеки канцелярии Запорожского Гетмана. А сколько ценнейших документов эпохи допетровской Руси уничтожили или вывезли на Запад протестанты с начала XVIII века, доказывая, что приведены Петром I править дикими получеловеками-славянами? Не сосчитать.

И вопрос третий. Точнее — предположение. Известно, что запорожцы морем доходили до Дюнкерка, а это почти северная Атлантика. Были знакомы с судостроением стран Европы и Азии. Отказ казаков от кораблей крупного тоннажа объясним. Но почему за двести лет они не решились перенять косой парус, позволяющий идти и против ветра? Неужели два века запорожцы с упорством дебилов ворошили тяжеленными веслами волны, при свежем ветре, когда в том же Дюнкерке французы и англичане у них на виду поднимали косой парус? Нет, к Боплану и к его коллегам-иностранцам не должно быть абсолютного доверия, когда читаешь их описание казачьих судов. Иначе приходится поверить в слепых и дурных моряков-запорожцев.

Вероятнее всего, что казаки все же активно использовали парусное вооружение своих «чаек», не ограничиваясь примитивным прямым парусом.

Сомнение в объективности оценок, данных запорожскому судостроению иностранцами, укрепляет то, что именно ими пущена в историю байка о подводных лодках, якобы существующих у запорожцев в XVI веке. Автором этой легенды был иезуит Фурнье, поведавший миру, что в 1595 году казаки с помощью подлодок захватили Синоп. Монах побывал в Константинополе и «взял интервью» у свидетелей этого сверхнеобычного нападения: «Здесь мне рассказывали совершенно необыкновенные истории о нападении северных славян на турецкие города и крепости. Они являлись неожиданно, они поднимались прямо со дна моря и повергали в ужас всех береговых жителей и воинов». Дальше монах-журналист-международник сообщает, как его собеседники развеяли его скепсис. «Мне и раньше рассказывали, будто славянские воины переплывают море под водой, но я почитал рассказы выдумкой. Теперь я лично говорил с теми людьми, которые были свидетелями подводных набегов славян на турецкие берега». (Запись иезуита сильно напоминает отрывок из статьи в журнале уфологов, в котором очевидцы рассказывают о своих наблюдениях за «летающими тарелками» или прочими НЛО. — Примеч. авт.). Почему-то в XVII веке подводные челны запорожцами более не использовались. Но все же дыма без огня не бывает. Казаки могли притапливать свои суда в воду, делая их невидимыми на дальнем расстоянии. А сами умели дышать под водой с помощью полых тростниковых трубок Не исключено, что группа казачьего «спецназа» притопи-ла несколько «чаек», погрузив в них только холодное оружие: сабли и ножи, — и нырнула сама, сжав в зубах тростинки. В подводном положении они приблизились вплотную к береговой страже и, как морские черти — мокрые, решительные и беспощадные — полезли на приступ. И, бесшумно вырезав караул, очистили путь для всей флотилии. Кто-то из караульных мог уцелеть, убежать и рассказать начальству и иезуиту Фурнье страшную сказку о подводных лодках запорожцев.

Впрочем, некоторое число книг о казачьих морских походах, изданных самими малороссами в XVII веке, дошло до потомков. В XIX веке известнейший историк запорожского казачества Эварницкий нашел книгу — «Вирш на жалостный погреб зацного рыцеря Петра Конашевича Сагайдачного», изданную в Киеве в 1622 году. Раритет был с иллюстрациями. На одной из них казаки штурмуют крымский город Кафу. Изображены «викинги Черного моря» на большом корабле со сложным такелажем. Только таковых судов запорожцы и даром не хотели. На том рисунке при внимательном рассмотрении видно, что изображен турецкий корабль, взятый казаками на абордаж. Ибо

на заднем плане вычерчен аналогичный корабль, атакуемый «чайками», с которого бежит турецкий экипаж.

Лишь к концу XVII века на Днепре стали строить для плаваний по Черному морю новый тип судов, так называемый «дуб» (вероятно, название произошло от названия древесины, которая использовалась для постройки таких судов, так как дуб практически не гниет в воде). Черноморский «дуб» запорожцев имел длину до 20 метров, палубу и две мачты. Парусное вооружение сходно со шхуной.

Казаки, конечно, много раз имели возможность взять на вооружение трофейные турецкие корабли. Могли купить, в конце концов. Научились же строить «чайки», так без труда освоили бы и крупнотоннажное судостроение. Не исключено, что подобные идеи соблазняли порой гетманов, мечтавших о своем геополитическом влиянии на Черноморский регион. Но их флотоводческие аппетиты неизменно терпели крах на Раде. Выслушав такого атамана, казаки заламывали на затылок папаху и резонно уточняли у поклонника больших кораблей: «А нащо воны нам, батько?! Хиба ж и так турка не бьемо?» Сметливый казачий ум был прав. Мелководье, речные устья, заросшие камышом, лиманы, наполненные отмелями, — большим кораблям там была готовая смерть. К тому же от пушечного огня с турецких галер намного легче было спастись маневром мелкой «чайки». Мешали и принципы военной демократии. Лишь в бою или в походе атаман — бог, царь и начальник. А на берегу, в мирной жизни он такой же брат-казак, равный среди равных. А командир-капитан большого корабля, даже стоящего «на приколе» на базе, на берегу также остается начальником. Но главное, запорожцы и без большого флота владели морем. По единодушному мнению современников из разных стран, запорожские «чайки» превосходили турецкие корабли по быстроходности и маневренности. Историки же снисходительно относят запорожские челны к категории судов прибрежного плавания. Это явная недооценка. Разумеется, переплыть Атлантический или Тихий океан на них было бы невозможно. Но пересечь Черное море, выйти через Средиземное море к берегам северной Франции на «чайках» удавалось вполне.

Основу военно-морской тактики запорожского флота составляла концентрация плотности и меткости ружейного огня с «чаек» по палубе турецкого корабля. Подойдя почти вплотную к противнику, стая «чаек» окружала турецкую галеру, словно рой ос медведя, и «жалила» его свинцом. Казаки привязывали лозой весла к кочетам (уключинам), оставляя управление судном лишь рулевым. Одна часть казаков стреляла залпами, вторая перезаряжала ружья. Пальба не прекращалась ни на минуту. Пули и картечь разили комендоров, палубных матросов, солдат абордажной партии... Потом на борт лезли казаки с саблями в руках.

В каждой Сичи умели делать порох, отливали ядра для фальконетов и пули для ружей. Кстати, сабли, оружие в первую очередь кавалерийское, имели не все казаки, но огнестрельное, для дальнего морского боя, берег каждый запорожец. Ружье и сабля считались признаками чести запорожца. Он мог пропить с себя все, ходить хоть голым, но, если оставался при оружии, значит, урона чести не имел. Отличительной была и военная психология запорожцев. Гуляки и пьяницы на берегу — в море они соблюдали строжайший «сухой закон». В Сичи они щеголяли в богатых нарядах, но в поход уходили в самой скромной одежде. Казак не проходил мимо убитого турка, если рядом лежал пистолет с богатой отделкой или сабля с серебром или золотом... Но в бой брал только проверенное, без ненужной пышности оружие. Более того, в море они специально смачивали стволы ружей, чтобы появилась ржавчина на поверхности: лучи солнца, играя на начищенной стали, могли выдать «чайку» глазу наблюдателя на мачте турецкой галеры. С захваченных кораблей запорожцы брали не только товары, пленных, но, если позволяли обстоятельства, снимали и пушки с боеприпасами. Если покоряли крепость, то старались взять с собой и осадные орудия. Так, в 1557 году польский аристократ Дмитрий Вишневецкий, командуя запорожскими казаками, взял штурмом турецкую крепость

Ислам-Кермен. В числе трофеев посчитали крупнокалиберные крепостные орудия, которые перевезли морем в Сичь. Да-да, польский магнат командовал запорожцами к обоюдному удовлетворению. Антагонизм между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о «присоединении Украины к России». Во всяком случае, в XVI веке он не был непреодолим, польские военные и казаки если не дружили, то нередко выступали как боевые союзники. Не случайно еще в начале XVII века запорожцев в Европе называли «польскими казаками», чтобы обозначить разницу между ними и казаками донскими — союзниками Московии. И в XVI столетии поляки и запорожцы славно погуляли по Черному морю.

Да простит читатель чуть нудное перечисление дат и мест, свидетельствующих о морских походах запорожцев, но они яркая иллюстрация смысла названия этой книги. Казачья флотилия ходила на Та-вань в 1502 и в 1504 годах. В Белгород (город на западном Причерноморье, ныне территория Болгарии) в 1516-м и в 1574-м. На Очаков ходили: в 1523, 1527, 1528, 1538, 1541, 1545, 1547, 1548, 1551, 1556 году. В том же году казаки грабили Керчь. Перекоп потрясли в 1558-м, Кафу сожгли в 15бО-м. За один год, 1575-й, успели разграбить три крупных турецких порта: Стамбул (окрестности столицы), Синоп и Трабзон. На следующий год также «пиратское трио», разорены города: Килия, Варна, Силистрия. Затем казаки прошлись по всему черноморскому побережью огнем и саблей — в 1578 году, в 1583, в 1586, в 1590, в 1593, в 1595 и 1599 году.

Получается, что в XVI веке запорожцы совершили минимум 25 крупных морских походов. В каждом походе обычно участвовало в среднем около 1000 казаков. Каждый из которых имел, как уже отмечалось, ружье — это значит более 25 000 стволов. А надо было еще наплавить пуль и ядер, наготовить пороху на такую толпу стрелков и артиллеристов. Настроить десятки морских «чаек» со всем снаряжением. В XVI веке воинское подразделение в пару тысяч человек, вооруженных огнестрельным оружием, считалось мощнейшей военной силой. А город, в котором проживало более 20 тысяч жителей, — был крупным городом. Конечно, запорожцы уходили в походы не из одной-единственной Сичи. Но тем не менее, с какой стати десятки тысяч людей-пахарей стали бы бежать (от кого?) в Запорожскую Сичь, если считать казаков скопищем беглых «бомжей»? Отмечена ли в XVI веке массовая миграция славян за пороги Днепра? Да, эти самые беглецы без роду-племени еще и приносят с собой каждый ружье — вещь дорогую и дефицитную в времена. А самое интересное то, что недавний землепашец или скотовод за несколько месяцев превращается в бывалого морехода и в меткого стрелка.

Легко себе представить: качается на волнах турецкая галера, еще более прыгает на гребнях легкая «чайка»... Турки бьют из всех орудий. Соседи толкают, пороховой дым застилает прицел. В таких условиях и из автомата Калашникова не всякий попадет в цель, а уж из кремневого ружья... Получается, что ни беглый холоп, то снайпер.

Да, среда казаков пополнялась пришлыми. Но основой ее были потомственные воины, которые родились, выросли, возмужали и получили отличную боевую подготовку в родной Сичи. С детства они учились стрелять без промаха, фехтовать абордажной саблей, рукопашному бою, навыкам мореплавания. То есть представляли собой давнее морское сословие, корнями уходившее в «кадры» дружинников древнерусских князей. Военно-морское сословие.

Заручиться поддержкой столь умелых воинов, нанять их мечтали многие государи той эпохи. В конце XVI века московский царь Иван IV Грозный направлял бояр — сговориться с Радой, чтобы казачья флотилия запорожцев прибыла на Балтику сражаться с шведским флотом. Царь озадачился созданием русских ВМФ на Балтике, арендовал для военно-морской базы остров Борнхольм, нанял командующего русским Балтийским флотом XVI века — датчанина Карла Карстена, нанял десяток боевых кораблей (офицеры — иностранцы, матросы и комендоры — русские). Но этого было мало, вот он и звал на Балтику братьев по вере — запорожцев. Но что-то у бояр с гетманами не сложилось, на Балтику запорожские казаки не попали. Нет сомнений, что царь Иван Грозный зело бы

удивился, узнай, что потомки припишут создание русского флота на Балтике полуграмотному мужу горничной немецкого пастора. А запорожцев будут считать неисправимыми конниками.

Но хотя шведов запорожцы так и не потрепали, турецкие корабли и прибрежные крепости они раскалывали, как рукояткой пистолета орехи.

Шестнадцатое столетие, особенно его первая четверть, было эпохой расцвета флота Запорожского Войска. Почти буквально «золотым веком», ибо на казачьих «чайках» сундуки были полны трофейным турецким, татарским, французским и испанским золотом. Именно в этот период турецкий флот утратил стратегическую инициативу на Черном море. Казачьи флотилии заставили султана сначала сосредоточить практически весь свой флот в Азовском и Черном морях. А когда это не помогло, не спасло морские торговые коммуникации и северные колонии Турции от запорожцев, султан был вынужден подписать наивыгоднейший торговый договор с запорожцами. В XVII веке запорожцы вырвали у Турции стратегическую морскую победу. Такой, смело можно сказать, не удалось достичь ни одному из российских императоров с XVIII по XX век!

Если ранее казаки, грабя турецкое и крымское побережье, старались уходить от схваток с турецким флотом в открытом море, то теперь запорожские флотоводцы не боялись принимать такое сражение. Уже в мае 1602 года казаки в устье Днепра, захватив у турок несколько галер, с эскортом в 30 «чаек».вышли в море.

(Это подтверждает тот факт, что эпизодически они использовали для своих нужд крупные корабли. И при желании могли бы настроить армаду подобных судов.) И разметали турецкий конвой под Килией, захватив еще одну боевую галеру и несколько транспортных судов. Затем в Днепровском лимане эти же казаки атаковали эскадру турецкого адмирала Гасан-аги, отбили галеру и захватили еще одно судно, идущее из Кафы. И с попутным ветром вернулись домой. Трофейные корабли пустили на дрова, предварительно сняв все полезное, прежде всего артиллерию. Вопрос: если казаки захватили минимум пять галер и отлично управляли ими, разгуливая по Черному морю и громя турецкие эскадры, моряки они или кавалеристы? И главное, могли ли они оставить эти плавучие трофеи до следующей кампании? Могли, несомненно! Но зачем? Консервация деревянного судна на зимний период — дело хлопотное, а оно вольным казакам надо? Кроме того, стоянка таких судов выдавала туркам и татарам место базы запорожцев, лишала преимущества внезапного выхода в море, рассекречивала и место этого выхода. Да гори они огнем в печках, эти галеры, летом еще захватим! И действительно, захватывали десятками.

В 1606 году запорожцы напали на Килию и Белгород. Попутно разгромив в море турецкую эскадру, взяв на абордаж уже 10 галер. В тот же год казаки взяли крепость Варну, считавшуюся неприступной, как в XVIII веке — Измаил. Одновременно уже сам гетман Запорожского Войска, Петро Сагайдачный, повел не менее мощную флотилию на Кафу. Годом позже адмирал-гетман Сагайдачный одержал победу над турецким флотом у Очакова. 1609 год: 16 «чаек», имея на борту более 800 казаков, наводили ужас на Измаил, Килию, Белгород (Аккерман). Другой отряд мучил многострадальную Кафу. В 1613 году запорожцы разорили практически все южное побережье Крыма.

Тут уж у султана лопнуло терпение! «Чаша гнева» у монарха переполнилась. В ярости он приказал сильной эскадре стоять в засаде у устья Днепра — караулить возвращающихся с победой «православных викингов». Видимо, караульные боялись больше султана, чем казаков. Потому запорожцы смогли застать ночью мирно храпящих турок врасплох. Незаметно для часовых подкрались к самым бортам турецких кораблей... Шесть галер взяли без единого выстрела. Остальным удалось в панике удрать.

Но самым звонким по морским победам выдался 1614 год. Это был действительно «черный год» султанской Турции.

Уже в последних числах августа 2000 запорожцев на 40 «чайках» для начала захватили Синоп. Полностью уничтожили гарнизон, ворвались в старинный замок,

подожгли город. Взорвали арсенал, сожгли верфи и стоявшие в порту и на рейде галеры и галионы. История не сохранила имя командующего казачьей эскадрой, но не иначе его душа переселилась в младенца Павла Нахимова...

Если раньше запорожцы совершали лишь краткие набеги на турецкую территорию, то 1614 год можно считать началом широкого вторжения в Турцию с моря. В султанском дворце в Стамбуле грянули «оргвыводы». Повесили великого визиря Насух-пашу, ответившего своей шеей за ужас Синопа. Румелийскому бейлербею, Ахмет-паше, приказали стеречь казаков в Днепровском лимане, предупредив, что если его янычары проспят казаков, как накануне, то бейлербею лучше будет самому повеситься на нок-рее. Из Средиземного и Мраморного морей в Черное была отправлена эскадра Али-паши и главные силы флота с его главкомом — Капудан-пашой. Для борьбы с казаками в Азовском море была передислоцирована эскадра Шакшак Ибрагим-паши. К осени 1614 года в северных морях турки сосредоточили почти весь флот Блистательной Порты. Такого еще не бывало никогда. Самое худшее для турок было то, что такие громадные силы вернулись обратно ни с чем. Несколько выигранных у казаков мелких стычек — вот и все успехи этой армады. Сотни боевых многопушечных кораблей захватили в плен не более 60 казаков, еще две сотни запорожцы потеряли убитыми. Трофеи мусульман были более чем скромными.

На следующий год казачий флот появился уже на горизонте Стамбула. Наплевав на 24-тысячный гарнизон столицы, на 6-тысячную личную гвардию султана и на военных моряков, запорожцы напали на порты Мизевну и Архиоку. Сам султан в тот день охотился в предместьях столицы. Его очень заинтриговали столбы дыма, поднимавшиеся над городом. Прибыв во дворец и узнав, в чем причина паники и пожаров, монарх «взорвался яростью», как бочка с порохом. Флоту Капудан-паши было приказано догнать и отомстить неверным! Догнали только в устье Дуная. Казаки легко и быстро развернулись и полностью разгромили всю турецкую эскадру. Взяв в плен самого главкома турецкого флота. (Можно предположить, что тот сдался сам, понимая, что прорываться можно только к собственной виселице. Невозможно себе представить, чтобы султан простил его после такого поражения.) На захваченных галерах запорожцы подошли к Очакову и на глазах у его гарнизона сожгли свои трофеи.

1616 год. Атаман-гетман Сагайдачный с двумя тысячами казаков одержал блестящую морскую победу в Днепровском лимане, разгромив 14-тысячный отряд на 116 судах эскадры Али-паши. Казаки потопили, сожгли и захватили 15 галер и более 100 вспомогательных судов. Только одной галере удалось выскользнуть — с самим Али-пашой. Осенью адмирал Сагайдачный подошел со своей флотилией к Синопу. Потом сжег порт Минер, где уничтожил 26 турецких кораблей. Эскадра турецкого адмирала Циколи-пагги из 6 галер с вспомогательными судами бросилась в погоню. Казаки их подождали... потопили три галеры... и поплыли себе дальше. Отряд кораблей Ибрагим-паши подошел к Очакову, чтобы караулить возвращавшихся в Сичь казаков. Долго же он ждал! Запорожцы решили, раз ветер попутный, а сундуки еще не полны, взять курс к побережью Малой Азии. Разгромив еще раз Синоп, эскадра Сагайдачного вторглась в святая святых — в пролив Босфор. Если бы она достигла главной базы турецкого флота — острова Родос и овладела бы еще и им... Султану можно было бы вешаться самому. Но он повесил еще одного великого визиря — Насир-пашу. Несчастный царедворец просто не мог решиться сообщить султану об истинном положении дел. За него это сделали «доброжелатели». Монарх был скор на расправу!

И его можно было понять. На следующий год — в 1617 году — казаки гетмана Дмитро Барабаша подошли к Стамбулу, и их паруса стали видны в окна султанского сераля. Б открытом море они одержали полную победу над турецкой эскадрой, причем удалось утопить ее командующего. В полном отчаянии султан запросил помощи у польского короля. Он казнил адмиралов и министров, рвал и метал клочки своих фирманов, требовал войск и кораблей.

Солдаты и моряки были, но, по свидетельству французского посланника в Стамбуле де Сези, их заставляли воевать с казаками буквально из-под палки. Страх перед запорожцами был сильнее страха перед палочными ударами. С таким войском много не навоюешь, но делать было нечего.

Разочаровавшись в возможности защититься от запорожцев военной силой, султан стал просить польского короля Сигизмунда III урезонить «польских казаков». В Стамбуле знали, что формально Запорожские Сичи находятся во владении польского королевства. Но в том-то и дело, что только формально! Через год большая флотилия казаков вышла в Черное море, игнорируя угрозы из Варшавы оставить мореходов без жалованья из королевской казны. Что им был «оклад», когда они потрошили богатые кладовые турецких и татарских сокровищниц. Надо отметить, что в Варшаве король искренне хотел помочь своим южным союзникам в борьбе с Русью. Польский монарх, узнав, что казаки плевали на его запрет, повелел сейму (парламенту) направить делегацию депутатов в Сичь — убеждать запорожцев не обижать турок. Представитель короля в сейме вынес этот вопрос на повестку дня. Депутаты начали прения. Обсуждали долго. Единогласно признали, что «сладка смерть за Отчизну». Но сами смаковать эту сладость не захотели, пояснив, что для них поездка к запорожцам «смертью пахнет». Польские парламентарии, оценив риск на вкус и запах, решили, что такая политика не для них. И предпочли для себя «горькую жизнь за Отчизну», без аромата смерти. А казаки занялись привычным делом — бить мусульман.

В феврале 1620 года в морской поход вышли более 300 «чаек» — около 15 000 казаков. А летом 1621 года запорожцы чуть было не взяли столицу Оттоманской Блистательной Порты. Подступы к Босфору охраняли только три галеры. Когда на горизонте увидели паруса 16 «чаек», в городе началась безумная паника. Только через два дня удалось наскрести 40 торговых и вспомогательных судов. Но эта «ополченческая» флотилия так и не решилась вступить в бой с 16 казачьими челнами, экипажи которых деловито и спокойно экспроприировали ценности турецких богачей. Известие о казаках достигло каюты турецкого адмирала Халиль-паши, эскадра которого базировалась в Килии. Как исправный служака, он бросился на защиту столицы. Казаки заманили его флот на мелководье и разгромили наголову. Было потоплено 20 галер, остатки турецкого флота укрылись в гавани Стамбула.

Правда, это не значит, что турки были такими трусливыми, неумелыми и невезучими противниками. Бывали победы и у них. Казаков, захваченных в плен моряками Капудан-паши, привезли в Стамбул и там предали казни с мстительной жестокостью. Французский посланник в Турции де Сези пугал короля Людовика XIII описаниями этих казней. Пленных запорожцев топтали слонами, разрывали на части, привязав между галерами, закапывали заживо... Оставшихся 40 казаков, облив смолой, сожгли заживо.

Запорожцы мстили. Уже в июне 1624 года 102 «чайки» были у стен Стамбула. Еще при выходе из Днепровского лимана они встретились с эскадрой турок из 25 галер и 300 мелких судов — ушкалов (мелких, но по своим размерам и вооружению равных казачьим судам. — Примеч. авт.). Морское сражение шло несколько часов, казаки опрокинули турок и вырвались в море. В том же году в морской поход вышла флотилия из 150 «чаек». Получается, что в море в том году вышли в общей сложности 252 «чайки», а если на каждой было по 50 казаков, то более 12 000 запорожцев вели бои на море. Дивизия, по счету XX века. Но никак не кавалерийская. Зимой 1623/24 года в Сичи не смолкали топоры — рубили «чайки», заготавливали порох, плавили свинец, шили паруса и смолили канаты, ковали якоря... До конных ли подков было запорожцам? На следующий год в море вышло более 350 «чаек» — почти 18 000 казаков.

А летом 1625 года в устье Дуная произошло еще одно масштабное сражение турецкого флота — 43 галеры адмирала Реджеб-паши против 350 запорожских «чаек». Имя казачьего адмирала история не сохранила.

Сражение окончилось вроде бы победой турок. Только 30 казачьих «чаек» добралось до берега. Но потери турецких моряков были колоссальны, за что тот бой можно смело окрестить «пирровой победой». На начальном этапе сражения преимущество было у православных. Ветер стих, паруса турецких галер обвисли, а подневольные гребцы устали. Зато дружно взмахнули веслами на легких «чайках».

О том сражении сохранилось воспоминание турецкого ветерана. «Началась страшная битва, мусульмане сражались с несказанной отвагой. Корабль Капудан-паши очутился в беде и чуть не стал добычей разъяренной сволочи, — ругался в хрониках турок. — Эти злодеи, узнав его галеру по трем фонарям, помещавшимся на корме, как неистовые набросились на нее с трех сторон, так как сзади ее защищали пушки и частая ручная стрельба. Несмотря на массу своих трупов, двести негодяев все-таки влезли на палубу корабля, и до мачты было так завалено трупами неверных, что нельзя было пройти. Гребцы галеры, все из казацких пленных, перестали работать веслами и, наверное, ударили бы на мусульман, если бы не были закованы в кандалы... Много других кораблей уже становилось жертвой разъяренных неверных, уже мусульмане, видя неминуемую гибель, припадали, моля о помощи Аллаха... как вдруг эту страшную тишину развеял счастливо налетевший шквал. Надуваются паруса, и через несколько мгновений множество перевернувшихся и разбитых челнов наполняет море тысячами неприятельских трупов». Турки оценили урон казаков в 172 «чайки» захваченными, при 786 пленных. Потоплено, по их мнению, 100 судов. Европейские дипломаты из Стамбула доносили о более правдивых данных. Они насчитали только пленных, а «чаек», вероятнее всего, потопили не более 70. Француз де Сези едко описал причины успеха турецкого флота: «Если бы не северный ветер, который поднялся и помог паше, казаки разгромили бы его флот». И несмотря на крупное поражение казаков, европейцы именно в те годы писали восторженные отзывы о них. «Казаки так отважны, что не только при равных силах, но и 20 «чаек» не побоятся 30 галер падишаха, как видно это ежегодно на деле», — писал итальянец Д'Асколи. Французу и итальянцу вторил польский историк Павел Пясецкий: «По словам самих турок, никого они не страшатся больше казаков».

Да, запорожцы были храбры, презирали смерть. Но одной смелости мало, надо еще и воинское мастерство. Только откуда оно могло быть у десятков тысяч беглых землепашцев, за год-два научившихся стрелять более метко и рубить более виртуозно, чем профессионалы турецкого султана? Странные беглецы ломились в Сичь. Не отчаявшиеся холопы, а какие-то дезертиры из «спецназа».

Итак, за 10 лет — с 1614 по 1624 год — флот запорожских казаков минимум пять раз громил турецкие эскадры в морских сражениях. Дважды это заканчивалось гибелью турецких адмиралов. Трижды казачьи флоты осаждали с моря столицу Турции. Казаки потопили и сожгли сотни боевых и транспортных судов турок. Высадили десятки успешных морских десантов на территорию Турции. Неоднократно прорывались через Босфорский пролив. Всего за 10 лет. А теперь стоит вспомнить историю регулярного Российского Черноморского флота, сражавшегося с Турцией в тех же водах почти триста лет — в XVIII, XIX веках и в XX веке до 1917 года. Кто из адмиралов может сравниться с гетманами Сагайдачным или Барабашем по числу и масштабу морских побед? Адмиралы Ушаков, Нахимов, Колчак? А кто из них с моря подводил свои эскадры к Стамбулу? А кто сумел прорваться через Босфор? Никто! Ни один из них. А запорожские казаки совершали это многократно.

В 80-е годы XX века в СССР вышел забавный мультик про то, как запорожцы французским мушкетерам помогали... Еще забавнее тот факт, что в действительности в XVII веке казаки помогли французам, хотя и не совсем мушкетерам. Переписывался с их гетманом не знаменитый кардинал-эстет Ришелье, а его преемник — толстенький кардинал Мазарини. Жаль, очень жаль, что подобный сюжет не вдохновил романиста Дюма...

Но по порядку. К 1646 году польский король Владислав IV ввязался в

Тридцатилетнюю войну. Варшавский монарх симпатизировал Зиновию Хмельницкому (уже после смерти короля ставшему Богданом и сторонником военно-политического союза с Москвой). В тот год Хмельницкий не мечтал о Москве, а смаковал роскошь и комфорт французской столицы. Будущий «присоединитель Украины» был настолько очарован Парижем, что обещал французскому послу в Варшаве — графу де Брежи — не менее трех тысяч казаков для помощи в штурме Дюнкерка. И обещание свое сдержал.

Ну, не три тысячи, а 2400 запорожцев морем, на своих «чайках», добрались до Дюнкерка, чтобы сражаться с испанцами. Прибыв к французским «работодателям», православные ландскнехты потребовали плату вперед. По мнению французов, они дрались неплохо, но едва случилась задержка жалованья, как половина «в долг» сражаться отказалась наотрез. А вторая половина перешла на сторону испанцев, которые готовы были заплатить раньше французов. В архивах Дюнкерка русский историк А.В. Половцев обнаружил переписку между принцем Конде и кардиналом Мазарини. В частности, письмо кардинала от 1 ноября 1646 года, в котором он жаловался принцу на продажность православных наемников (о своей архивной находке историк сделал сообщение в Обществе любителей древней письменности 26 марта 1899 года). Но главное то, что запорожские казаки понадобились Франции не для кавалерийской войны, а для морской, против испанского флота. Что подтверждает их «морское сословие».

Но самым главным свидетельством этого является договор о морской торговле, заключенный между султаном Турции и гетманом запорожцев. К 1649 году, когда был подписан этот договор, казаки так допекли Стамбул, что султан готов был подписать соглашение хоть с самим шайтаном, лишь бы дать покой измученным казачьими набегами городам. Главу мусульман можно было понять. Направлял против казаков эскадры в сотни кораблей — не помогло. Казнил нерадивых великих визирей, смещал адмиралов — не спасло. Совместно с польским королем пытался «сплавить» запорожцев подальше — в Атлантику, на головы французов и испанцев. Помогло мало. Султану ничего другого не оставалось делать, как пустить запорожцев в свои порты миром. Иначе прорвутся сами. А главное, возложить на них самих ответственность за покой на торговых путях.

Историки очень не любят ссылки на этот договор. Обзывают его «формальным», реально не действующим. Уж очень он «мешает» созданию образа запорожца, лишь от случая к случаю выходящего в море. А главное, превращает пирата в оборотистого и ответственного купца. А запорожцам было что везти на продажу в Турцию: пушнину, древесину, мед, воск, рыбу...

Текст этого договора говорит сам за себя. В 1649 году запорожцы «взяли море», обосновав тем самым смысл своих военно-морских сил. Флот, созданный Петром I, подобного не совершал никогда. Можно сделать смелое предположение: Российская империя о подобном договоре с Турцией и не мечтала. Впрочем, вот сам договор.

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ С СУЛТАНСКОЙ ТУРЦИЕЙ

(«История Малороссии». Маркевич. Т. 3)

«1. Позволяет Султан Турецкий войску Козаков и народу их иметь свободное плавание на Черном море ко всем своим портам, городам и островам, так же на Белом (Мраморном) море ко всем своим владениям и островам с их портами, и к портам других Государей и владениям Христианским, так же по всем рекам и ко всем городам, с коими, по желанию своему в торги и в купеческие дела входить имеют, продавать, покупать и менять по воле своей, стоять в портах и выезжать, когда захотят, без всякого препятствия, сопротивления и затруднения.

2. Для поспешествования новой торговли войска Запорожского и народа его, Султан Турецкий освобождает купцов их от всякой пошлины, мыта и подати, а также товары их, какие только они в Государство его ввозить, или из Государства его вывозить захотят, с сроком на сто лет (если не на сто лет, то хотя на пятьдесят или, по крайней мере, на тридцать), за чем должностные начальники повсюду смотреть будут, а по истечении ста лет,

если Бог позволит, не большую тягость податей нести имеют, как и самые Турки.

3. Домы для складки товаров, в городах и портах Султана Турецкого, как при Черном море, так и при Белом быть имеющих, позволяет Султан войску Козаков заводить и тем торговать, и купцам их свободно пребывать, не платя никакой подати в продолжение вышеупомянутых ста лет.

4. Наместник Войска Запорожского и народа его, в Стамбуле иметь будет свое пребывание с должным почтением и без всякой опасности и обязан ходатайствовать о правосудии обиженным козацким купцам: так же и войско Запорожское, наместника Султанского в портовом городе своем имеет, который должен выдавать пашпорты козакам для свободного их проезда на галерах или кораблях, куда захотят, и за паш-порт брать не более одного червонца. В присутствии его, начальник галеры имеет учинить присягу, что он никакой измены против Государства Султанова не сделает, оный же наместник Султана обязан право сие, на Турецком языке писанное, каждому требующему на письме выдать за своеручную подписью и с приложением печати.

5. Для удержания своевольных людей от нападения на море, с дозволения Султана, войско Запорожское заложит не- сколько городов портовых ниже порогов, даже с устья реки Буга в Днепр, откуда и торговлю свою производит, и безопасность на море против своевольства обеспечить само собою имеет.

6. Если бы кто своевольно из войска Запорожского нападал на море, над такими надлежащий суд учинить должно войско Запорожское при наместнике Султанском, а для сего, торговли Козаков и купечеств их затруднений и препятствий делать никогда и никто в Государстве Турецком не будет.

7. Если бы с Дону какое возникло своевольство, и оттуда на море выехали для разбоя, то вместе с Турецкими галерами ловить надлежит, и козацких своевольников наказывать, и взаимно друг другу вспомоществовать, чтобы море было чисто и свободно.

8. Если бы галера козацкая, в чем будь право Султана (да сохранит его Бог) преступила, то начальник галеры должен быть наказан, а сама она с товарами и работниками своими останется свободною, и другие так же, в товариществе с нею находящиеся галеры и корабли имеют быть свободными, дабы невинно не терпели и заключенный мир был бы ничем не нарушен.

9. Если бы галера или корабль козацкий разбился на берегу Султанском, то вещи те, кои могут сохраниться, были бы спасены и наследникам отданы.

10. Касательно долгов купеческих, право купцам козацким такое же быть имеет, как и Туркам во всем государстве, и суд немедленный.

11. Галер или кораблей козацких ни на какие потребы, ни на какую службу Султан Турецкий употреблять не позволит, ни их людей, ни товаров, ни оружия, но свободный вход и выход во всем, что имеют, когда захотят, им обещает и обеспечивает.

12. Когда какой купец умер в Государстве Турецком, на море или на суше, то все имущество его, принадлежать будет наследникам его, и никем удержано быть не может, и хотя бы, что кому отказал, или записал при смерти, недействительным почитаться не будет.

13. Невольников Христианских у Турок, так как и Турецких у Христиан, купцам козацким свободно выпускать позволено будет. А если бы невольник Христианский, в государстве Турецком находившийся, на галеру или корабль козацкий убежал, то его утаивать или укрывать начальник галеры не имеет права, но должен его выдать и на сие никакого убытка или обиды не потерпит ни он, ни галера его, ни люди, ни товары его, так же когда работник какой вольный или невольник с галеры козацкой бежал, Турки должны будут выдать его козакам».

Ну, каков Договор? Неудивительно, что после 1650 года, как свидетельствует хроника боевых действий запорожского флота в XVII веке в Черном море, военно-морская активность казаков пошла на убыль. И резко. Действительно, зачем грабить и убивать, когда можно и обогатиться, и домой всем вернуться живыми и здоровыми? Разумеется, далеко не все казаки, по природе своей анархисты, или те, кто не мог мириться с рабством братьев, попавших в плен раньше 1649 года, пунктуально выполняли его условия. Но геополитически именно с него начался раскол в Запорожских Сичах между сторонниками турецкой и московской ориентации.

К середине XVII века польская монархия стала стремительно дряхлеть. Как симптом слабости державы, алчность сановников и магнатов стала неукротимой. Ради наживы польское дворянство санкционировало передачу иудеям в аренду церкви православной Украины, одновременно став «три шкуры драть» с крестьянства и рассорившись с элитой казачества. Политическая Варшава жила под девизом «После нас хоть потоп!». Сильно обиженным стал недавний союзник уже умершего короля Зиновий Хмельницкий.

Украину раздирала не столько война с поляками, сколько гражданская война между сторонниками союза с Московией или с Турцией. Православные малороссы стремились отсоединиться от католической Польши. Но на кого опереться? Свое покровительство еще в 1651 году предложил турецкий султан. Потом повторил предложение спустя два года. Гетман Дорошенко, лидер правобережной Украины, был за союз с мусульманами против поляков. В пользу этого союза были экономические соображения. В пользу интересов религиозных выступали сторонники московской ориентации, сгруппировавшиеся вокруг Зиновия Хмельницкого... Они и собрали в 1654 году в Переяславле Раду, которая санкционировала военно-политический союз польской Украины (!) с Московией против польской монархии. И не более того.

Для флота Запорожского войска это событие обернулось тем, что свои действия против турок он стал предпринимать, считаясь с мнением Московского Кремля. Кстати, в пользу того, что торговый договор соблюдался, говорит тот факт, что после 1649 года запорожцы сразились с турецким флотом только в 1660 году. Запорожцы во главе с гетманом Иваном Сирко напали на Очаков. В 1663 году они три дня сражались с турецким флотом. Перехватывали суда, идущие из Турции к Крыму. В 1667 году они прорвались через Сиваш в Крым. Сожгли столицу крымского ханства, так что хан в спешке эмигрировал в Турцию на корабле.

Но с былым размахом это уже несравнимо. Инициатива в морской войне с Турцией с 70-х годов переходила к донским казакам. В Азовское море воевать уходили из Сичи непримиримые враги турок. Впрочем, не все были столь уж непримиримы.

В Стамбуле, надо полагать, знали, что часть казаков поддерживает гетмана Дорошенко, готового заключить союз с Турцией. Не всем нравилась политика Москвы. Немало было и тех, кто обогатился на морской торговле с мусульманами и не прочь был бы развить сотрудничество. Война войной, а деньги и прибыль мирят многих давних врагов. И в 1680 году кто-то подсказал султану Махмуду IV умную мысль: повторить опыт 1649 года, возобновив с запорожцами торгово-экономические отношения. Мысль была сказана умная, да дураком услышана.

Султан не придумал ничего лучше, чем послать к запорожцам письмо нижеследующего содержания.

«Я султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник Божий, владелец царств — македонского, вавилонского, иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами, необыкновенный рыцарь, никем не победимый, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан, — повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоить. Султан турецкий — Махмуд IV». (Источник: Н. И. Костомаров — журнал «Русская Старина», т. VI за 1872 год. — Примеч. авт). Вот и вся султанская дипломатия.

Процесс сочинения ответа запорожцев султану изображен в знаменитой картине. А вот текст этого письма сохранился в истории в разных вариантах. Вот, пожалуй, самый точный и полный: «*Ты — шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ, и самого Люцыпыря секретарь!Який ты в чорта лыцарь? Чорт выкидав, а твое войско пожирав. Не будышь ты годен сынив христианских под собою маты, твоего войска мы не боимось, землею и водою будем биться с тобою. Вавилонский ты кухарь, макыдонский*

колесник, иерусалимский бро-варнык (пивовар), александрийский козолуп, Великого и Малого Египта свынаръ, армянский свыня, татарский сагайдак (козел), каминецкий кат, по-долянский злодюка, самого гаспыда внук и всего свиту и пидсвита блазенъ (глупей), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча срака, ризныцка собака, нехрищенный лоб, хай бы взяв тебя чорт! Отток тоби казаки одказалы, плюгавче! Невгодын еси матыри вирных христиан.

Числа не знаем, бо календаря не знаем, мисяц на неби, год у кнези, а день такий у нас, як и у вас, поцилуй за те осъ-куды нас!

Кошовой атаман. Иван Сирко зо всим кошом Запорожским».

Так что знаменитое полотно отражает историческую быль.

Можно сказать, что с 90-х годов XVII века Черноморский флот запорожцев стал стремительно приходить в упадок. Самый крупный успех случился в 1690 году: казаки захватили казну крымского хана и потопили два турецких судна. Но некому и не на чем было уже идти к Стамбулу. Запорожцев звали в низовья Дона, на Азовское море их братья — донские казаки. Завершая главу, посвященную истории запорожского казачества периода XV—XVII веков, можно сделать следующие выводы.

1. Оно сформировалось изначально как сообщество потомков и наследников профессиональных воинов — дружинников эпохи древней Руси, оставшихся не у дел после распада Орды (то есть Войска). (Запорожское, Донское, Терское и Яицкое казачьи Войска — это остатки Орд XIII—XIV7 веков, укрепившиеся в труднодоступных местах как с моря, так и с суши.) Каждая из запорожских Сичей представляла собой прибрежную, а не полевую крепость. Конница и крепостная артиллерия у запорожских казаков играли роль вспомогательного рода войск. Основой вооруженных сил военно-демократической республики запорожских казаков служили военно-морской флот и морская пехота.

2. Запорожские казаки сформировали особый тип судостроения, пригодного для использования как в прибрежной части, так и в открытом море.

3. Запорожцы разработали особую тактику боя в открытом море: нападения «осиного роя» мелких судов поочередно на крупные корабли, подавляя сопротивление их экипажа непрерывным ружейным огнем с ближней дистанции, с последующим захватом в абордажном бою.

4. Ареал боевых действий флотилий запорожского казачества: Азовское, Каспийское, Черное, Мраморное, Средиземное моря и прибрежные воды Атлантики — в районе Испании и пролива Ла-Манш. Лишь дипломатическая несогласованность не позволила запорожцам отличиться в Балтийском море против шведского флота, сражаясь на стороне Московской Руси.

5. Запорожские атаманы и гетманы: Сирко, Вишневецкий, Хмельницкий, командиры флотилий «чаек» являли собой профессионально мыслящих флотоводцев, способных планировать успешные операции флота на море и при взятии прибрежных крепостей.

6. Запорожцы за три века выиграли десятки крупных морских сражений с турецким флотом, считаясь моряками, по своему мастерству равными испанцам и французам. Интенсивности военного и транспортного судостроения в Причерноморье, равного запорожским Сичам XVII века, Российская империя достигла только к концу правления Екатерины Второй. Но никто из русских черноморских адмиралов не достиг стратегического успеха в Черном море в борьбе с Турцией, равного успехам запорожских гетманов.

ГЛАВА 3
Морской флот Всевеликого Войска Донского ХУ-ХУП веков

Божий ковчег — боевая ладья.

Ночью идем, как в чернильном растворе.
Гирло донское и турка пройдя,
Вот оно — наше Азовское море.
Утром над морем слоится туман.
Солнце поднимется неумолимо.
Наша надежда — седой атаман,
Знает он море до самого Крыма.

«Мореходы».
Ю. Краснолуцкий

Самые смелые исследователи древней истории казачества убеждены, что донцы освоили судоходство по Дону и Азовскому морю еще во времена Киевской Руси. Во всяком случае, их судоводительским опытом охотно пользовались московские князья и чины православной церкви. Известно, что в апреле 1389 года митрополит Пимен рекою Доном плыл на казачьих судах в Царьград и, надо полагать, вышел на них в Азовское море. Данных о морских походах и судостроении донцов в XV и в первой половине XVI века сохранилось чрезвычайно мало. Надо вспомнить, что архив древних актов Донского Войска сгорел в начале XVIII века. Но помимо пожелтевших от времени бумаг, есть и народная память. А она в огне не горит и в воде не тонет. И казачьему роду есть что вспомнить, если песни, сказки и предания оказываются посвященными морю.

Хотя как раз политико-географические условия, в которых приходилось плавать станичникам-мореходам, были очень неблагоприятные. В XV веке практически все побережье Черного и Азовского морей оказалось в руках турок. Казаки были для них самыми ненавистными соседями. Самый прямой и простой путь в море — по реке Дон — закрывал прочный «замок» — турецкая крепость Азов. Второй путь — по реке Миус в Донской лиман, а потом в пролив между Таманью и Керчью, где струги донских казаков «вынюхивали», как стая голодных борзых зайца, сторожевые корабли турецкого флота. Словом, чтобы быть моряком, донскому казаку нужно было обладать бесшабашной удалью.

Первое известие о крупной удаче донцов на море относится к 1574 году (хотя нет сомнений в том, что подобные события не раз происходили и ранее. — Примеч. авт.). Казаки напали на Азов и сожгли Белгород — татарский город у Аккермана. Затем паруса донцов пугали турок и татар в 1578 году, в 1583, 1586 и 1590 году. Еще через год, в январе 1591 года, флотилия донских стругов прорвалась мимо береговых укреплений Азова и, перейдя море, дошла до Крыма. Высадив десант, казаки напали на татарский город Кафу. Видимо, морской набег оправдал риск, так как затем еще дважды, в 1595 и в 1599 годах, они тревожили крымское побережье.

Но с началом XVII века донцы надолго отвлеклись от морских дел. На Руси наступило «смутное время», и интерес казаков переключился на сухопутье. Там, в уделах Московского княжества, временно оказавшегося без твердой власти и защиты, каждому вольному молодцу находилось занятие. Кто грабил, кто рубился с иноземными оккупантами. Часто эти занятия совмещали. В общем, на морские походы времени не оставалось.

Когда, во многом не без помощи донских казаков, в Москве утвердилась молодая династия Романовых, станичники вернулись на родной Дон. Вновь застучали топоры, и на берегах запахло кипящей смолой: смолили корабельные канаты и корпуса стругов. Кавалеристы вновь превращались в мореходов. Но то ли казаки квалификацию утратили, то ли турецкая разведка оказалась на высоте — первый крупный поход, состоявшийся осенью 1614 года, закончился поражением. В Азовском море их струги подловил флот турецкого адмирала Шакшака Ибрагима-паши. Казаки уже возвращались с добычей в веселом настроении, предвкушая встречу с родными домами, когда прямо по курсу из морского тумана появились форштевни турецких кораблей...

Много стругов было потоплено пушечным огнем, много тонущих казачьих голов было рассеяно над волнами. Спастись удалось немногим. Турки одних пленных казаков наловили более 40 человек. Всех их ждала медленная смерть гребцами-невольниками на турецких каторгах.

Оправившись через год, донцы 12 дней безуспешно штурмовали крепость Азов. Убедившись в неприступности твердыни, они пошли на 70 стругах по второму пути — через реку Миус. Вырвавшись в море, они разграбили и потопили несколько турецких судов и вновь, высадившись на крымский берег, рыскали в предместьях Кафы. Но без особого успеха.

Уже первые два года морской войны донцов в начинающемся XVII веке заставили их атаманов-адмиралов сделать три неприятных открытия. Первое — в связи с неудачами Турции в войне с морскими европейскими державами, турецкие флотоводцы перенесли главное внимание на свои северные моря — Азовское и Черное. Если Средиземное море и южную Атлантику они вынуждены были делить или уступить испанцам, итальянцам, венецианцам, то казаков терпеть не желали. Второе — без флота запорожцев донцам успеха ожидать было очень трудно. А с запорожцами приходилось делиться изрядной долей добычи. Третье — взять у турок Азов Донскому Войску было так же необходимо, как удушаемому человеку сорвать с горла руку врага. Без этого донцам можно было забыть о море.

Неудачи не прекращались. Весной 1621 года объединенный отряд из 1300 донских казаков и 400 запорожских, с атаманами: Сулимой, Шилом и Яцком — отправились на Черное море — к берегам Турции. Но не загорать и купаться, а пограбить город Ризу и дворец местного паши. Горожане дали достойный отпор «викингам южных морей», казаки понесли сильные потери. Выйдя в море, их флотилия попала в сильный шторм, стихия погубила немало стругов. Но окончательно добил казачий флот турецкий адмирал, догнавший их малочисленные гребные суда на 27 галерах. Уставшие и израненные казаки не смогли принять бой, мусульмане расстреливали их суда, как мишени. Немногим удалось оторваться от погони. Из 1300 донцов домой вернулось менее 300. Из 400 запорожских — уцелело три десятка. Всего 8 стругов и «чаек» дошли до родных пристаней. Таких потерь казаки не знали давно, но их величина вызвала размах ответных мер. Дон казался неисчерпаемым в людских ресурсах.

В июне 1622 года 50 новеньких стругов с 1500 донцами смерчем прошлись по татарским и турецким берегам Крыма. Под Кафой захватили два турецких корабля и направились к Балыклее (Балаклаве). Затем появились у берегов Анатолии и совершенно опустошили Трапезунд. Окрыленные успехами, они взяли курс на запад — к Стамбулу. Вскоре от страха заволновались и рядовые жители столицы, и обитатели султанского дворца. Французский посланник в Стамбуле доносил в Париж о действиях донцов в деталях: «Казаки появились в 15 лье (60 км. — Примеч. авт.) отсюда на 30 лодках, чтобы захватить город Кодриа, расположенный в 6 лье от Черного моря в Натолии. Они оставили по себе следы разрушения и увели более тысячи пленных из Карамуссала».

Разумеется, вести с собой тысячу пленников, тысячу ртов, «православные крестоносцы» долго не могли. Поэтому, когда турки послали навстречу казачьей флотилии 16 галер и предложили за пленников выкуп, станичники страшно обрадовались. Они причалили к берегу и азартно торговались три дня. Пожалуй, согласись они сразу на предложенную цену, то с прибылью вернулись бы домой. Но всех и всегда губила жадность!

Турецкие корабли внезапно атаковали казачьи струги и прибрежный лагерь. 15 казачьих судов было сожжено или потоплено, все пленные отбиты силой, а сами казаки только убитыми потеряли более 400 человек (по другим данным, урон был больше — 18 челнов и более 500 трупов). Многие недавние пленниковладельцы сами стали невольниками. Лишь небольшая группа счастливчиков 8 августа 1622 года доплыла до Дона. Без добычи, славы и победы.

Тем же летом еще 800 донцов во главе с атаманом Исаем Мартемьяновым подкараулили идущий в Азов конвой транспортных турецких судов. Засада принесла успех — вблизи Азова станичники захватили корабль и две комяги (тип судов. — Примеч. авт.). 26 июля они вернулись с добычей и с тремя трофейными пушками.

Крепнущее Московское царство в начале 20-х годов XVII века стремилось взять реванш в борьбе с Польшей за поражения, полученные от нее в начале столетия. Искало союзников против католиков в лице мусульманской Турции. Дабы заручиться расположением Стамбула, русский царь пытался пресечь действия донцов против турок.

27 апреля 1623 года на Дону был созван Войсковой Круг, на котором прибывший из Москвы князь Белосельский зачитал царскую грамоту. В ней государь убеждал членов казачьего «парламента» не допускать нападений на мусульман. А чтобы доводы были действеннее — московский князь укрепил их наличным золотом и серебром.

Почему-то ряд историков называет этот подкуп казачьей элиты Дона московским правительством «жалованьем». Царь жаловал, то есть дарил кому-то деньги, вотчины, меха... Но это была оплата, награда. И вовсе не обязательно, что это имело смысл «заработной платы» подданным самодержца. Царь жаловал и иностранных дипломатов, купцов или мастеров. Но когда упоминают о царском жалованье донским казакам, то всегда представляют дело так, как будто это была регулярная оплата казны. Всевеликое Войско Донское якобы являлось составной частью Московского царства.

Весной 1623 года в Кремле не были заинтересованы в том, чтобы донские атаманы вели мореходные ватаги к турецким берегам. И просто подкупали их, что делали правители во все времена. Правда, денег на всех явно не хватало! Хотя члены Войскового Круга и отписали в ответ царю в том духе, что, дескать, они теперь к турецкому гарнизону Азова испытывают исключительно платонические чувства, а крымские и турецкие берега их интересуют лишь как места для морского туризма, — тем же летом 1000 донцов на 30 стругах подошли к Кафе. Они потопили турецкую комягу и наловили немало живого товара на обмен и продажу. Досталось и черкесам на Темрюке.

Но Крымом и Керченским полуостровом дело не ограничилось. Московский царь не случайно именно летом 1623 года так настойчиво и щедро убеждал казаков не трогать турок. В султанском дворце Стамбула произошла смена власти. На престол вступил новый монарх — Мурад IV. Молодой царь всея Руси, Михаил Федорович Романов, спешил завести с ним дружбу против поляков. И готов был сам заплатить казакам, лишь бы они не заставляли гневаться новоиспеченного султана. Как бы не так!

Для начала донцы, в компании с запорожцами, высадились на малоазиатском побережье у Трабзона. Выжгли пригороды, захватили купцов и горы всякого добра. В том числе и боевые трофеи — корабли и пушки. А потом заявились прямо к турецкой столице. И не для того, чтобы поздравить султана Мурада с восшествием на престол.

В рукописи Афонского Иверского монастыря нашли запись на греческом языке, свидетельствующую о нападении казаков на Стамбул 9 июля 1623 года. Шесть тысяч казаков на 100 судах разграбили окрестности столицы, выжгли два квартала самого города... Правда, неизвестный автор древней рукописи уточняет, что турки опомнились и так дали сдачи налетчикам, что из 6 тысяч живыми и свободными уплыли домой только 70 человек. Такая необыкновенная точность в цифрах заставляет сомневаться в абсолютной достоверности описываемых событий, но главное все же было отражено верно. Донские казаки фактически обманули всех! В Грановитой палате Московского Кремля так же, как и в султанских покоях Стамбула, гремели проклятия в адрес коварных казаков. А у всех станичников в карманах звенели монеты. У казачьего старшины, у атаманов — русские рубли и полтины, у простых казаков — золотые султанской чеканки. И все на Дону были довольны. Те, кто вернулся.

Весной 1624 года 55 стругов под началом атамана Демьяна Черкашенина вышли в Азовское море. Разорили Старый Крым, татарские улусы возле Керчи и с добычей вернулись в родные дома. Правда, не все. Буря частично отомстила за татар, потопив дю-

жину стругов.

1626 год ознаменовался еще двумя походами донских казаков на крепость Азов, в которых участвовало, общей численностью, более 2000 казачьих сорвиголов. Правда, саму крепость они не штурмовали, только «огороды жгли и отводные башни разломали».

Несмотря на то что на этот раз жертвами казачьего молодечества были лишь огороды турецкого гарнизона, Азов становится вожделенной мечтой донских атаманов. И на Войсковом Кругу, и на станичных майданах гутарили только об одном — о нужде прохода в море через Азов. С середины 20-х годов XVII века эта морская крепость превратилась в стратегическую мишень № 1 для фальконетов и пищалей станичников.

Правда, для решающего штурма сил еще не было, а главное — привлекали другие походы, способные принести быструю прибыль. В апреле 1630 года тысяча донцов на 28 стругах подошли к городу Керчь, но не смогли одолеть крепостные стены. Потеряв более сотни бойцов убитыми, утешились разграблением греческих православных поселений на берегу Черного моря — Айсереса, Арпат, Инебола. Свою христианскую совесть налетчики успокаивали тем, что греки являются подданными султана, дань платят ему, так что они грабили не единоверцев, а налогоплательщиков ислама. Турки своих данников в обиду не дали, направили эскадру кораблей, которая настигла морских разбойников. Три сотни станичников на 8 стругах были захвачены в плен и посланы гребцами на турецкие каторги.

В том же году маленькая группа донцов — 40 человек — примкнула к сильному отряду запорожцев. Они достигли Трабзона и внезапным налетом обрушились на городок. Захватили много пленников. При дележе добычи донцам, несмотря на их малочисленность, досталось 80 пленных. А главное — юная красавица турчанка — дочь трабзонского кадия (городского судьи). История не сохранила подробностей ее судьбы — бросил ли ее с казачьего челна в воду предшественник Разина, либо была онапродана сластолюбивым рабовладельцам. А может, приняла православную веру и, став супругой казака, нарожала маленьких донцов — черноглазых и смуглых?

В 1630 году в Москве настолько уверовали в силу своего «жалованья», что потребовали от донцов не только не трогать турок, но и еще идти на помощь войскам турецкого паши под Очаковом. Только потому, что русский царь заодно с Турцией воевал с Польшей. С Дона, из местечка Раздоры, своего рода столицы Войска, в Кремль пришел лаконичный ответ: «Турским Мурат-салтанам не служивали». Москва пыталась погрозить войсками. Станичники не испугались, пригласив на бой и предупредив, что им на помощь, в случае московской агрессии, готовы прийти тысячи запорожцев. Московский царь не решился воевать на два фронта — против Польши и Дона. Тем дело и кончилось. Этот случай — яркое подтверждение того, что Донское Войско до Петра I обладало полным суверенитетом.

1631 год — более 700 донских казаков организовали, соединившись с запорожцами, новый морской поход на Крым. Этот отряд разгромил татарские улусы в предместьях Керчи. В августе казаки овладели Гезлевом и Инкерманом. Крымский хан Джанибек-Гирей приказал своим агам Маметше и Канту собрать войско. 800 татар напали на казаков недалеко от Мангупа, но экипажи морских стругов ответили яростной контратакой. Захватив две татарские пушки, преследуя татар, казаки направились к Бахчисараю, а потом вторично овладели Инкерманом. Походы в Крым продолжались и позднее. 9 мая 1638 года 75 донских стругов пошли на Кафу.

В 1640-м атаман Черкашенин одержал морскую победу над турецкой эскадрой в Керченском проливе. В бою на ближней дистанции сошлись 23 струга и 40 турецких галер. Обычно подобные столкновения оканчивались печально для казаков. Тем более что мусульмане имели численное преимущество вполовину. Но на сей раз турки, потеряв два корабля, первыми вышли из боя.

Несмотря на то что на неприятельском побережье морские десанты донцов часто одерживали победы, в открытом море перевес был на стороне турецкого флота. Главная

причина этого в том, что казакам было чрезвычайно трудно незамеченными проскочить мимо дозоров Азовской крепости турок. А когда их струги появлялись в море, их там уже искали турецкие корабли. Азов стал «замком», закрывающим свободный вход в Азовское море. Без овладения им донскому казачеству нельзя было рассчитывать на морскую жизнь.

Так сложилось, что к началу XVII века Азов оказался единственным портом, через который московиты и донские казаки могли попасть в южные моря. О взятии Азова мечтал еще Лжедмитрий I. И не только мечтал, но и, приказав соорудить под Москвой макет азовской крепости в натуральную величину, лично командовал учебным штурмом. Дальнейшие события не дали возможности применить полученные знания на настоящем Азове. Но кем бы ни был на самом деле этот удивительный человек (беглым монахом Отрепьевым, потомком вымершей царской династии, европейским авантюристом, гостем из сверхдалекого будущего времени), он понимал стратегическое значение Азова для Руси. Увы, вскоре москвичам стало не до южных границ.

Зато донские казаки, едва освободившись от хлопот по водворению на царство новой династии Романовых, все настойчивее ломились в ворота Азова. Еще в августе 1634 года они, совместно с запорожцами, едва не овладели им. Весной следующего года они вновь появились у подножия его башен. Турецкий султан повелел паше крымского города Кафы спешно направить свежие войска на помощь осажденному турецкому гарнизону. Только огромное неравенство сил заставило казаков отступить.

Но весной 1637 года Войсковой Круг донцов принял роковое для Азова решение — город и порт взять во что бы то ни стало. Главнокомандующим всех морских и сухопутных сил донцов был назначен атаман Михаило Татаринов. 21 апреля 1637 года 4400 донских казаков расположились лагерем у стен Азова. С точки зрения фортификации эта крепость представляла собой целых три укрепленных района. Насчитывала 11 башен, и каждый из городков был разделен высокой каменной стеной. Собственно, сам Азов, «град старинной», был построен еще генуэзцами. Его башни и стены были вооружены несколькими десятками крепостных пушек крупного калибра. По меркам средневековья, Азов был сильной крепостью. К нему вплотную прилегали два городка — Тапракалов и Ташкалов. Вокруг них возводили земляные насыпи, но каменные стены были сложены без известняка, поэтому размывались дождями и осыпались. Но, несмотря на это, турки считали Азов крепостью неприступной.

Осада ее длилась два месяца. Обычно турки, засевшие на стенах, рассчитывали на помощь татарской конницы. Когда в прошлые годы казачьи сотни и полки осаждали крепость, со стороны степей их тыл атаковала татарская кавалерия. Но в тот год татарам было не до своих азовских союзников, их ханы грызлись между собой. Этим и воспользовались в штабе атамана Татаринова, наметив со стороны суши место главного приступа. Азов был в первую очередь морской крепостью. 11 июня 1637 года Азов — город, порт и крепость — пал под казачьими клинками. Вожделенный путь к морю стал свободным!

Правда, турецкие адмиралы сделали профессиональный вывод: выход к морю — это еще не значит право на него. На следующий год в Азовское море вошла турецкая эскадра из 40 каторг, под флагом начальника арсенала Пиала-аги, установив морскую блокаду потерянной крепости. Эскадра легла в дрейф и стала поджидать неприятеля. Как раз из самого Азова, пограбить Тамань, выгребла флотилия из 30 казачьих стругов, с 1700 казаками на борту. У мыса Чук, в дельте Кубани, произошло морское сражение. Оно окончилось полным разгромом казачьей флотилии. В первый же день казаки потеряли 5 судов и 500 моряков. Спасаясь от турецких кораблей на мелководье, казаки налегли на весла и ушли вверх по Кубани. И нарвались на целую очередь засад, устроенных для них кубанскими татарами. Семь суток казачий отряд прорывался на донские берега. Пришлось бросить все струги, и еще 700 донцов навечно легли в кубанскую землю. Домой вернулась третья часть от общего числа ушедших в тот гибельный поход.

Донские казаки занимали Азов четыре года. Но это не значит, что они сидели

беспечными курортниками на его башнях, любуясь морскими закатами и слушая рокот прибоя. Используя Азов как военно-морскую базу своего Войска в Азовском море, в 1640 году атаман Черкашенин вывел в Керченский пролив флотилию из 23 стругов. Его опять поджидала турецкая эскадра из 40 галер. Атаману удалось вырваться из боя, да еще потопить два турецких судна. Но пришлось вернуться под защиту береговой артиллерии Азова. Получалась патовая ситуация: Азов-то казаки взяли, но вот выйти из него на оперативный простор не давала морская блокада, установленная турецкими флотоводцами.

В Стамбуле тем более этого казалось мало. Вернуть Азов под знамя с исламским полумесяцем считалось делом чести. Султан Мурад IV поклялся своей бородой вернуть Азов. Но клятву выполнить не успел, помер. Еще год в столице Оттоманской империи его наследники делили трон. Но едва власть окрепла, как завещание покойного султана бросились выполнять его преемники.

В 1641 году турки сосредоточили у Азова огромный флот. По свидетельству летописцев, «паруса этой эскадры закрывали солнце». Еще бы! 100 каторг беломорских (то есть из Мраморного моря. — Примеч. авт.), больших кораблей — 80, малых кораблей — 90. Еще было 20 большегрузных транспортов, на которые, помимо массы боеприпасов, загрузили мощные стенобитные орудия. Итого — почти 300 больших и малых судов. Численность сухопутных войск осады указывают в 250 тысяч человек. Но нет сомнений, что численность армии Гуссейн-паши, которому султан поручил освободить Азов от неверных, сильно преувеличена! Скорее всего, нолик приписали позднее впечатлительные потомки. И в начале XXI века войсковая группировка в 250 000 человек — прожорливая и трудноуправляемая армия. Учитывая, что численность казаков, оборонявших Азов три месяца, определяется всего в 5 тысяч человек, в приписке можно не сомневаться. Сколько бы ни были тверды стены крепости, пять тысяч человек три месяца никак не могут продержаться против четвертьмиллионной армии! Да еще и выстоять, так как 7 июня Гуссейн-паша приказал начать осаду, а 27 сентября турки от Азова отступили. Потери турок точно не известны, но казаки потеряли более 3000 человек. Если бы действительно в Стамбуле узнали, что Гус-сейн-паша, имея 250 000 воинов, не справился с 5000 тысячами... Султан мгновенно послал бы неудачливому полководцу в подарок шелковый шнурок, и тот повесился бы на нок-рее своего флагманского корабля. Но турки без стыда и страха из-под Азова ушли. Покинули его через год и казаки. Сами.

Забрав с собой 80 тяжелых крепостных пушек, сняв кованые ворота и взорвав все башни. В 1642 году этот порт вновь стал турецким.

Но нет худа без добра! Возможно, что покорение Азова, а затем его утрата привели к тому, что донцы оценили значимость единого военно-административного центра. В 1644 году на одном из островов в низовьях Дона была основана столица Войска — город-крепость Черкасск (ныне станица Старочеркасская Аксайского района Ростовской области. — Примеч. авт). Казаки дружно сложили каменные стены, установив на них пушки, привезенные из Азова, насыпали земляные валы. Приходится только жалеть, что никто из донских атаманов не решился основать столицу Войска в покоренном Азове в период 1637—1642 годов.

Донцы оставили Азов, но их атаки на него не прекратились. Они стали еще яростнее, еще чаще. И на море все активнее действовали казачьи адмиралы.

В июне 1646 года Войсковой старшина Осип Петров вывел в море 1500 казаков на 150 стругах. В 10 милях от Азова встретили шедшие из Кафы пять турецких комяг (типы морских судов. — Примеч. авт.). Окружили, взяли на абордаж, потопили из них три, сто турок пустили на корм рыбам.

Дальнейшая хроника боевых действий донских казаков на море в период с начала 20-х по середину 90-х годов XVII века не позволяет считать их сухопутным, кавалерийским сословием.

Октябрь 1644 года — казаки на 30 стругах штурмовали Азов, но с большими потерями отступили.

20 апреля 1645 года — атаман Алексей Старов вывел 64 струга с двумя тысячами человек под Керчь. Летом казаки вновь пытались вернуть Азов — штурмовые лестницы вязали, сидя в стругах. Не вышло.

1651 год. 900 донцов на 12 больших стругах (получается, что экипаж каждого корабля — 75 человек) вышли в Черное море и внезапно напали на турецкий город Каменный Базар под Синопом. Взяли 600 пленников и много добра. На обратном пути перехватили и потопили в открытом море три транспортных судна, идущих в Стамбул с грузом пшеницы.

1652 год. Тысяча донцов на 15 стругах, с атаманом-адмиралом Иваном Богатым ходили к Стамбулу. На Ромельской стороне взяли богатую добычу (возможно, что их атаман Иван вошел в историю с кличкой, говорящей о его пиратской удачливости). Надо признать, что обладал он и флотоводческими способностями. На обратном пути флотилию казаков догнала турецкая эскадра из 10 галер. Казаки не стали удирать, а дали ей бой. И вышли победителями!

1653 год — донцы, во главе с атаманом Семеном Свигуном, перехватывали в Азовском море транспортные суда турок с грузами для крепости Азов, установив для нее свою морскую блокаду.

В январе 1653 года произошло событие, которое ряд историков России, Украины, Европы и Америки оценивают по-разному. Переяславская Рада утвердила... одни считают, что присоединение Малороссии к Московии. Другие, что всего лишь временный военно-политический союз Гетмана Украины Хмельницкого с Москвой против Варшавы. Во всяком случае, после этого события флот Запорожского Войска в Черном и Азовском морях стал действовать с учетом мнения из Кремля. И стал чахнуть и хиреть, как соловей в золоченой клетке. А для ВМФ Донского Войска, наоборот, наступал период максимальной активности на море.

В мае 1656 года — 19 стругов с 1300 донцами на борту атаманы Будан Волошанин и Иван Богатый повели на крымское побережье между Судаком и Балыклеей (ныне — крымский город Балаклава. — Примеч. авт). С берегов Крыма казаки переплыли Черное море и напали на турецкий город Трабзон. Но получили отпор и утешились городом меньшим — Триполем. Захватили три пушки и из них обстреляли турецкий корабль, пытавшийся было помешать им. 18 августа, после трехмесячного плавания, казаки вернулись домой. А 2 1 августа новая партия донских казаков уже взяла курс на Крым. Две тысячи донцов на судах вновь осадили Азов. А потом прошлись огнем и саблей по Темрюку, Тамани, ворвались в Кафу и Балыклею. В тот год в морских походах против мусульман участвовали в общей сложности более 3000 казаков.

Весна 1660 года. Получив политическое одобрение и припасы из Московии, атаманы Донского Войска стали готовить казачью морскую армаду — 8000 казаков на 500 стругах. Видно, что-то не сложилось, так как в море вышел только разведотряд из 30 стругов. Встретив турецкую эскадру из 35 галер, донцы вернулись, не приняв бой.

Август 1661 года. С утратой Азова попасть в море можно было лишь по мелководной протоке — Казачий ерик, который турки и татары старались засыпать и постоянно вели наблюдение за ним. Казаки под огнем турок его очистили, протащили струги и вышли в море. Там их ждал отряд из пяти турецких судов. 20 казачьих стругов вступили в бой. Турки бежали. А казаки вышли в Черное море и разорили более 10 селений в Крыму на территории от Судака до Кафы.

1662 год. Казаки на трех стругах захватили в Азовском море три турецких корабля и взяли 60 пленных.

1666 год. 500 донцов с атаманом Родионом Оси-повым погромили крымское побережье.

1673 год. Донской атаман Михаил о Самаренин вышел в Азовское море на 1 1 стругах.

А теперь, читатель, внимание! 30 мая 1674 года младшему сыну русского царя

Алексея Михайловича Петру исполнилось два года. Будущий «основатель русского флота», в том числе и в Азовском море, тем летом буквально под стол пешком ходил. И тем же летом **эскадра русского флота, числом в 25 парусно-гребных судов, под командованием полковника Касогова вступила в бой с турецкой эскадрой у Таганрогской косы** (выделено в тексте книги мною. — Примеч. авт). Эта коса находится в Азовском море! И хотя успеха в том бою добились лишь союзники-казаки — захватив турецкий корабль, факт налицо.

Русский военный флот в Азовском море появился в 1674 году! За 22 года до того, как под Азовом появился Петр I! И в отличие от петровского, вел успешные боевые действия и был боеспособным (выделено мною. — Примеч. авт.).

В Таганроге греется в лучах теплого солнца памятник Петру I — «основателю русского флота на юге России». Незаслуженно греет этого истукана слава. Ибо нет в Таганроге памятника полковнику московского царя — Касогову, вступившему в этих водах в бой с турецкой эскадрой.

Но именно с начала 70-х годов XVII века донские казаки начали действовать на море, опираясь на всяческую поддержку Московского царства. И боевая летопись казачьих донских ВМС продолжалась.

1675 год. 500 казаков напали на 20 турецких судов, стоящих на якоре в устье Дона, и привели их целыми в Черкасск.

1676 год. 99 стругов вышли в Азовское море и совершенно нарушили турецкие морские коммуникации.

1677 год. 6 стругов с 700 казаками напали на Тем-рюк.

В мае 1685 года 1000 казаков на 56 стругах вышли в море и захватили у Азова два турецких судна с провиантом для гарнизона его крепости. Потом захватили еще пять кораблей.

Сентябрь 1686 года. 500 казаков на 30 стругах проводили операции в Черном море, 800 станичников наводили на турок страх — в Азовском.

Лето 1687 года было «черным» для казачьего флота донцов. Нет, сначала все было как обычно. В мае 800 казаков с атаманом Петром Калмыком вышли в море и взяли курс на Темрюк. Награбив добра вдоволь, стали пробираться по протоке Казачьего ерика мимо Азова. Тут-то на них и обрушились из засады татары и турки. Занятые транспортировкой стругов, казаки оказались застигнутыми врасплох. Только убитыми они потеряли более 400 человек. Часть их была захвачена в плен, во главе с раненым атаманом. Казачьего вожака после пыток казнили в Азове. До родных куреней добралась лишь горсточка счастливцев.

Через год казаки оправились от поражения. В мае 1689 года атаман Зот Камышников с 1000 казаков на 45 стругах подошел к Азову и, разорив окрестности, ушел на Крым. В августе другой атаман — Тимофей Долгий — вывел в Азовское море 690 казаков и захватил два турецких судна.

А в декабре между Донским Войском и турецким гарнизоном Азова случилось перемирие. Видимо, накал и ожесточение морской войны были столь велики, что обеим сторонам потребовалась хоть краткая передышка. Приходится только удивляться, как при такой интенсивности и масштабе разбоя на крымском и азовском побережье еще оставалось что грабить? Но в том-то и дело, что оставалось.

Уже через два года — в 1691-м, на пиратский промысел в море вышли 800 донцов. На следующий год 1200 донцов разделились: 77 стругов пошли на Темрюк, 15 стругов подошли к Азову.

Но росла и сила сопротивления со стороны татар и турок. В мае 1694 года 1000 донцов на 65 стругах во главе с атаманом Борисом Даниловым ходили на Крым. На

обратном пути их встретила у Азова эскадра из 30 турецких каторг. Хотя казакам удалось потопить две из них и оторваться от погони, домой им пришлось добираться пешком, бросив струги и большую часть добычи. Морем вернуться им не дали. В тот же год еще 17 стругов с атаманом Зотом Андреевым добрались домой только через «гнилое море» — Сиваш.

Усиливался отпор и со стороны турок. По объективным обстоятельствам росло влияние и Московского царства, уже втянувшее в свою «геополитическую орбиту7» Запорожское Войско. Поэтому то, что Донское Войско вскоре стало составной частью Московии, было исторической закономерностью. Увы, но именно эта закономерность и вынесла смертный приговор военно-морскому флоту казаков. (Об этом в следующей главе.)

Необходимо отметить другое. Хроника действий донских казаков на море, многочисленность их стругов и их экипажей заставляет по-другому ответить на вопрос: были ли донские казаки XVI—XVII веков сухопутными кавалеристами? Были ли у них время и место для занятия коневодством? Ведь далеко не каждая лошадь годится для кавалерии. Столица Донского Войска, Черкасск, была расположена на острове, где там место для выпаса боевых коней? Если вокруг только судоверфи, на которых рубились и конопатились струги, и корабельные мастерские, где ковали якоря и плели канаты.

Казаки Дона легко пересаживались на коней, отбивая табуны у степных татар. Но, выполнив задачу, легко оставляли их, возвращаясь к берегу моря. Основными источниками жизнедеятельности донского казачества допетровского периода были рыболовство, охота и морское пиратство. На лошади Черное море не переплывешь и рыбы на зиму не наловишь. Атаманы Донского Войска той эпохи — сплошь командующие казачьих флотилий, а не полководцы конных частей. Это позже, когда казакам отбили память о море, их насильно пересадили на коней, превратив «морское сословие» в землепашцев и скотоводов. Конь — это символ казачества начиная лишь с XVIII века.

О морской истории донского казачества напоминают лишь макеты их стругов в музеях на донской земле: в Новочеркасске, в Старочеркасске, в музее станицы Елисаветинской... Нет больше казачьих парусов в теплых морях России. Только плещут ностальгически волны Азовского моря — было, было, было...

Впрочем, есть надежда, что в веке XXI хоть один струг вновь выйдет на просторы моря. В августе 2003 года автор этих строк в Новочеркасске познакомился с подхорунжим Донского Войска — Юрием Михайловичем Дегтяревым, казаком станицы Гниловской. Он одержим идеей в ближайшее время построить точную копию казачьих стругов XVII века и доказать мореходность донского казачества. Бог ему в помощь — духовному потомку казачьих адмиралов той эпохи! Попутного ветра...

●

Итак, морские казаки: донцы, запорожцы, терцы, яицкие... В общем-то их древней историей периода XVI—XVII веков и исчерпывается история казаков как морского сословия. Но, оценивая их, можно сделать вывод — казаки сформировались исключительно как морское сословие, став авангардом славянского, православного мира в деле освоения Мирового океана. Ими пройдены тысячи морских миль в Атлантическом, Тихом и в Северном Ледовитом океанах: покорен Дюнкерк, открыт пролив между Америкой и Евразией, к Руси присоединена Камчатка. Казаками в Азовском, Каспийском и Черном морях выиграны десятки морских боев и сражений, потоплены сотни мусульман, взяты десятки прибрежных крепостей и городов, высажены сотни успешных морских десантов. Казаками велась обширная морская торговля со многими странами Востока. На островах, на берегах отстраивали свои городки и столицы казаки. В станицах росли и воспитывались адмиралы, матросы, комендоры казачьего флота, капитаны дальнего плавания и удачливые рыболовы-промысловики. На казачьих судоверфях спущены на воду тысячи боевых и транспортных морских судов. На стапелях оттачивали свою квалификацию

казачьи корабелы — инженеры, кузнецы, канатчики, плотники, парусных дел мастера. Они не нуждались в специалистах из Амстердама или Лондона. Да, казаки не возводили многопушечных кораблей с большой осадкой. Но только потому, что не имели в них нужды. Им было нужно море, а не корабли сами по себе.

Вольное казачество допетровской эпохи сложилось как экономическое сообщество, живущее морем. Не кавалеристы сухих степей от случая к случаю брали в руки весла... А моряки порой садились в кавалерийские седла. И только.

И еще одно доказательство этому. В начале 80-х годов XIX века стал восстанавливаться русский регулярный Черноморский флот. Строились новенькие канонерские лодки. И в черноморском Адмиралтействе стали присваивать им казачьи названия: «Донец», «Запорожец», «Терец», «Уралец», «Кубанец». Пять боевых кораблей один за другим получили казачьи названия. Если бы станичники этих войск никогда не имели никакого отношения к морю и флоту, то зачем было в их честь называть черноморские корабли? Нет, царские адмиралы знали, чем можно пугать турок. И спустя два века в Стамбуле ежились при воспоминании о свирепых эскадрах «православных крестоносцев» — казаков.

ГЛАВА 4
Адмирал Донского казачьего флота — Степан Тимофеевич Разин

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.
Из русской народной песни

Судя по развитию событий, отраженных в общеизвестной песне, флотилия Разина «на простор речной волны» выплыла с живым трофеем — с персидской княжной. Стало быть, гребла она обратно на родной Дон, через Волгу, с просторов Каспийского моря. Иначе откуда на борту их корабля живое и пугливое нарушение морских традиций — роковая женщина?

У массового читателя фамилия донского атамана — Разин, помимо классической песни, ассоциируется с маркой отечественного пива, на бутылке которого наклеен «портрет» дюжего бородатого детинушки, изображенного почему-то в обмундировании стрельца московского царя. Исторически образованные люди знают о том, что ватага Разина сожгла первый русский военный корабль на Каспии — «Орел». И погромила караваны московских купцов. Словом, морской и речной пират, уголовник под парусом. Как сказали бы в конце XX века — «криминальный авторитет». И только.

И только?! Если проанализировать характер и смысл действий флотилии донских казаков «под флагом» этого атамана, то получится, что его действия мало чем отличаются от действий его современников — английских каперов, действовавших на торговых коммуникациях испанцев у прибрежных морей Нового Света. Только что «разницы» 1 действовали в закрытом Каспийском море, а английские пираты — в открытом океане, в Атлантике. Но это не значит, что казаки были от этого менее искусны в мореходстве. Удивляет другое: Степану Тимофеевичу (люди, несравнимо ничтожнее атамана, пренебрежительно называют его холопской кличкой — «Стенька») удалось в сжатые сроки из толп голытьбы сформировать боевое флотское соединение. И с этой же голытьбой, ставшей справными матросами и солдатами, разгромить в открытом бою регулярный флот иранского шаха и провести ряд успешных морских десантов на мусульманское побережье Каспия. Наконец, в течение трех лет эскадра адмирала Разина, не имея защищенных баз снабжения, без регулярных и подготовленных пополнений в живой силе сумела противостоять флотилиям и армиям московского царя и персидского

шаха. Не каждый флотоводец новейшего времени смог бы похвастать такими результатами.

Между тем каспийские походы атамана Разина предприняты не благодаря, а вопреки решениям Войскового Круга, имеют причины загадочные, и пресловутая «борьба классов» не главная из них.

В начале XVII века первенство по пиратству на Каспии держали низовые терские и яицкие казаки. Лишь во втором его десятилетии донские казаки, освободившись от великорусских проблем в эпоху Смутного времени, смогли заинтересоваться южным морем. И так, что уже в 1621 году в Стамбуле московские посланники стращали турок тем, что «волжских воровских казаков атамана Богдана Чернушкина, со товарищами человек 50 были они на море и громили персидские суда». Видимо, их успехи ощутимо повлияли на русско-персидские отношения, настолько, что в Кремле задействовали свое «лобби» среди членов Войскового Круга. В итоге уже через шесть лет после похода атамана Чернуш-кина этот «парламент» донцов принял постановление: «Впредь и навсегда, чтобы никто с Дону не ходил для воровства на Волгу, а ежели кто объявится на Дону, тому быть казненным смертью». (Надо сделать пояснение. «Воровством» в те времена называлось любое антиправительственное деяние, в современном уголовном кодексе соответствующее категории государственных преступлений. Кража, то есть тайное присвоение чужого имущества, называлось словом — «татьба». — Примеч. авт.). Фактически элита донского казачества сняла с себя этим постановлением ответственность перед Москвой за действия своих земляков на юго-востоке. Однако именно вскоре после этого постановления, с началом 30-х годов XVII века, начинается наплыв казачьих флотилий в Каспий.

Чубатые пираты проникали через устья рек Кума, Терек и Волга на простор морской волны и сразу же брали курс к северо-восточному берегу моря. «Казачий проран» — первая их база на Каспии. А оттуда в устье реки Яик (Урал). Острова Каменный и Пешной, расположенные в липких лиманах, на протяжении долгих лет были стоянками пиратских флотилий казаков. Они оставались на них на зимовку: чинили суда, запасались рыбой, прятали в тайниках запасы. Нет сомнений, что и сейчас, в начале XXI века, на многих островах Каспийского моря, у берегов которых бросали якоря казачьи суда, полно волнующих тайн, равных тайне «карты капитана Флинта». Ибо награбленными у московских и персидских купцов сокровищами казаки набивали сундуки и клады не меньше, чем их английский коллега Флинт.

В 1631 году тысяча донских казаков, пополнившись отрядом запорожцев, в устье Волги соединились с отрядом в 250 яицких казаков. Братья по оружию дружно пустили на дно суда нескольких купеческих караванов. Нет сомнений, что добыча, обнаруженная в их трюмах, многократно окупила риск и ожидания, а главное, была справедливо разделена. В 1633—1634 годах этот же соединенный отряд прославился уже в южной части Каспийского моря. Чубатые пираты вытряхивали золото и ценности из сум и сундуков жителей Баку, Дербента и всей Гилянской провинции, как медяки из копилки. Имущественными трофеями, «кизылбашскими товарами», донцы открыто торговали в родных станицах, плюя на постановление Войскового Круга от 1627 года (видимо, парламентские постановления всех времен и народов бессильны перед звоном золота и оружия). Коммерция удалась на славу. Захотелось повторить успех. И «углубить». Что и удалось. В 1636 году отряд донцов уже в 500 человек, с атаманом Иваном Поленовым, совершил морской поход к крупному иранскому порту — Ферахабад, Славный и веселый выдался вояж

«Ближневосточные» жгуче-черные глаза ферахабадцев распахнулись от ужаса при виде белых парусов пиратской флотилии казаков. Легко сломив сопротивление слабого гарнизона, станичники не щадили ни малых, ни старых. В кварталах покоренного лихим морским десантом города экипажи их судов действовали по принципу: кто не спрятался, я не виноват. Выйдя из пылающего и опустошенного порта, флотилия встретила

подкрепление — отряд донских казаков атамана Ивана Самары. Новоприбывшие были голодны, алчны и азартны. Поэтому объединенная флотилия уже в открытом море взяла на абордаж караван судов, принадлежащий московским купцам. Тем более что караван шел с товарами как раз в Ферахабад. «Все равно в нем ваши товары раскупать не на что и некому!» — утешали казаки судовладельцев, производя реквизицию их груза из трюмов. Дойдя до устья Волги, уже в лимане, казаки встрегили еще один купеческий караван. Тоже московской «приписки» и тоже плывущий в Персию. «И чего туда плыть?!» — опять «удивились» казаки. Кстати, доставалось и грузинам. В 1647 году эскадра казаков вошла в устье реки Кура и, поднявшись вверх по реке, разграбила селения закавказских христиан. Так что не только православным купцам Московии было обидно.

В 1649 — 1650 годах отряды донских и яицких казаков-мореплавателей так разгулялись по седому Каспию, что вообще прервали на время торговые отношения между Персией и Московией. Царские воеводы и адмиралы шаха начали планировать совместные операции против «джентльменов удачи», выставив регулярные полки и флоты. Казаки не жаждали с ними встреч и временно разбрелись по родным станицам. На сравнительно долгий период, десять лет, торговые пути Каспия стали относительно безопасны.

Но в 1660 году деловой мир этого региона вновь забеспокоился. Отряд донцов в 700 абордажных сабель сначала почистил трюмы купеческих барж в устье Волги. А потом еще три года «мучился ностальгией» по южному побережью провинции Гилян.

Был ли среди них Разин — неизвестно. Но и без него донские казаки воды Каспия знали хорошо и по-своему их «любили». Тактика морской войны донцов не отличалась от приемов, используемых запорожцами в море Черном. Встретив купеческие суда, лодки донцов окружали их, как свора борзых медведя... Осыпая экипажи залпами из ружей и фальконетов, рвались к рукопашному бою. А пойдя на абордаж — рубились, не щадя ни своей, ни чужой жизни. Терять им было нечего. Если высаживали десант к прибрежному городу — пытались взять штурмом. Если горожанам удавалось отбить первый натиск, в долгие осады не втягивались. Не получилось, что ж... Берег длинный, море широкое. Если город предлагал откуп — соглашались, поторговавшись. Нет сомнений, что среди православных купцов, совершавших сделки в персидских портах, были казачьи агенты, которые, на обоюдовыгодных условиях, сообщали казачьим атаманам информацию об обороноспособности и богатстве того или иного города.

Донцы не смогли достичь такого размаха в Азовском и в Черном морях. Их единственный монопольный хозяин, Турция, зорко следил за казаками. Крупных островов в этих морях немного, попробуй на них разбить зимний лагерь-стоянку. Черное море не замерзает — мигом у острова появятся большие, вооруженные десятками крупных пушек турецкие корабли.

А в Эгейское или в Мраморное моря донцы без запорожцев и думать не смели прорываться. К черту в пасть! Потому Каспий им нравился больше.

Но, несмотря на эти факторы, поход флотилии Разина стал выдающимся событием. Степан Тимофеевич подтвердил свои способности военно-морского организатора и тактика. Вероятно, он обладал богатырской статью и силой, был наделен ораторским талантом. Словом, обладал харизмой сильного лидера. Но все же не личные качества атамана-адмирала послужили причиной тому, что около четырех тысяч донцов (ранее невиданный по численности отряд) вломились в территориальные воды Персии, как казачья конница в XIII веке в Европу. (Что, если бы юный Степа Разин в отрочестве утонул в Доне во время рыбалки, казаки на Каспий не пошли бы?)

Чем масштабнее какое-либо историческое событие, тем более причины его возникновения зависимы от посторонних обстоятельств. Парадокс, но факт: чем масштабнее по своим деяниям личность, тем меньше от ее личной воли эти деяния зависят. История каспийского похода Разина 1 667— 1669 гг. — тому подтверждение.

Как описано выше, донские казаки в Азовском и в Черном морях плавали и грабили много и часто. Что же их заставило в столь массовом порядке отвернуться от богатых турецких владений?

В 1642 году они потеряли Азов. После героического четырехлетнего сидения пришлось «вернуть» турками этот вход в море. Теперь выйти на оперативный простор стало намного труднее и опаснее. К середине 60-х годов Запорожское Войско изнемогло в борьбе с католической Польшей. А Переяславская Рада в 1654 году ратифицировала военно-политический союз гетманов с московским царем. Следовательно, против турок, без одобрения Москвы, гетманы ничего серьезного предпринимать не намерены. А главное, запорожские казаки понесли тяжелые людские потери в польской войне. Примерно в то же время казачий гетман и турецкий султан заключили торговый договор. Словом, донским флотилиям в Черном море никто не был рад.

Но и сидеть дома донцы не могли. Как польский король в свое время разделил запорожцев, так и московский царь разделил донцов на казаков реестровых и не реестровых. Первые получали жалованье от царской казны за службу, то есть жили за счет средств «федерального бюджета». Пользовались всяческим покровительством Московского Кремля. Это была казачья элита, ее «белая кость». В противовес этим «белым казакам» на Дону бряцали саблями и «щеголяли» худым платьем и тощим кошельком казаки «красные». Охотой и рыбной ловлей можно было прожить впроголодь, но казаки привыкли жить разбоем роскошно и лихо. А кого же грабить, если московских купцов — нельзя... Нехристей-турок тоже, выходит, нельзя... На берегах Дона кипела и бурлила в негодовании голытьба, которой «поход за зипунами» был жизненно необходим, как горожанину Московии сани на зиму. Вопрос был только в том, кто поднесет спичку к бочке с порохом. Не появись с ней Разин, «чиркнул» бы кто-либо другой. И вот весной 1667 года в верхнедонских казачьих городках — Паншинском и Качалинском, должно быть, встал в свой богатырский рост Степан Разин... Да гаркнул голосом зычным: «На Каспий, казаки!» И тьма отчаянных людей ответила воодушевленным ревом, взмахнув клинками. С этого дня Степан Тимофеевич реализует себя не как предводитель бандитской шайки, а как настоящий флотоводец. Главком флотилии донских казаков в Каспийском море.

Как профессиональный адмирал, он озадачен сразу двумя первоочередными вопросами. Снабжением и вооружением кораблей своей эскадры. И проведением военно-морской разведки планируемого курса. Как от атамана голутвенных, то есть не реестровых, «общественных» казаков, Войсковой Круг от него открестился сразу и навсегда. Рассчитывать на его помощь Разин не мог. А стекавшихся к нему со всего Дона добровольцев надо было чем-то вооружить, к ружьям и фальконетам нужны были порох и свинец. На казачьи баркасы нужны снасти, парусина, запасы продовольствия. Часть денег ему кредитовали посадские люди Воронежа. Мирные горожане вложили свои деньги в абсолютно пиратский поход с надеждой на жирную долю от награбленной добычи. Но этого оказалось мало. Решили: семь бед — один ответ. «Разницы» стали перехватывать и присваивать грузы с транспортных судов, идущих в Черкасск с припасами для казачьей столицы. Взвыли казачьи старшины и аристократы! Пора было убираться с Дона, и поскорее. Тем более что к тому времени Разин знал куда и как. Его агент, донской казак Федор Сукнин, проживал в Усть-Яицком городке в устье Волги. Он сообщил «в центр» данные о царском гарнизоне, об обороте торговли в низовьях прикаспийских рек. В самом начале мая 1667 года отряд Разина в 700 бойцов вышел в поход. По реке Иловлей они поднялись на стругах и через речку Камышенку влились в Волгу. Его флотилию с континента никак не ожидали, и этот маневр обеспечил Разину эффект внезапности. Его флотилия обрушилась на великорусский город Царицын, как снег на Стамбул. Богатейшие, набитые товарами торговые ряды и трюмы судов стали наградой алчным ватагам. Не остановило взломщиков и то, что часть сундуков принадлежала патриархии и царскому двору. Царские воеводы направили Л в защиту государева имущества

карательный отряд. Но «разницы» его разгромили и, беспрепятственно миновав Астрахань, вышли в море. Вдогонку бросилась флотилия «есаульных» стругов царского полковника Ружинского. Разин к моменту подхода ее в устье Яика успел покорить казачий Яицкий городок (вернее, он перешел на его сторону) и развернуть свои корабли в боевой порядок. К тому же пополнить ее строй судами яицких казаков.

Флотилия «московского адмиралтейства» в сражении с морскими пиратами потерпела поражение. Ружинский с отстатками своей эскадры повернул обратно в Астрахань. Свое первое морское сражение — в июле 1667 года, с правительственным флотом — Разин выиграл. Правда, после весенне-летней кампании он стал врагом Москвы, ну да бог не выдаст...

Зимой казачья эскадра активно готовилась к грядущим походам. Ее моряки не пьянствовали или бездельничали, а ремонтировали и оснащали суда, готовили оружие и запасались продовольствием на долгий морской переход. Молодые, необстрелянные казаки под наблюдением ветеранов занимались, как сказали бы сегодня, боевой подготовкой. Зима катилась к весне, когда разведчики сообщили Разину, что из Астрахани к его лагерю движется отряд царских стрельцов. Воеводы рассчитывали, что, пока море сковано льдом, Разин лишен мобильности, а значит, неуловимости. И надеялись разбить его в сухопутном сражении. Расчет был точен, но недооценили крутость нрава атамана. В море еще плавали льдины, но он приказал выйти своей эскадре в поход. И опять взял курс туда, где его меньше всего ждали и море было уже чистым ото льда. На юго-западное побережье — к острову Чечень — напротив Аграханского полуострова. Это была старая база низовых терских казаков; черную осетровую икру в тех местах можно было хлебать деревянными ложками, как уху. Пока отдыхали после трудного плавания и ждали тепла, «разинцев» догнало подкрепление. Казачий отряд с Дона с атаманом Сергеем Кривым. На борту его стругов было то, что нужнее всего, — продовольствие. Объединенная казачья флотилия насчитывала уже более 40 стругов и две тысячи бойцов. С такими силами можно было уже воевать с персидским шахом.

В мае 1668 года «разницы» разграбили Дербент и разорили предместья Баку. Недалеко от Баку они облюбовали остров Жилой, на котором разбили лагерь и с берегов которого совершали набеги на побережье современного Азербайджана. Торговая жизнь на море и побережье замерла в страхе...

Адмиралы Персии клялись Аллахом и собственной бородой, обещая своему владыке покарать неверных! Бросить голову Разина к ногам шаха! Собрав большие силы, они подкараулили струги казаков у берега города Решта — столицы провинции Гилян. Хотя полной победы не добились, но Разин был вынужден увести свою эскадру из Гилянского залива. Его потери в неудачном бою составили более 400 человек убитыми. Обозленные казаки практически целиком выжгли портовые города Фераха-бад и Астрабад. Морская война шла с переменным успехом, и конца ей не было видно.

Неумолимо и грозно, как девятый вал в шторм, на эскадру Разина накатывалась зима. Требовалось дать отдых экипажам, починить потрепанные штормами и боями струги, запастись продовольствием. Но казаки бороздили воды чужого моря, как табор цыган, не находя себе убежища. Наконец, когда плыть куда-либо не было уже ни сил ни возможности, укрепили городок на полуострове Миankале — в юго-восточной части Каспийского моря. Это была база, избранная от безысходности. На этом кончике суши было очень мало пресной воды, трудно добыть еду. А отдохнуть и спокойно подремонтироваться не давали частые стычки с отрядами персов. И потери от болезней и тягот жизни «разинцы» понесли большие, чем в боях. Правда, шло и пополнение: персы обменивали своих пленных на православных невольников, приходили мелкие шайки любителей легкой наживы. Первые горели желанием мести, вторые алчностью, но толковых и умелых моряков и солдат среди них было ничтожно мало. На Миankале было так тяжело, что, едва море вскрылось от ледового панциря, казачья эскадра ушла к туркменским берегам. Но и там было не легче. Изможденную зимовкой казачью флоти-

лию поджидал свежий и боеспособный персидский флот. Разин приказал укрепиться на острове Свиной — у западного побережья Гиляна. На нем, по крайней мере, не опасались внезапной атаки с суши. А немедля отправиться на северо-запад Каспия — через Волгу к Дону, казачья флотилия была не готова. Была еще надежда и на удачные вылазки.

В начале лета персидский шах повелел своему адмиралу Мамед-хану не позже осени покончить с флотилией Разина. Самое меньшее — это заставить ее уйти из южных вод. Мусульманский флотоводец имел все шансы на успех. Окрыляло воспоминание об удачном для него сражении с казаками у Решта. И его лазутчики сообщали о трудностях, которые преследовали казаков: у них было очень мало боеприпасов, очень мало обученных воинов, зато много раненых и больных. Во дворце шаха адмиралы убеждали своего владыку в быстрой и неминуемой победе.

Июльский зной нещадно пек матросов и канониров персидского флота, прятавшихся в узкую тень повисших парусов. Штиль, поверхность моря спокойна, как зеркало. Главный адмирал персидского флота Мамед-хан с огромным облегчением опустил подзорную трубу. Через оптику, с борта флагмана, он осматривал побережье острова, на котором сгрудились, словно зайцы перед львом, казачьи струги. Слава Аллаху, он услышал его молитвы! Нечестивые гяуры не успели скрыться от возмездия.

А в том, что оно неотвратимо, — он не сомневался. Под его командованием выстроились в боевой порядок 50 морских, хорошо вооруженных судов. На них три тысячи семьсот отборных воинов ислама, готовых для абордажного боя. Никто не устоит! Мамед-хан настолько не сомневался в грядущей победе, что даже позволил себе выполнить каприз любимой дочери — она хотела насладиться видом истребления казаков. Правда, на всякий случай заботливый отец разместил ее на корабле, более всего отстоявшем в море подальше от острова. Все было готово к сражению. Не было только ветра, под которым персидские корабли могли бы поднять паруса. Атаман Разин также разглядывал неприятельский флот. 50 судов против его 40 легких стругов. Персидские корабли имели весла, но их тяжелые и глубоко сидящие в воде корпуса плохо маневрировали и медленно передвигались усилиями гребцов. По бортам установлены пушки, каждая из которых мощнее крошечных казачьих фальконетов. Шансов нет, кроме одного — Господь не оставил рабов своих и не послал их врагам ветра. Атаман обернулся на строй своих стругов, на виду у всех перекрестился и выдохнул: «С Богом, браты!»

Подробностей этой морской битвы история сохранила мало. Не следует забывать, что архив Донского Войска, содержащий в себе документы старого времени, сгорел в XVIII веке. А переводы из архивов Персии в России не публиковали (а может, и не переводили). Но, зная тактику донских казаков, можно так представить себе это сражение.

Налегая на весла, донские струги обошли персидскую эскадру и атаковали ее с моря. Персидские моряки сразу оказались в невыгодном положении.

С моря на них летела, сверкая мокрыми веслами, флотилия казаков, а маневрировать не позволяли мели и скалы у острова, к побережью которого невольно прижимались их корабли. Казаки атаковали с кормы, где у персов не было орудий, но она отлично обстреливалась с фальконетов, расположенных на носу стругов. Отчаянно пытаясь исправить ситуацию, персидские командиры кораблей все же начали пытаться изменить строй, превратив его в хаотичную кучу судов. Их корабельная артиллерия просто оказалась исключенной из боя. И начался не бой, а свалка, не поединок, а истребление.

Казачьи струги группами наваливались на один персидский корабль за другим, как свора псов на медведя. Осыпая вражеские команды свинцом из ружей и ядрами из фальконетов, казаки набрасывали на борта абордажные крюки и подтягивались для абордажного боя. Высадившись, абордажная партия со страшными криками выхватывала сабли и ножи. И начинала резню. Кровь захлестывала персидские суда. Кто не решался на

рукопашный бой, прыгал за борт в воду. А в небо поднимались столбы дымов от подожженных казаками кораблей.

Мамед-хан в ужасе рвал на себе бороду! Первым же кораблем, которым овладели гяуры, был тот, на котором оставалась его драгоценная дочь. А он ничем, ничем не мог ей помочь! Пламя пожаров на подпаленных судах усиливало жару, казалось, море превратилось в адово пекло. Ружейная пальба, треск сталкивающихся судов — все смешалось... Какая уж там дочь?! Вот-вот крюки казачьих стругов вопьются в борт его флагмана и на борт полезут отчаянные головорезы с саблями наголо. И он сам, Мамед-хан, может стать их пленником. Или покойником.

Но тут посвежел наконец ветер. Ах, если бы всего пару часов назад! Гяуры прокляли бы этот день! Но было уже не до мести. Уцелевшие три корабля его эскадры наконец наполнили свои паруса ветром и, «отплевываясь» орудийными залпами от наседавших казачьих стругов, в панике уходили в открытое море. Казаки отстали. За кормой флагманского корабля удалялась картина разгрома его флота. Мамед-хан в отчаянии рыдал в свою черную бороду. Плакал не разбитый адмирал, плакал безутешный отец. Он мечтал только об одном — броситься в ноги шаху и умолять, умолять, умолять — дать новый флот. Чтобы догнать, отбить, отомстить...

Победа флотилии донских казаков была полной. Их потери: 18 стругов. Зато они захватили 47 персидских кораблей с 33 орудиями и с припасами. С улюлюканьем и тычками победители сгоняли на берег пленных — вещь для обмена и продажи. Много пленных жались у прибоя — сотни. И еще один трофей.

«Гляди, атаман! — весело крикнул Разину лихой казак, таща за волосы юную девушку в богатой одежде. — Каков тебе мой подарок! Персидская княжна!»

Девушка, рыдая, встала на ноги. И Степан Тимофеевич увидел ее тонкий стан, густые черные косы, скользнувшие по мраморно-белым плечам. И взглянули в сердце грозного атамана ее огромные карие глаза, налитые слезами боли, ужаса и мольбы...

Посчитав трофеи и потери, казаки решили, что нужно уходить немедля. Оружия и провианта у них было, хоть до Дона плыви. Зато папа «княгини» (быстро выяснили, чья дочь оказалась у них в гостях) очень быстро пожалует с новым флотом. За реваншем и дочерью. А у казаков осталось всего 22 струга. И с ветром второй раз так не повезет. В планы Разина никак не входила встреча с «тестем», каковым стал ему разгромленный адмирал той же ночью. И через несколько дней казачья флотилия взяла курс на северо-запад. Уже в начале августа 1669 года весла казачьих стругов вспенили пресные воды устья Волги. В ее камышах можно было не бояться мести озлобленного Мамед-хана. Но соратников атамана стало беспокоить другое...

Гребцы казачьих стругов заметили, что атаман как-то присмирел. Его уже не увлекали планы захватывающих своей удалью походов. Более того, впереди было решение труднейшей задачи — прорыв мимо Астрахани, а его это как будто не волновало. Он стал чураться братских пирушек, стараясь больше времени проводить наедине с брюнеткой-персиянкой. «Атаман стал не тот», — бурчали недовольно ветераны. «Саблю забудет, кур разведет», — зубоскалили молодые гребцы. Ропот шелестел со струга на струг, словно речной ветер. Вердикт был единогласным: виновна юная полонянка. Околдовавшая, очаровавшая, смирившая их вожака. А может, он и увел их из Каспия после удачного сражения, уступив ее мольбам. Может, ее слова не позволили казакам еще вдоволь погулять по Персии? Может, продал и предал казаков проклятым нехристям-персиянам Разин, поддавшись чарам восточной женской красоты? Этот ропот и насмешки слышал грозный атаман…

Сюжет знаменитой картины и песни — не вымышлен. В морском сражении у острова Свиной, в июле 1669 года, флотилия Разина захватила в плен дочь персидского

адмирала Мамед-хана. И вероятно, не одну «ночь провожжался» с ней атаман. Народный эпос превратил дочь адмирала в княжну, хотя хан — аристократический титул в странах Азии. Правда, можно гадать, в действительности ли Разин утопил даму в Волге, при одобрении товарищей? В качестве подтверждения своей преданности идеалам вольного казачества. Либо ее постигла иная, менее мрачная участь. Во всяком случае, когда в начале октября 1669 года оставшиеся от некогда грозной флотилии девять стругов вошли в родной Дон, дочери персидского адмирала на них не было. А может, Разин, натешившись, уступил княжну по-братски товарищу?

Недалеко от Новочеркасска в начале XX века было местечко со странным названием — Персияновка. Будто бы место жительства персиянок. Были так называемые Персияновские военно-учебные лагеря Донского Войска. О происхождении этого названия мнения расходятся. Но вот одно из них любопытно... Якобы с персидского похода, с Каспия, не один только атаман Разин привез пленницу. «ППЖ» — «походно-полевые жены» были у многих донцов, а поскольку православные каноны двоеженства не допускали (это не ислам!), то в родных местах казаки поселили своих спутниц отдельным селением. Сделав их полулегальными женами «выходного дня». Время прошло, поколения сменились, а игривое название сохранилось. Может, дочь персидского адмирала и не была брошена в Волгу как жертва казачьему братству? А стала одной из «новоселок» Персияновки? Но красива и ужасна легенда. Впечатляет художественное полотно живописца, завораживает мелодия старинной русской песни...

Легенда легендой, а если проанализировать деятельность Степана Тимофеевича Разина не с точки зрения уголовного кодекса, а с сугубо военно-морской? Серия успешных десантов на побережье противника, удачный штурм ряда прибрежных крепостей. Три открытых морских сражения с флотом неприятеля — в устье Яика, у Решта и у острова Свиной... Два Разин полностью выиграл, в одном спас свои силы от разгрома. Во всех открытых морских сражениях его враги имели численное преимущество. Два года его партизанская эскадра действовала в чужих водах, без баз, на абсолютном самоснабжении. В военно-морской истории Европы XVII века трудно найти флотоводца со столь удачным опытом походов.

Как и у любого выдающегося человека, у адмирала Разина сразу же нашлись последователи и продолжатели — среди земляков. В мае 1677 года, ровно через десять лет с начала «разинского» похода на Каспий, по его маршруту отправилась ватага, донского атамана Василия Касимова (возможно, это был один из ветеранов эскадры Степана Тимофеевича). Три сотни казаков прорвались из Волги на Каспий, достигли устья Яика. Захватили в казачьем городке яицких казаков оружие и провиант и взяли курс к персидским берегам. Именно дублирование разинского маршрута и приемов погубило весь план. Копия всегда хуже оригинала. И воеводы московского царя, и адмиралы персидского шаха, едва оправившиеся от последствий походов десятилетней давности, единодушно решили, что «второй Разин» для такого маленького моря, как Каспийское, — это чересчур. Сначала отряд Касимова серьезно потрепали московские стрельцы. У туркменского моря его также ждали. Без соли и хлеба. Донцы атамана Касимова с огромным трудом перезимовали на островах Святом и Жилом. А весной попытались напасть на Баку. На подходе казачьи струги перехватил персидский флот. Ветер был хорош — он туго надувал его паруса. Разгулявшиеся волны расшвыряли стаи стругов. В этом сражении часть стругов была перетоплена, экипажи взяты в плен. Уцелевшие, пометавшись некоторое время по побережью, без еды и оружия, сдались на милость победителей. Путь на родной Дон был отрезан, и казаки, приняв мусульманство, стали мирными рыболовами в Шемахе и подданными персидского шаха.

Последний поход донских казаков на Каспий был предпринят в 1682 году. Атаманы Калина Родионов и Максим Скалозуб, с эскадрой в 60 стругов, пошли на устье Яика. Как и их предшественники, заняв его, зазимовали. Но по весне на юг не пошли.

Зима выдалась холодная и долгая, суда прочно вмерзли в лед. Узнав, что приближается сильный отряд стрельцов, решили не искушать судьбу, а, плюнув -на этот поход, вернулись домой на Дон. «Наследников Разина» из них не вышло.

И последнее — о Разине-флотоводце. Петр I в 1695 году прибыл на Дон и повелел привести к нему еще живых участников каспийского похода атамана. С увлечением слушал царь их рассказы. И хотя этого самодержца обзывают «основателем русского флота» совершенно незаслуженно, его страсть к военно-морскому делу была неподдельна. Что же увлекало «бомбардира» в воспоминаниях «разинцев»? Неужели смакование прелестей персидской княжны? Или пересчет взломанных сундуков из казны его отца? Говорят, что Петр I прерывал рассказчиков искренними сетованиями: «Как жаль, что я не застал Разина! Уж я бы привлек этого человека к делу!» Надо полагать, что не грабежом персидских городов восхищал его атаман. Ведь, кроме этого, Разин умел еще грамотно воевать на море с вражеским флотом. Как и подобает атаману донских казаков — граждан морского сословия.

•

Донское казачество в XVII веке взяло на себя основное бремя забот по строительству русских ВМС в Азовско-Донском бассейне задолго до того дня, когда у московского царя Алексея Михайловича родился младший сын — Петр. В 1б4б году из Кремля последовало распоряжение — строить суда в Воронеже. Но не силами холопов и в спешке нанятых иноземцев, а «вольными, охочими людьми». То есть в старой Москве понимали, что кораблестроение требует вольного работника, и готовы были отдать эту отрасль промышленности в руки нарождающегося капитализма. Планировалось построить первоначально 100 судов и еще столько же пригнать с Волги готовых. Но из этой затеи ничего не получилось. Московиты плохо были знакомы с корабле- строением. На рубеже XVIII века Петр I в этой ситуации сделал ставку на иностранных специалистов. Его отец — на донских казаков. Когда в 1659 году в русском городе Козлове началось активное строительство судов, то кликнули донских казаков во главе с Кириллом Петровым. Станичники срубили три струга, да увидели, что московские дворяне, руководящие судоверфями, заставляют рабочих гнать брак, а сами в отчетах перед Москвой занимаются, как сказали бы сейчас, очковтирательством. Казак-корабел Петров был грамотным инженером и потому написал в Москву грамотку. В которой раскрывал нерадивость царевых слуг: «...велели сооружать наскоро, в мерзлом и сыром лесу (в смысле из мерзлой и не просушенной древесины. — Примеч. авт.) в зимнюю пору в два дня струг. А у нас, государь, делают недели по две и больше... морские струги делают, государь, в летнюю пору».

Донских специалистов заставляли «по царскому указу» гнать брак, нарушать технологии производства. Заниматься штурмовщиной — один морской корабль в два дня! Вместо положенных двух недель. (Как это напоминает «пятилетку в четыре года».) Петр I такой подход к морскому делу поощрял на деле. Но можно представить себе, учитывая его маниакальную жестокость, что было бы, получи он подобную грамотку7 году так в 1703-м? Не сносить бы головы и доносчику! И тем, кто виноват — царской тростью по спинам дворян, да в Сибирь — это было бы самым мягким наказанием. Хотя, можно предположить, что ничего бы никому не было. Одним некачественным кораблем больше, одним меньше... Протестанты-собутыльники довольны и ладно!

Царь Алексей Михайлович на грамотку казака отреагировал по-государственному мудро и эффективно. Виновных в постройке бракованных судов он повелел оштрафовать. За счет их вотчин отстроить новые, качественные суда. И впредь слушаться дельного казака. Ему был нужен эффективный флот в море, а не одобрительные тосты лукавых европейцев.

И интенсивность русского судостроения возрастала. В 1663 году у села Романова, на Дону, было отстроено 175 парусно-гребных стругов для морских походов. В 1673 году было заложено еще 200 стругов. И не амстердамские протестанты, а православные

донские казаки — корабельных дел мастера: Лукьян Высоцкий, Григорий Кириллов, Никита Яковлев — вот кто ладил русский морской флот. И не под конвоем гвардейцев, как скот, а по вольному найму шли на царские судоверфи охочие люди. Не из-под палки, думая только о том, как удрать, а по трудолюбию и таланту русские корабли строили плотники, кузнецы, канатчики, оружейники, парусных и весельных дел мастера из 41 уезда Московии. Они были одной веры, понимали язык друг друга. А главное, морское судостроение не требовало от них отречения от национальных, культурных традиций. Оказывается, морские суда можно было строить и в кафтанах и бородатыми, и без париков. Только за 1673 год они успели отстроить 130 вооруженных судов, с пушками на борту. И этот флот, спущенный на воду, вышел в Азовское море и действовал против Турции у берегов крымского побережья в 1674 году.

В 1674 году возвели уже 465 боевых стругов и транспортных судов. А год спустя — еще 250 транспортных, когда потребовалось организовать снабжение царских войск в низовьях Дона. Получалось, что за три года на воду спустили 1270 кораблей и судов. Русский флот вырос, как гриб, на изумление мусульманскому миру Турции и Крыма. Без Петра I! Без иностранцев! По воле и труду русских людей.

Надо полагать, что такие толпы кораблей двигались не хаотично. Первый «Морской Устав» русские моряки получили в 1647 году. «34 статьи артикульные» — о корабельной науке и практике содержались в 7-й главе переведенной на русский язык книги Иоганна Вальхаузена — «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Переведенная глава книги предназначалась для русских моряков судоверфи в Дединове, что в Коломенском уезде. Но в генерал-адмиралы русского флота производить автора этого трактата никто и не думал. Своими выдающимися флотоводцами была богата русская и донская земля! Да не только она.

Вот вопрос для знатоков телеигры «Что? Где? Когда?». Когда русские моряки одержали первую победу над шведами в Финском заливе? Нет, не при Петре I. А в июле 1656 года стольник московского царя Потемкин (может, и предок основателю Черноморского флота князю Потемкину-Таврическому), командуя галерой, настиг и потопил немецкий полукорабль. А как русская галера в Финском заливе оказалась? А через Неву! По Столбовскому миру 1613 года между Московией и Швецией разделяющая граница проходила по реке Неве. То место, где сейчас Смольный, — шведская земля. Напротив — русская застава. А по реке, в Финский залив, русские суда для торговых дел выходили свободно. Видимо, стычка галеры Потемкина и немецкого торгового судна и произошла — кто-то кого-то обидел. Но что же тогда нового принес на невскую землю Петр I?

И вот еще странность. В Воронеже, в Таганроге, в Азове высятся памятники Петру I как основателю русского флота на юге. Очевидно, что эта слава приписана ему незаслуженно, это отцовская слава. Но нет в России ни одного памятника истинному основателю русского флота — московскому царю Алексею Михайловичу Романову, которого почему-то считают «Тишайшим». Несправедливо. Правильнее назвать его «Морским». С Божьей помощью и опытом донских казаков.

ГЛАВА 5
Морской флот Терского казачьего Войска

Определение — «морской флот Терского Войска», кажется еще менее правдоподобным, чем — «казачество — морское сословие». Казак-терец в массовом сознании — это всадник, на лохматой лошадке, с кавказской шашкой и кинжалом, смуглый и горбоносый джигит, в мохнатой папахе, в черкеске с глазырями на груди. Словом, горный кавалерист, но уж никак не моряк.

И тем не менее Терское казачье Войско зарождалось и формировалось как вольная община смелых и удачливых мореходов. В их морской истории есть своя «казачья Атлантида» — столица морского Терского казачества, за несколько часов навсегда

скрывшаяся под морскими волнами. И наконец, в отличие от всех иных казачьих войск Российской империи, в начале XX века низовые терцы имели в своей собственности, утвержденной законом, прибрежную акваторию моря. Такого не имели даже донцы и кубанцы.

Когда же казаки появились и осели на берегу Каспийского моря? Откуда пришли? Ответы на эти вопросы искали пытливые историки Терского Войска: Потто, Караулов, Писарев... Но единого мнения так и не сформировали.

По одной из версий, терские казаки — потомки казаков волжских. В 1577 году стольник московского царя Мурашкин с отрядом стрельцов разгромил «воровское гнездо» волжских казаков. Уцелевшие, почесав затылки и перевязав раны, разделились на три ватаги. Одна — ушла за атаманом Ермаком Тимофеевичем в Сибирь... Вторая — спустилась по Яику (Уралу) к устью реки и основала Усть-Яицкий городок, положив начало Яицкому (Уральскому) казачьему Войску. А вот третья, с атаманом Андреем, добралась до одного из рукавов низовья реки Терек, до Баклакова урочища. Там и вырос Трехстенный Городок, названный так потому, что имел три оборонительные стены, а четвертую сторону, обращенную к морю, — защищал казачий флот. Терские казаки явились, таким образом, авангардом православного московского царства на берегах Каспия, за что в 1586 году получили из Московского Кремля царскую грамоту, подтверждающую их права на занятые земли. Вот с этого года и ведется старшинство Терского казачьего Войска.

Есть и другая гипотеза, объясняющая причины рождения терского казачества. Согласно ей терские казаки-мореходы — это потомки рязанских городовых казаков. В 1520 году к Московскому царству было присоединено Рязанское княжество. Рязанские казаки, вероятно, жившие в статусе профессиональных и потомственных военных, наделенных рядом вольностей в сравнении с прочим «тягловым» населением княжества, превращаться в холопов московского царя не пожелали. А потому снялись они с семьями с обжитых мест и ушли в поисках лучшей доли. На Рязанщине они жили компактно и обособленно в местечке Червленный Яр. Поэтому название одной из старейших станиц, срубленных в устье реки Терек — в местечке Темень, видимо, дано в память о покинутой родине предков — «Червленная». А к 1567 году у устья речки Сунжа сложился городок терских казаков — Терк.

По третьей версии, ни волжские, ни рязанские казаки не являлись костяком новообразованного Войска. А лишь влились двумя многочисленными толпами в уже существующий на протяжении нескольких веков «коктейль» национальностей, религий, языков и культур, бурливший на «ничейных» берегах Каспийского моря.

Однако, по какой бы «технологии» ни образовывалось Терское Войско, его исследователи единодушны в главном. Терское Войско за первые полтора столетия своей официальной жизни являлось субэтносом, имевшим свой особый речевой диалект, почти язык, отличительные быт, свод правил и обрядов, свою культуру. Свой особый менталитет, говоря современным языком. И еще одно важное отличие. Все исследователи древнего периода терского казачества сошлись на том, что оно было истинно морским, а не горным.

В то время рыбная ловля являлась одним из самых быстрых способов получить пропитание для больших масс народа. Климат и обстоятельства жизни в тех местах не давали надежды землепашцу дождаться урожая, а скотовод сильно рисковал лишиться своих стад и табунов от болезней и набегов алчных соседей. Охота и рыбная ловля в богатых дичью и рыбой угодьях компенсировали отрицательные черты климата и местности. Заболоченная береговая линия Каспия дарила не только укрытия от набегов, но и тучи малярийных комаров.

Сильных соперников у терских казаков поначалу также не имелось. Персия была сравнительно далеко, к тому же от карательного флота персидского шаха можно было легко укрыться в камышовых плавнях устья Терека. С наместниками московского царя в

Астрахани терские атаманы мореходных станичников умели договариваться, хотя не раз «трясли сумы» московских купцов. А с местными аборигенами предгорий Кавказа казаки дружили семьями. Даже традиционной в наше время вражды с чеченцами не существовало. Сами чеченцы, кстати, издавна называли себя — «нахчуо», что в буквальном переводе означало — «народ», «люди». Их первые племенные объединения были замечены в конце XVII века в верховьях Ассы и Аргуна. В глухие горные ущелья их предки ушли, теснимые татарами. «Чеченцы», «чечены» — так их стали называть русские и казаки, когда они стали селиться на острове Чечень. В XVII же веке чеченцы были самыми мирными пастухами. Терские казаки охотно роднились с ними, беря в жены стройных смуглянок-брюнеток. Идиллия кончилась, когда в 1770 году аулы чеченцев стали размещаться на правом берегу Терека и на берегах реки Сунжа, традиционных землях терских казаков. Вот тогда-то и стал Терек фактически пограничной, грозной рекой, где, по словам Лермонтова, «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». С начала XIX века Кавказ стали силой «вводить в состав» Российской империи. Генерал Ермолов и донской казачий генерал Бакланов, шашками донских и терских казаков, принуждали горцев к смирению. Вот тогда-то и запылали чеченские аулы, тогда-то и зажегся огонь взаимной ненависти между чеченцами и казаками, чадящий и в начале XXI века. Кстати, более влиятельными союзниками терских казаков в XVII веке были не чеченцы, а кабардинцы. Именно они стали «законодателями моды», которую потом переняли многие чины императорской Кавказской армии: конная джигитовка, кривые кавказские шашки, кинжалы, мохнатые папахи, черкески с глазырями, бурки... Именно кабардинцы стали главными помощниками казакам в охоте и в рыбной ловле, где требовались ловкость и отвага. Кавказских горцев и казаков стравили, как бойцовских петухов, сначала из императорского Петербурга, а потом из Московского Кремля. И до сих пор там «греют руки» на искусственно подогреваемой вражде между русскими, казаками и горцами.

Но одними рыбой и мясом сыт не будешь, а главное, надо было во что-то одеться, обуться, откуда-то взять оружие, боевые припасы. Не чурались терцы и предметов роскоши. Где взять? А где это все было в избытке и недалеко?

Соседом терского казачества была богатейшая Астрахань. Присоединенная к Московской Руси еще в XVI веке, она являлась крупнейшим центром морской торговли со странами Азии и Персией. Астраханские воеводы московского царя брали регулярную дань с иноземных купцов за транзит — «водяное мыто», «посиделые» — вроде пошлины за право временного проживания под защитой астраханского гарнизона. Астраханские судостроители споро рубили буссы — морские транспорты для перевозки грузов по Каспийскому морю. Это были суда, по виду похожие на крупногабаритные баржи, без верхней палубы и с одним прямым парусом, что лишало их возможности маневра и хода против ветра. Строили их быстро потому, что более одной навигации они не должны были служить. Навигация на Каспии начиналась в апреле и кончалась в октябре. В иное время плавание было невозможным из-за зимних штормов. Стоимость постройки бусса в 1639 году, с полным снаряжением, составляла 6 рублей, 13 алтын и б денег. А плату за провоз на нем товаров с купца-судовладельца брали за навигацию — 308 рублей, 20 алтын и одну полуденьгу. Годовой, точнее навигационный, оборот международного Астраханского порта в 1684 году составил более 20 000 рублей. По тем временам просто сумасшедшие деньги! Не менее прибыльным было торговое судоходство и московских купцов. По нескольку раз в год их морские караваны и отдельные суда плавали до восточного побережья Каспия — на Караганское, Кабаклыцкое, Назаровское и Седоевское — так именовались их торговые пристани. Бросали они якоря и в Терке, и в Тарке (так называлось еще одно поселение низовых терских казаков), в Низабаде и в Низовой пристани. Отдохнувшие экипажи, подремонтировав свои буссы, брали курс в южные персидские порты: Шемаха, Дербент, Баку, Решт, Астрабад...

Трюмы кораблей и амбары береговых складов, набитые дорогими и полезными вещами, купеческие сумы, набитые звонким серебром и весомым золотом, — разумеется, все это привлекало вольных казаков. 1588 годом (хотя нет сомнений в том, что это был не почин) отмечен известный историкам морской поход казаков на Каспийское море — в «варяжское молодечество». То есть в пиратский, грабительский набег.

Буквально в таком произношении этот термин упоминают все историки древнего терского казачества. Это очень интересный факт. «Варяги», в классическом понимании истории, это предки скандинавов, что разбойничали в Атлантике и в Балтийском море. На Балтике их, видимо, было очень много, за что море долгое время называли «Варяжским». То, что пиратские набеги в Каспии назывались «варяжским молодечеством», подсказывает, что и на Балтике «варягами» назывались не предки норвежцев и шведов, а любые морские разбойники вне зависимости от этнической принадлежности. (Можно сделать еще одно смелое предположение. Призыв дружин варяга Рюрика в Ладогу и в Новгород — это не проявление необходимости в них, как в организаторах древнерусской государственности. А факт найма пиратов-варягов для войны... с пиратами-варягами. Точно также в Карибском море поступили в XVIII веке, назначив главаря пиратов Моргана губернатором Ямайки. В обязанности губернатора входила как раз защита морских торговых коммуникаций от пиратских судов. Так что «основатель русского государства» князь Рюрик — на самом деле был «древнеславянским Морганом» и не более того. — Примеч. авт.).

Однако «варяжское молодечество» терских казаков на Каспии носило не патологический, а вынужденный характер. Воеводы московского царя, которые находились в отношении казаков в качестве равноправных союзников, нередко нарушали обязательства царского двора. Тяга местных чиновников к прикарманиванию денег «из федерального бюджета», видимо, родилась одновременно с этим самым бюджетом. Во всяком случае, в начале XVII века представители московского двора в казачьей столице Терке вели себя точно так же, как их коллеги в начале века XXI. Время было смутное, и воеводы решили тоже половить «золотую рыбку в мутной водице». В 1607 году Москва направила в Терк немаленькую сумму денег казакам за службу. Деньги пришли, но казаки их не увидели... Атаман Федор Бобырин не стал слать жалобные челобитные в «администрацию московского царя». А сели казачки на струги, взмахнули веслами и через полдня парусного хода бросили якоря на острове Чечень. Не выплатили денег добром, возьмем силою! На то мы и казаки! (В 1707 году, после набега крымских татар, архив низового Терского казачества — документы за двести лет, сгорел дотла. Сохранилось немного. Но и то, что известно, доказывает, что обиженные казаки начали неограниченную войну на морских коммуникациях Каспийского моря.) При этом не разбирали, чьи суда, караваны и порты они грабят и громят — московские, персидские, доставалось иной раз и своим же казакам.

1621 год. Терские казаки во главе с атаманами Чернушкиным и Тренским-Усом взяли на абордаж караван купеческих судов.

1636 год. Отряд казаков в 500 человек захватил, высадив морской десант, персидский город Ферахобад (на карте Каспия видно, что этот порт находится на южном побережье, терцам пришлось переплыть все море с севера на юг). На обратном пути встретили караван судов персидских купцов — уничтожили и его.

1660 год. Отряд из 700 казаков с атаманами П. Ивановым и Т. Радиловым разгромил в устье Волги торговые суда и рыболовецкие учуги московских купцов Михаила Гурьева и Василия Шорина. В том же году, видимо, доказывая свое безразличие к вероисповеданию своих жертв, тот же отряд опустошил персидскую провинцию Гилян.

1677 год. Терцы налетели в устье реки Яик (Урал) и погромили городок московских стрельцов — Усть-Яицк. Досталось и подвернувшимся под горячую руку яицким казакам. Затем, тут же развернувшись, они переплыли море и пошли на штурм Баку.

Тактика их боя ничем не отличалась от приемов, используемых флотоводцами запорожцев и донцов. Маленькие, маневренные парусно-гребные суда терских казаков налетали на купеческие буссы, как рой лесных пчел на медведя. Пушкари и стрелки торговых судов просто терялись от обилия целей. Но если иное ядро и разносило в щепы один казацкий струг, то к борту атакуемого судна устремлялся еще десяток. А в абордажном бою казаки были бесстрашны и жестоки. Разумеется, станичники уходили от явно проигрышного боя с хорошо вооруженным противником. Их оружием были внезапность, скоротечность и лихость атаки. Если приходилось — высаживали морской десант и брали портовые города сухопутным штурмом. Но в длительные осады никогда не ввязывались. Они были отличными мореплавателями, не раз пересекая Каспийское море с запада на восток и с севера на юг. Судостроительная практика терских казаков мало чем отличалась от донской или запорожской. Такие же гребные суда, с одной мачтой и с одним примитивным прямым парусом. Строились они быстро, но и быстро выходили из строя. Больших кораблей не создавали в первую очередь потому, что не было в том необходимости. Каспийское море — не океан, а потом большое судно заметно издалека. Внезапность — главный тактический прием казаков на море, обеспечивали только малые гребные суда. Даже мелкокалиберных орудий струги терских казаков не имели на борту вообще. Военный, рыболовецкий и грузовой флот терским казакам был необходим лишь как средство, но не как цель. И создавался лишь по мере надобности. У них не было военно-морской бюрократии, которая обычно является главным «заказчиком» регулярного военного флота.

В то же время лишь незначительная часть терских низовых казаков жила исключительно грабежом. В Каспийском море геройствовали расписные челны адмирала донских казаков — Степана Тимофеевича Разина. Но лишь незначительный процент терцев примкнул к его флотилии. Терские казаки не хуже торговали на море, чем воевали.

И их морская столица — город Терк, была не разбойничьей «Тортугой Каспийского моря», а очень даже цивилизованным морским городом-портом. Терк в XVII веке «держал» 6,7 процента оборота торговли со странами Средней Азии. Еще более интенсивным был товарообмен с Персией (нынешним Ираном) и с территорией нынешней Туркмении. К середине XVII века город-порт Терк — столица морского терского казачества, был очень оживленным и весьма культурным городом. Его население насчитывало более 60 тысяч человек, с постоянным гарнизоном в 500 городовых казаков. Высились караван-сараи, тянулись торговые ряды, шумели по-восточному обильные и многообразные базары. Имелись, по описаниям западных купцов, таможенный, кружечный и меновый (что-то вроде пункта обмена валют) дворы. Торжественно и гулко звенели колокола приходской православной церкви и Благовещенского монастыря. Били часы-куранты на башне городской площади; далеко не каждый европейский город в те времена мог похвастаться такой редкостью. Да что там часы-куранты? В Терке помимо монастырской библиотеки имелись общественные бани и роскошные сады-парки для общественного поселения. Город был открыт для всех, кто ценил волю и был верен храбрости. И украинец, и русский, и персиянин, и горец с Кавказа, и туркмен — все, кто бежал от суда общественного мнения или кнута владыки-феодала или государя, все находили в нем кров и занятие. Терк был «каспийским Вавилоном», вольным городом, «зоной свободного предпринимательства». В городе не было рабов или холопов. Были наемные слуги и богачи, но все были гражданами.

Разумеется, в воспоминаниях много могло быть преувеличено. Прикаспийский Терк не мог быть таковым, как Московский Кремль или парижский Версаль. Но он так и остался в легендах городом-сказкой, превратившись в Атлантиду терского казачества.

Подобно классической, платоновской, Атлантиде, Терк также ушел под воду быстро и внезапно. По вине геологического катаклизма. 17 августа 1668 года западное побережье Каспийского моря, вода и земля, задрожали, как испуганная волками лошадь. Сильное землетрясение нарушило структуру земной коры той части планеты, на которой

цвел пышный и гордый Терк. Правда, почва опускалась, а вода поднималась хоть и быстро, но плавно. Удалось не только уцелеть большинству горожан, но и спасти немало ценностей, включая архивы низового Терского казачества. Но все равно — город всего за несколько дней ушел под воду. Валы Каспийского моря навечно скрыли и кроны деревьев общественных садов, и крыши торговых кварталов, и золоченые кресты куполов Благовещенского собора. Вековой город погрузился в пучину, как уставший бороться с волнами великан-пловец. Осталась только легенда.

Спасшиеся терцы отстроили город заново. Где посуше, где подальше от коварной воды. Но едва-едва возвели самое необходимое, как вновь грянула беда. В 1688 году с суши навалились орды кубанского сераскера Казы-Гирея. Приступ отбили, но много былых горожан Терка, ветеранов морских походов, полегло в сече. А спустя 19 лет окончательно сгорела слава былого морского казачества. Причем буквально. В 1707 году крымский сераскер Эштек-Каип-Султан штурмом овладел «новым» Терком, уже не выходившим из стадии упадка. Город был разорен и сожжен дотла. Самой важной утратой был архив низового Терского казачества, весь комплект старинных грамот XVI—XVII веков. Для крымских татар-конников это был лишь горючий материал.

В начале XX века на месте этого сожженного Терка стояла терская казачья станица Александровская. А рядом руины древнего города, который татары называли «Гюйген-Кала» — «старая крепость». Вот и все, что осталось от былой славы морского казачества Терека.

Исторически город Терк и его уникальная культура были обречены. Они могли существовать только до тех пор, пока соседи — Персия и Россия — делили Каспийское море. Балансируя на грани их противоречий, существовало морское казачество. Рано или поздно одна из держав неминуемо поглотила бы его. Море поглотило Терк, лишь опередив могущественных соседей. И только волна за волной теперь плещут над затонувшей Атлантидой терцев. И равнодушное рокочет море — было... было-было...

Все же и землетрясения-наводнения, и воинственные соседи, и вероломный императорский двор так и не смогли окончательно убить в терских казаках тягу к морю. В силу статей 950—953 т. XII части 2 отдела б III Свода Законов Российской империи Терскому казачьему Войску в начале XX века принадлежало пространство морских вод на Каспии против устьев восточных берегов Терека. Общая площадь Войсковых морских вод составляла к 1912 году 1625 верст и была разделена на три участка. Южный — захватывающий северо-западную часть Аграханского залива, от устья речки Бирючка. Западный — пространство вод от побережья материка до острова Чечень. И восточный — простирающийся от острова Чечень в глубь моря на 76 верст от берега.

Разумеется, ни о каких боевых кораблях и речи не было. Рыболовство, вот что только оставалось для терских казаков-моряков. Оно давало ежегодный доход в Войсковую казну в общей сложности 100 000 рублей в год. В устье реки Росламбечихи основался казачий поселок дворов в 30—40. Рыбачили казаки Калиновской и Александровской станиц, да по морю ходили на рыбачьих баркасах ватаги казаков-копайцев, слепцовцев. И белый парус мирных рыбарей лишь отдаленно напоминал о тех казаках-терцах, что триста лет назад наводили страх на морские караваны московских купцов и на прибрежные провинции иранского шаха.

ГЛАВА 6
Морские походы яицких казаков

Яицкие казаки — это уральские. И они своим рождением в истории обязаны морю, в морских просторах добывали они себе пропитание и славу. В 1577 году стольник московского царя Иван Мурашкин, разгромив базу казаков-разбойников на Волге, и представить себе не мог, что своими действиями даст импульс рождению сразу трех новых казачьих Войск: Сибирскому, Терскому и Яицкому.

Одна из ватаг разгромленных волжцев добралась до северного побережья Каспийского моря. В 1580 году ватага атамана Нечая выбила из устья реки Яик (Урал) ногайских татар и, чуть поднявшись вверх по реке, спустя год основала укрепленный казачий Яицкий городок. Положив начало Яицкому казачьему Войску.

Яицкие казаки действовали примерно в тех же акваториях Каспия, что и низовые терцы. Однако своей морской культуры создать не сумели. Во-первых, их «кадровый состав» вышел из сугубо разбойничьей среды. Она охотно откликалась на призыв заняться грабежом, но не любила сосредоточенного и организованного труда. Морские суда яицких казаков в точности повторяли струги донских казаков, которые то и дело наведывались на Каспий — пограбить. Во-вторых, в устье Яика, по соседству, очень быстро разместился сильный гарнизон войск московского царя. Яицкие казаки не имели той природной защиты, как терцы, от астраханских воевод. И потому находились под постоянной угрозой атаки со стороны царских карательных отрядов. Можно ли было в такой обстановке спокойно возводить пирсы, торговые прибрежные склады? Тем более собор, архив, общественные сады и бани? Потому яицкие казаки имели только одно спасение — в море. По Каспию они бродили, как цыгане, только вооруженные, и под парусом и на веслах. Не было у них, что называется, ни кола ни двора, а только сабля, весло, парус да пара абордажных пистолетов. Но от их набегов ежились и московские, и персидские купцы.

В 1631 году — яицкие казаки грабили и топили суда московских купцов.

В период с 1632 по 1634 год яицкие казаки, соединившись с донскими, разоряли персидские прибрежные города: Дербент, Баку, Назабад и опустошали прибрежную персидскую провинцию Гилян.

В 1667 году Бог послал им энергичного и талантливого флотоводца в союзники — донского атамана Степана Разина. Под его командованием яицкие казаки рассчитались со своими давними обидчиками—с царскими стрельцами, разгромив их войско в устье Яика.

В 1677 году — яицкие казаки, окрыленные победами, сожгли крепость московского царя в устье реки Яик и, развернув форштевни своих судов, пересекли море для того, чтобы напасть на Баку. И напали! Шах молил всемогущего Аллаха о спасении. Седой Каспий раз за разом выплескивал на его владения флотилии своих «викингов»: запорожцев, донцов, терцев... А тут с севера принес еще одну напасть — яицких казаков. Надо отметить, что тактика боевых действий на море яицких казаков ничем не отличалась от приемов терцев или донцов. И корабельной артиллерии на своих морских судах яицкие низовые станичники не имели. Оружие — только холодное, да пищали с пистолетами, для очень краткого огневого боя.

Московский царь и персидский шах, оба в одинаковой степени ощущали угрозу торговому мореплаванию со стороны яицкой казачьей флотилии. Ее гибель была предрешена историей, как гибель их соседей-терцев. С казнью атамана донцов, Разина, яицкие казаки лишились мощного союзника. А в Кремле им припомнили «подвиги» в устье Яика. Ранее моряков-терцев, яицкие казаки были оттеснены вверх по реке, в глубь континента. Выход в Каспийское море был плотно перекрыт царскими войсками. О славных морских походах, о морских десантах, об абордажных боях пришлось яицким казакам забыть сразу и навсегда. Только из старинных дедовских преданий и песен знали они, как поет ветер в парусных снастях, как дрожит стрелка компаса и как плещутся солнечные лучи рассвета и заката в волнах теплого моря.

Уже к началу XVIII века яицкие казаки остались лишь искусными рыболовами. Впрочем, на ниве торгового мореплавания они также не потерялись. История сохранила имя первого морского судовладельца на Каспии среди яицких казаков в XIX веке. Им стал казак Федор Андреевич Попов. И напоследок — совсем малоизвестная страница морской истории уральского (яицкого) казачества. Современные экологи и гидрографы спорят, что такое усыхающий Арал — море или огромное соленое озеро. Яицкие казаки внесли свою лепту в его освоение. В 70-х годах XIX века местный губернатор направил в адрес Наказного Атамана Уральского казачьего Войска просьбу — прислать опытных

рыболовов, для начала морского промысла в водах Аральского моря. Рыбы в нем было в то время много, а всерьез ее ловить местные тюркские народы не умели. Вот и попросили уральцев прислать своих мореходов для передачи опыта. Об этом промелькнула информация в журнале «Русское судоходство» за 1910 год. Тема малоизвестная, но то, что попросили направить в качестве инструкторов морского промысла казаков-уральцев, — свидетельствует в пользу «мореходности» этого казачества.

ГЛАВА 7
Якутский казак — Семен Иванович Дежнев. Сибирский казак — Владимир Васильевич Атласов

Эпоха Великих географических открытий XVI—XVIII веков создана выдающимися мореплавателями. Есть среди них и имена казаков, которым Россия обязана своими дальневосточными морскими границами. В первую очередь енисейско-якутских казаков — Дежнева, Попова и сибирского казака — Атласова.

Енисейский казак Семен Иванович Дежнев родился около 1605 года, по предположению биографов — в Великом Устюге. С 1642 года он почти без перерыва бороздил на маленьких суденышках — кочах, моря Северного Ледовитого океана. Летом 1648 года три коча с казаками во главе с Дежневым и с Федотом Алексеевичем Поповым (по предположению ряда историков — именно он был руководителем той морской экспедиции) впервые в истории обошли Чукотский полуостров и вышли из Северного Ледовитого океана в Тихий. Пройдя дальше на юго-восток, Дежнев впервые обстоятельно обследовал Курильские острова (хотя ранее они были замечены экспедицией казака Наседкина). Дальневосточные границы Московского царства, таким образом, были очерчены и в дальневосточных морях. В 1664 году в Москве казак Дежнев за заслуги перед Отечеством был пожалован чином казачьего атамана Якутского Войска.

Владимир Васильевич Атласов (в некоторых источниках — Обласов) родился в Сибири около 1661—-1664 гг. Но известно точно, что в 1682 году он поступил на службу в Якутское казачье Войско и вскоре отправился на поиски новых земель. Словно скандинавский викинг или английский капер — его современник. В 1697 году флотилия кочей, имея на борту 120 казаков-мореходов, отправилась с тихоокеанского берега Евразийского континента на восток.

Колумб плыл на запад — на закат. Сибирский казак Атласов держал курс на восток — на восход. Вскоре казачья флотилия увидела на горизонте высокие вулканообразные дымящиеся конусы гор Камчатки. Гряда ее островов была присоединена к короне московского православного царя. А казак-мореход Атласов не только составил подробное описание островов Камчатского архипелага и Чукотского полуострова. Но и пересек Тихий океан и достиг берегов Японии! И Нового Света — Аляски — северной оконечности Американского континента.

В 1701 году Атласов в награду получил чин казачьего головы. И все.

Вышеуказанные факты, в общем-то, известны. Но мало проанализированы. Для европейских протестантов, прикормивших из рук горничной немецкого пастора русского царя — Петра I, заслуги казаков в дальневосточном мореплавании были еще горше южных флотилий. Героев морских сражений — донцов, запорожцев, терцев — можно было еще терпеть. Во-первых, пираты, а во-вторых, почти всегда действовали в закрытых морях. Лишь однажды флотилия запорожцев достигла Атлантики. Сибирские и якутские казаки плавали в открытых океанах — Северном Ледовитом и Тихом! Они не пиратствовали, а совершали географические открытия и научные описания новых земель. Они имели отличный опыт дальних океанских плаваний! Они освоили прибрежное плавание во льдах Арктики! Они пересекли Тихий океан и достигли Америки! Православные люди сами, без протестантских «учителей», доказали свою способность к океанскому мореплаванию.

Вот почему собутыльники «царя-реформатора» стремились заставить русских рабов забыть о своих национальных героях. Славу открывателя пролива между Азией и Америкой приписали иностранцу-протестанту Берингу, хотя тот и по-русски, на языке страны, которой служил, толком-то не мог объясняться. Но он был свой. А Дежнев и Попов были казаками, чужие, непокорные при «немецко-русском» дворе Российской империи.

Примеры походов Дежнева, Попова, Наседкина, Атласова не только безапелляционно доказывали то, что казаки — это морское сословие! Но и на оценку Петра I как на основателя флота оказывали воздействие, как огонь костра на Снегурочку. Стоят такие «снегурочки» — памятники Петру I, как основателю русского флота, по всей Руси. Но стоит только вспомнить о казаках-мореходах XVII века — в Тихом, Атлантическом, Северном Ледовитом океанах... О казачьих боевых флотилиях в Азовском, Черном и Каспийском морях... О масштабе казачьего судостроения и морской торговли со странами Запада и Востока...

И «потечет вранье» о полуграмотном царе Петре. И растает миф о «реформаторе», сотворенный его хозяевами-протестантами, как сказочная Снегурочка. Только грязная лужа и останется.

ЧАСТЬ II
ВЕК XVIII - РЯДОМ С РЕГУЛЯРНЫМ ИМПЕРАТОРСКИМ ФЛОТОМ

ГЛАВА 8
Петр I... Великий адмирал турецкого флота

В предыдущей главе ясно и убедительно показано, что задолго до того времени, как младший сын московского царя Алексея Михайловича «Тишайшего» нашел в сарае забытый ботик, его подданные по морям ходили давно. Морское дело знали, ценили и, если можно так сказать, любили. Морем пользовались не для «потехи», а для прибыльных коммерческих занятий. И в Азию, и в Европу ходили запросто, не через «окно», а обычным для всего человечества способом. Казачьи же флоты вообще пользовались «вратами» — устьями рек Днепр, Дон, Кубань, Терек, Яик и Волга. То, что молодой московский царь в 1695 году вдруг вздумал «рождать» русский флот в Азовском море, казалось удивительным для многих его современников. Тому подтверждением могут являться материалы из путевого журнала вице-адмирала Крюйса, опубликованные под общим названием «Первый поход на Азовское море» в VIII части «Записок Гидрографического Департамента» за 1850 год, издаваемых Морским министерством. Верный сподвижник государя так охарактеризовал это предприятие: «Его Императорское Величество объявил в начале сего году, что он с одною эскадрою кораблей вниз по Дону плыть и **з а б а в н о й** (выделено в тексте адмиралом Крюйсом. — Примеч. авт.) поход на Черное море предпринять изволит...» Может быть, голландец Крюйс еще плохо русский язык выучил, может, его записки так неаккуратно перевели позже, может быть, слово «забавной» в конце XVII века иное значение имело. Все может быть. Только в одном сомневаться нельзя: для определения серьезного дела иным словом воспользоваться можно. А забава, она и есть забава, игрушка, потеха — и только. Серьезным русским мореходам играть в морские игры царя было некогда. (По тем же запискам Крюйса, из пяти кораблей только один был под командой русского — «бомбардира Петра Михайлова». Остальными, в морской «Зарнице» московитов, играли иноземцы.) Для настоящей морской войны готовы были только казаки.

Это убедительно доказал первый азовский поход молодого царя Петра Алексеевича, когда он выступил из Воронежа в 1695 году. Донские казаки по первому

зову своего Войскового атамана — Фрола Минаева — снарядили для похода 1259 парусно-гребных стругов. С вооруженными и обученными экипажами и опытными флотскими начальниками. Ибо трудно себе представить, чтобы эта толпа судов двигалась хаотичной массой, без управления с флагмана.

У московского царя в тот год не было еще ничего: ни Адмиралтейств-коллегий, ни «кумпанств», ни иностранных морских советников... Он лишь с горящими от восторга глазами наблюдал за слаженными действиями казачьей флотилии и мечтал. О, если бы казаки смогли проникнуть в его мечты! Если бы гостеприимные и сильные хозяева донской земли смогли заглянуть лет на двадцать вперед... Они бы швырнули своего царственного гостя за борт, как некогда их атаман Разин — легендарную персидскую княжну. Донские казаки, принимая у себя московского царя Петра Романова, помнили рассказы своих дедов, которые помогали его деду — Михаилу Романову — быть избранным на царство в 1613 году. Их отцы, правда, иногда ссорились с его отцом, но всегда в конце концов мирились перед лицом общего врага — мусульман Турции и татарского Крыма. И на этот раз станичники видели в Петре лишь мощного союзника в войне с турками. Турецкий султан Магомет IV тоже.

Первая попытка казаков и московского войска, предпринятая в 1695 году, овладеть Азовом — провалилась. Весной 1696 года царь Петр засобирался в новый азовский поход. В начале мая в Черкасск стянулись более 64 000 пехотинцев Московии. К ним подошло подкрепление: 15 000 тысяч казаков-запорожцев во главе с походным атаманом Лизогубом. Донской атаман Фрол Минаев выставил 40 казачьих лодок с экипажами в 20 человек и еще 5000 казаков — «морской пехоты». Турецкие стратеги также спешили на помощь своему азовскому гарнизону. В середине мая на горизонте появились мачты эскадры султана: 13 боевых кораблей при 13 тунбасах (грузовых транспортных судах), груженных припасами для осажденного гарнизона.

18 мая 1696 года состоялся военный совет казачьих атаманов — донских и запорожских — и военачальников московского войска под председательством самого Петра. Царь выразил общее мнение — назавтра же решительно атаковать неприятельскую эскадру! Увы, его 9 галер с пехотинцами из полка Гордона не смогли преодолеть мелководье и выйти на большую воду Азовского моря. Через день в морской бой с турецкой эскадрой вступили лишь 40 казачьих лодок донцов. Будущий основатель российского регулярного флота лишь наблюдал сражение в подзорную трубу.

В «Истории Русского флота», изданной в Санкт-Петербурге в 1864 году под редакцией Ф. Ф. Весела-го, опубликовано «Письмо Государя к Генералиссимусу Ф. Ю. Ромодановскому о победе казаков над турецкими судами, с моря от Азова», датированное 31 мая 1696 года. Оно просто пышет восхищением удалью казаков в морском бою и жадной скрупулезностью в перечислении не им захваченных трофеев.

«*...А неприятель на море стоял, в 13 кораблях. И как те суда поравнялись против устья Калан-чинскогоимы, холопи твои, и казаки в лодках, прося у Бога милости, ударили на того неприятеля... те вышеописанные суда разбили, из которых 9 сожгли, 1 взяли, а остальные ушли к кораблям*. (13 грузовых судов с припасами для турецкого гарнизона подошли к одному из протоков Дона, впадающего в Азовское море, и были внезапно атакованы казачьими лодками из засады. После схватки три уцелевших тумбаса отошли под прикрытие своих кораблей. Но бой этим не окончился. — Примеч. авт.) *Те, видя, 11 ушли, один затопили сами, а один наши пожгли.* (Казаки продолжили бой и на больших глубинах: один турецкий боевой корабль взяли на абордаж и подожгли, один повредили так, что экипаж затопил его сам. — Примеч. авт.) *На тех тумбасах взято 29 языков, пороху 85 бочек, 300 бомбов, 500 гранат, 500 копей. Взято более всего сукон*», — с азартом интенданта пересчитывал трофеи царь. Правда, о том, как победители делили трофеи, он Ромодановскому не пишет. Не освещена эта деликатная тема и в трудах историков. А жаль.

Лишенные надежд на помощь извне турки в Азове все же держались. Более того,

совершали удачные вылазки, вводя в панику московских стрельцов. Захваченные пленные сообщили, что ожидается прибытие еще одной эскадры. И действительно, 14 июня на горизонте забелели паруса 6 турецких кораблей и 12 галер. Подрейфовав пару недель на горизонте, турецкий адмирал все же решился попытаться высадить десант в помощь осажденному гарнизону Азова. 28 июня 21 турецкое гребное судно, с четырехтысячным десантом, направилось к берегу... Видимо, командир десантной партии услышал и увидел признаки веселого азарта, вспыхнувшего на казачьих лодках, на которых стали спешно поднимать якоря, готовить весла на воду и разбирать оружие. Турки давно знали цену рандеву с «викингами южных морей». Поэтому, не став испытывать судьбу, командир десанта скомандовал развернуться и успел вернуться к кораблям раньше, чем его догнали казачьи лодки. Тут же турецкий адмирал приказал поднять все паруса, и, воспользовавшись попутным ветром, вся эскадра, к ярости и ужасу защитников крепости, скрылась за горизонтом. Дни Азова были сочтены. Правда, и на суше войска московского царя целиком зависели от казаков. 17 июля 1896 года отряд запорожских казаков во главе со своим атаманом Лизогубом и донцы с атаманом Минаевым ворвались на крепостную стену. Но русские полки их не поддержали. Этот приступ турки кое-как отбили, но и казаки не оставили окружного вала. Азов повис на волоске. На следующий день обозленные своими большими потерями казаки грозились взять город приступом и не щадить никого. Турецкий комендант догадался направить к московскому царю парламентера, и тот выговорил почетные условия капитуляции. На следующий день остатки турецкого гарнизона покинули город, взяв с собой семьи и имущество. К неописуемому разочарованию казаков.

20 июля 1696 года царские войска и казачьи победоносно вступили в покоренный Азов. Город-порт, город-крепость в очередной раз стал казачьим. Но на этот раз, впервые, уже частично и великорусским!

Победа была несомненная! Только почему-то первой победой русского флота историки считают бой в устье Невы, состоявшийся 7 мая (по старому стилю) 1703 года, между двумя шведскими небольшими судами, посланными своим адмиралом в разведку, и 30 гребными судами русских. Петр, лично ведя свои галеры в атаку, использовал тактику казачьего флота, увиденную им в Азовском море. Только на юге противник потерял два боевых корабля и 11 транспортных судов, груду боеприпасов, и эта морская победа завершилась стратегическим успехом — захватом военно-морской базы в Азовском море. А мелкая стычка на Неве — подловили два небольших судна-разведчика и ничего больше — вызвала у царя бурю восторга! Он даже повелел изготовить золотые и серебряные медали в память о той стычке с пафосной надписью — «Небывалое — бывает». Память будущего императора, видимо, совсем ослабла от чрезмерного употребления спиртного: «небывалое» — было на его глазах восемь лет назад. С гораздо большим успехом. Но медалей донским казакам — героям азовской победы — он не навешивал. А потребовал от них выделить ему землю у самого берега Дона, для строительства корабельной верфи. Чтобы из Азовского моря выйти уже в Черное.

31 июля 1696 года, спустя всего два месяца после азовской победы, его соратник — «именитый человек Строганов», выполняя царское поручение, послал грамоту Войсковому Донскому Атаману, в которой просил (пока просил) выделить для будущей верфи земельный участок. Атаман Фрол Минаев отвел было участок у берегов станицы Нашинской, но при условии согласия на то станичного атамана. Видимо, тот, посовещавшись со станичниками, наказ Войскового Атамана проигнорировал. Спустя ровно год — в 1697 году, Строганов вынужден был написать челобитную самому Петру, жалуясь на отказ со стороны станичного атамана — Андрея Власова.

Станице Нашинской так и не случилось войти в историю как «колыбель российского флота». Но этот факт — лишнее доказательство того, что в конце XVII века Донское Войско было фактически суверенным государством, не зависящим от воли московского царя. Можно ли было себе представить, чтобы царев наказ не исполнил не то что

деревенский староста (должность, близкая по функциям со станичным атаманом), а воевода или боярин где-нибудь в Подмосковье? Жил бы он ровно столько, сколько бы требовалось времени доволочь его до плахи. А тут станичный атаман послал куда подальше царя с его верфью и остался жив-здоров и - при своей должности. Значит, для гнева Петра он был недосягаем. Вольный донской казак не государев холоп.

Но это все будет позже. А осенью 1696 года Петр I помчался в Москву. Там, в белокаменной столице Руси, он добился от Боярской Думы финансирования строительства новых русских, неказачьих судов. Часть одной из фраз в тексте постановления Думы — «...морским судам быть» — стала легендарной. Поскольку дату того заседания стали считать датой рождения русского флота. (Который благополучно действовал на Балтике против шведов в XVI веке при Иване Грозном IV, и его уничтожение было одним из пунктов Столбовского мирного договора со шведами, заключенного дедом Петра I. Кстати, деревня Столбовка, где происходило подписание этого договора, была пограничной. Располагалась она на берегах Невы — на том месте, где сейчас находится торговый комплекс «Юбилейный». Напротив, через реку — была шведская пограничная деревушка. Сейчас там архитектурный комплекс знаменитого Смольного. И русские, точнее — новгородские и псковские, купцы спокойно вели торговлю — транзитом через шведский город Ниеншанц. На руинах которого в 1703 году Петр I решил возводить новую столицу. — Примеч. авт.).

Как бы там ни было — Петр Алексеевич Романов, окрыленный успехом, решил прочно укрепиться на берегах Азовского моря. Уже с лета 1696 года в трофейном Азове застучали плотничьи топоры — рубили фуркаты (название типа судов. — Примеч. авт.). К ужасу немногочисленных венецианских корабельных дел мастеров, на стройку новых судов шел сырой лес — чуть ли не вчера срубленный в тамбовских или воронежских лесах. К тому же рубили «по-русски»: тяп-ляп. А чего еще было требо- вать от судостроителей, которых привели сюда под вооруженным конвоем и которым вся эта царская потеха была горше редьки? Тем не менее новенькие, ароматно пахнущие свежим деревом фуркаты спустили на воду — на волны Дона. И погнали вверх по реке. Фарватера ее ни иностранные мастера, ни подневольные царские холопы, конечно, не знали... Донских же казаков спросить отчего-то не захотели.

Итогом того аварийного похода стала «Челобитная казацкого атамана и всего Войска Донского о присылке знающих людей для подъема затопша у Черкасского фурката, 1696 года августа 18-го». Адресована челобитная — «Великого Государя Его Царского Пресветлого Величества в Азове боярину Прозоровскому со товарищи, Донские Атаманы, казаки, Фрол Минаев и все Войско Донское челом бьют» (нет сомнений, что в глубине души казаки мечтали вручную набить «по челу» сему «боярину со товарищи». Ибо было за что!). Но текст документа сух и тактичен. «В нынешнем 7206 году (донцы упрямо пользовались старым, русским летосчислением. — Примеч. авт.) августа в день, по указу фуркаты спущены из Азова вверх рекою Доном и за мелями остановлены у нас в Черкасском. А одна фуркат не прошла мимо Черкасской и затонула средь реки, мы Войском тот фуркат выручали и тянули снасти... А спецов по подъему нет, пришли... а вспоможенье всякое от Войска будет, и о том о всем, бы вам учинить по указу Великого Государя». В переводе на современный язык, произошло следующее. Петровские мореходы, «не зная броду» — в данном случае фарватера, сунулись в воду. Прямо напротив столицы Донского Войска — Черкасска, их суда сели на мель, а одно вообще затонуло, перегородив всякое движение по реке. Донцы пытались выудить «утопленника» со дна сами, но, увы... Атаман потребовал у боярина Прозоровского специалистов по подъему судов — сами захламили нам реку, сами и чистите! А чтобы работа шла бойчее — рекомендовал азовскому наместнику его распоряжениям придать статус царского указа. Прозоровский, надо полагать, и сам соображал, что за перекрытие судоходства по Дону Петр его по головке не погладит. Хорошо еще не отрубит!

Уже 27 августа в распоряжение Донского Атамана из Азова пригнали под конвоем

10 солдат-гвардейцев: семеновцев и преображенцев — 289 рабочих. В сопроводительной грамоте боярину Федору Хрущеву Прозоровский наказывал: «...а водяной ход (то есть речной фарватер) донские казаки знают и всему Войску Донскому указ послан о вспоможе-нии».

Трудно сказать, какими специалистами по судоподъему были солдаты-гвардейцы, но конвоирами они оказались никудышными. Через месяц из всей рабочей команды, из 289 рабочих, на месте аварии осталась лишь дюжина. Остальные разбежались по станицам Войска Донского.

Переписка между Азовом и Черкасском продолжалась. Еще русский регулярный флот не одержал своей первой победы, но его военно-морская бюрократия уже сражалась вовсю. Осень наступила. Холодно стало. Злополучный фуркат продолжал гнить на дне, все более напоминая собой сказочную репку, которую тянут-потянут... Боярин Прозоровский новую партию «специалистов по судоподъему» уже направлять боялся — вновь разбегутся. Решил, что все как-нибудь само собой образуется. Либо фуркат на дне сам сгниет, благо из сырого дерева рублен, либо разобьет его весенний ледоход. На все Божья воля! Но была еще и воля донских казаков. Они не стали ожидать сказочной мышки, а, помучившись, вытянули тот несчастный фуркат сами. 11 ноября 1696 года боярину Прозоровскому вручили грамоту от Атамана Донского Войска Минаева. Вождь казаков не скрывал иронии относительно волокиты бюрократов молодого русского флота: «Ей удивля-емся вашему делу! Будет неприятелям смех пуще». И далее сообщил, что казаки сами, без помощи из Азова, подняли затонувшее судно. Станичники плескались в холодной ноябрьской воде три дня по сто человек ежедневно. И подняли. Атаман язвительно приглашал убедиться в успехе своих ребятушек: «...Войску не верите, а то пишете нам письма, прикажите кому из дьяков приехать».

Тут уж Войску поверили в Азове! Так поверили, так поверили, что прислали в Черкасск повеление: казакам самим очистить Дон «от мешающих судоходству явлений». Убрать, то есть срыть, все мели, вытащить коряги со дна, укрепить берега. Для того выделить 450 донцов — недорослей, то есть юношей. В помощь им (или в конвой?) направили 299 стрельцов царских. Повеление азовского «боярина со товарищи» донцов поразило еще более, чем переписка по поводу затонувшего фурката. Чистить Дон предписывали на зиму глядя, силами бесплатного (уж обратное бы от историков не ускользнуло) тяжелейшего труда казачьей молодежи. Парней согнали на работы, но вскоре они разбежались по домам. А конвой — стрельцы — вместе с ними. Сколько успели до этого вытащить коряг — осталось загадкой.

А новые суда в Азове: струги, фуркаты, галеры, корабли, галиот — царские холопы продолжали рубить с упорством мифического Сизифа. Под открытым небом, в холоде, в голоде, болея и умирая. Сходство результатов труда этого легендарного страдальца с итогами азовской судостроительной программы выражалось в том, что только что от-строенные корабли некому было содержать. И не на что. Любое судно экипажа требует, ежедневного ухода за кораблем. Деревянный корабль не законсервируешь. А экипаж регулярно что-то еще есть должен. На чьи-то деньги. А на чьи? Следует добавить, что порт и верфи в Азове целиком зависели от снабжения по Дону, который, во-первых, был еще мало судоходен, а во-вторых, находился во владении Донского Войска. С юга же плескалось море, в любой день на его горизонте могла появиться турецкая эскадра. С явно не дружественным визитом.

В апреле 1699 года вернувшийся из длительной заграничной поездки царь инспектировал азовский флот. Флаги развевались над мачтами 10 кораблей, двух галер и галиота. На них кое-как наскребли экипажи и средства на содержание. А что было делать с рядом свеженьких стругов? Петр I нашел оригинальный выход из положения. Придал стругам статус царского подарка. От которого рискованно отказаться. Для почина Петр дарит один струг самому себе. Записав его за «бомбардиром Петром Михайловым». Два струга получил верный друг — Алексашка Ментиков. Еще двумя осчастливлен боярин

Головин. Наделенными собственными стругами оказались тогда аристократы, которым не повезло настолько, что плавающие приобретения пришлось содержать за счет родовых вотчин. Судовладельцами поневоле стали: князь Львов, князь Долгоруков, князь Урусов, князь Голицын, Ромодановский... Но покорные аристократы «кончились», а бесхозные струги еще нет. Тогда их начали дарить донским казакам. Историческая запись гласит: «...апреля 29-го дня отдан струг крытый легкой станицы Атаману Семену Скосырскому со товарищами». На следующий день — 30 апреля, целых три струга всучили донским казакам зимовой станицы. История умалчивает — удалось ли царю завершить весеннюю раздачу стругов до 1 мая, или еще оставались?

Умолчала она и о том, почему стругами не были награждены сами жители Азова? Ответ есть. Еще в январе 1698 года царь повелел переселить в побежденный турецкий город 403 семьи — 2746 человек обоего полу. Кто переселенцы — наверное, донские казаки, которые воевали с турками за Азов почти сто лет? Нет. «Новые азовцы» — это жители сухопутной, континентальной Руси. Морскими жителями их сделали подневольно. Более того, царь повелел всем им обязательно учиться морскому делу. Обязательно, как кофей пить по утрам. В качестве учебных пособий, помимо уже отстроенных и страшно «дефицитных» стругов, в Азов, по царскому указу, привели еще 30 судов, 28 карбузов и сагу. У кого сухопутные переселенцы должны учиться морскому делу, наверняка у казаков донских низовых станиц, знающих Азовское море, как собственный курень? Петр I и тут прогрессивен. Из Архангельска он «выписал» кормщика-помора Ивашку Молота — «учить азовских жителей на реках и морях». И за то, что бе-ломорец учил «азовцев» плаванию по Дону и Азовскому морю, он из казны получил «10 денег (вероятно, копеек) в день». Даже поклонник царя и историк русского флота Ф. Ф. Веселаго был вынужден прокомментировать этот «мудрый шаг»: «Степень успеха этого обучения неизвестна». Ошибся тогда великий историк. Она стала известна спустя 12 лет, но об этом позже.

И опять же, когда в 1699 году Петр отправился с посольством в Константинополь, его корабль сопровождал в переходе по Черному морю эскорт казачьих судов с экипажами в 500 моряков, под флагом атамана-адмирала Минаева. Но «бомбардир Петр Михайлов» его чином адмирала так и не жалует, а казаков в свой флот не приглашает.

Итак, к 1700 году Петр Великий совершил на юге большое дело. Позволил настроить в Азове кораблей из некачественного сырья с нарушением судостроительных технологий. О финансовом и продовольственном обеспечении судостроителей и экипажей для этих кораблей — не позаботился. Экипажи повелел учить из сухопутных жителей моряку, абсолютно не знакомому с мореходными условиями, в которых происходит процесс обучения. Подвоз припасов в порт и крепость Азов по Дону затруднен. Условия службы и труда в Азове таковы, что люди бегут оттуда при любой возможности. К природным мореходам и корабелам этих мест — к донским казакам, петровские сподвижники обращаются лишь в случае острой нужды и в оскорбительной форме. А главное — на строящийся флот служить не зовут.

О Петре I еще будет написано ниже. Но вышеперечисленные факты и указанные документы говорят сами за себя. Человека, который совершает неподготовленные действия, не продумывая их ближайших последствий даже при строительстве личной дачи, разумным хозяином не назовут. Московский царь по такому «методу» строил в России военно-морской флот — и назван «Великим».

Но о службе в азовском регулярном русском флоте. Первые русские, не иностранные, матросы появились на нем только в 1 700 году. 540 новобранцев рекрутского набора из Москвы «забрили» не в драгуны, не в гвардию, а на флот. Многие из них море видели первый раз в жизни. И тяги к флотской службе не испытывали никакой. А порядки в петровском флоте были не то что жесткие, а просто садистские. Морской Устав Петра I насчитывал 63 статьи, представляя собой помесь английского и

голландского. В нем многие проступки нижних чинов карались смертью. Но были и другие: заковка в кандалы, прибиение гвоздем руки к мачте, протаскивание под килем корабля, отсечение руки. На всех флотах мира того времени правила были суровые. У тех же донских казаков за обнаруженную в морском походе бутылку спиртного хозяина вина швыряли вместе с ней за борт.

Но везде на флот шли служить добровольно. Да, гребцами на галеры сажали военнопленных, осужденных преступников, рабов... А матросов набирали по контракту. Могли подписать у пьяного, у обманутого, у поставленного в безвыходное положение. Но формально принцип добровольности соблюдался. И донские и запорожские казаки шли в морские походы по охоте. Атаманские «гвардейцы» никого за ногу из куреня не тянули и прикладами на а палубу не подталкивали.

В регулярный русский флот крестьянского парня из континентальной Руси записывали в матросы «по царской воле». Его держали впроголодь, его укачивало на волнах, он почти не понимал слов команд иноземных офицеров... Тогда его секли батогами, заковывали в кандалы, могли прибить руку к мачте. Ясно дело, вольные казаки идти в такой флот не желали даже под страхом смертной казни. А русские матросы бежали с кораблей при первой возможности. Кстати, из первой партии матросов, пригнанных в Азов из Москвы, через два года никого в строю не осталось. Кто помер, не выдержав тягот «службы», кто сбежал. Не рвались служить в петровский флот и иностранные офицеры и матросы. Последних даже воровали с английских судов, как на Кавказе Невест. Английский посланник не раз вручал московским дипломатам ноты протеста по этому поводу. И как-то плохо верится, что с «завербованными» таким методом англичанами обращались намного лучше, чем с русскими матросами. Я Мало было и офицеров. В письме к царю от 8 июля 2 1702 года генерал-адмирал Апраксин, описывая состояние дел в азовском флоте, горевал: «Зело оскудение в офицерах». И это при том, что иноземцы при Петре (и позже) были в России на привилегированном положении. В Европе быстро разнеслась молва о порядках, бытовавших в Московии. Так, в 1711 году срочно понадобились судостроительные мастера, как раз в Азовский флот. Откуда взять? Как раз из северной Германии, для работы на русских верфях в Ревеле, приехали 6 мастеров. Как немцев ни уговаривали поехать на юг — немцы не соглашались изменить условия контракта. Тогда их без слов скрутили, связали и под конвоем довезли до Азова. Стройте, дескать, суда здесь! А ведь немцы не были ни подданными московского царя, ни военными. Просто иностранные мирные корабельные мастера. Но с ними обошлись, как с рабами. И такие примеры были не редкостью. Впрочем, от этих жертв произвола и имен не осталось. Адмирал Корнелиус Крюйс, можно сказать, жизнь положил на создание флота Петра I. Но вот в 1713 году уже на Балтике, в разгар боя с шведскими кораблями, два русских судна, ловя парусами ветер и уклоняясь от ядер шведских канониров, сели на мель. Остались целы, и причина ошибки рулевого и командира простительна — шел бой. Но ярость царя была безумна — командовавшего отрядом русских судов адмирала Крюйса судили военно-морским судом и приговорили к смертной казни. Казнь заменили на ссылку в Казань. Не спасли никакие прежние заслуги, между прочим, иностранного дворянина и подданного. Если даже такой именитый человек не был защищен от бешенства Петра, то на какую объективность мог рассчитывать рядовой офицер или корабельных дел мастер? Так что специалист из любой страны тысячу раз думал, прежде чем принять приглашение вербовщика из Московии.

При всем при этом Петр I, что называется, «в упор» не замечал военно-морских качеств донского казачества, а оно вновь и вновь спасало Азовский флот. В январе 1701 года генерал-адмирал Апраксин запросил подкрепления, ввиду ожидавшегося нападения турецкого флота. К русскому гарнизону быстро подошли более 10 тысяч донских казаков — дивизия морской пехоты. 23 июня 1701 года Апраксин прибыл в Таганрог, где строился русский регулярный флот. Для морской разведки не был годен ни один корабль. Пришлось опять обращаться к казакам — только донские лодки ушли в дозор в Кер-

ченский пролив. Казаки вернулись с добычей — захватили турецкое военно-транспортное судно и 15 пленных.

Даже иностранцы, служившие в русском флоте, начали понимать бессмысленность и странность «морской политики» царя в Азовском море. Адмирал Крюйс — лучший из петровских адмиралов, уже в 1702 году писал царю, что на юге надобно строить не глубокосидящие морские суда, а перенять опыт казачьего плоскодонного судостроения. Азовское море мелкое, в нем изобилие мелей и «банок» — разумнее и эффективнее ограничиться постройкой пока хоть дюжины казачьих судов с экипажами из казаков. Неизвестно, как и что ответил ему царь Петр. Но несомненно, что он не внял рекомендациям профессионала. Ибо писал ему с юга не только Крюйс.

Из Воронежа в письме от 2 декабря 1701 года верный Апраксин с тревогой сообщал о планах запорожских казаков и других недругов России: «Хан крымский и Белогородская орда и запорожские казаки согласились и трактаты свои установили, что как реки утвердятся (т. е. замерзнут) и им собравшись, идти на малороссийские и великорусские города. Прошу орудия и солдат, а казацких солдат (т. е. донцов-пехотинцев) всего 900 человек с ружьями». («Белогородская орда» ничего не имеет общего с местом современного города Белгорода. «Белым городом» называли постройки татарского городка, расположенного в Ахтиарской бухте в Крыму. Во второй половине XVIII века там будет заложен город Севастополь. Здания несколько веков возводились из белого камня, за что главную базу русского Черноморского флота до 1941 года долго называли «белым чудом Крыма». Пока немецкие самолеты авиабомбами не развеяли это «чудо» в пыль. Так что древние «аборигены Севастополя», крымские татары, тревожили Петра I. — Примеч. авт.) Причем запорожские казаки — еще недавно помогавшие царю Петру штурмовать Азов, с этой ордой легко сговорились напасть на русские города. Кстати, Украина с точки зрения «официальной истории» уже давно «присоединена» к Руси. А в том же месяце — 25 декабря 1701 года, уже из Москвы шлет письмо-предостережение царю другой корреспондент. «...Крымские татары соединяются с запорожскими казаками и белогородская орда не будет долго откладывать. Иноземные морские офицеры и матросы разъехались. **Украинские** (выделено мною. — Примеч. авт.) и запорожские казаки, донские же не расположены, а калмыки не годны для защиты Таганрога и Азова» — эти строки из письма Петру I принадлежат перу Отто Антона Плейера. Это не импортный сподвижник московского царя, а резидент австрийского двора в Москве. Иностранный дипломат отлично знает не только, что такое «Белогородская орда» и ее опасность, но и разницу между запорожскими и украинскими казаками. Понятно, что турецкий султан и крымский хан,, объединенные мусульманством и общей ненавистью к России, легко нашли общий язык. Украинские и запорожские казаки — христиане, но они также готовы напасть на русские порты в Азовском море. А холодность донцов к своему недавнему союзнику — Петру, очевидна даже австрийскому дипломату в Москве.

Царь Петр Алексеевич появился у Азовского моря впервые всего шесть лет назад. Строить регулярный военный флот. Его гостеприимно встретили донские казаки и согласились помочь — запорожские. Каковы же итоги «первой пятилетки» его преобразований?

С верными и храбрыми союзниками против мусульман — запорожскими и донскими казаками — рассорился. Так, что одни напасть готовы, а вторые защищать не хотят. Из его флота разбегаются уже не только собственные рабы-холопы, но и привилегированные иностранцы. Ни один русский корабль азовской эскадры выйти в море не способен. Все начальные «плюсы» растеряны. Зато приобретены новые «минусы». А самое главное — вожделенный регулярный флот «плавает» только в бумагах военно-морской бюрократии.

О восстании Походного Атамана Донского казачества — Кондратия Булавина

написаны тома. О причинах выступления казаков написано тоже много. Первой называют ту, что московский царь потребовал от казаков отречься от старинного закона — «С Дону выдачи нет!» А когда станичники отказались выдать беглых — направил карательные войска. Историки и до 1917 года и после называли действия казаков атамана Булавина — «бунтом». Смысл этого определения в том, что «бунт», дескать, событие было якобы сугубо внутриполитическое для царства Петра I.

Как-то «забылось», что царь Петр, прибыв на Дон, застал там казачью республику с выборным Атаманом — «президентом» — Фролом Минаевым. Он стал верным союзником царя против Турции, и поэтому суверенитет Донского Войска еще терпели. К тому же вопрос — укрепится ли Москва в Приазовье или нет — нельзя было считать решенным. Когда Минаев скончался — будущий первый император посчитал побережье Азовского моря частью Московского царства, а население Дона — своими подданными. Петр I фактически произвел «аншлюс» республики Донских казаков, так же, как весной 1938 года поступил Гитлер с Австрией. Сочтя территорию Войска Донского своей вотчиной, царь Петр направил туда «внутренние войска». Походный Атаман с частью казаков не согласились с насильственным «изменением своего гражданства». (Еще меньшая часть «булавинцев» — староверов-«некрасовцев» ушла в Турцию и отказалась вернуться даже тогда, когда вернулись запорожцы.) Но большая часть казачества, учитывая этническое родство и единство с православной Русью, смирилась с утратой Донским Войском суверенитета. Казаки за «присоединение к России» отдали более 20 тысяч жизней казненных уже после разгрома булавинской армии. Сколько станичников погибло в ходе боев с московскими войсками — точно не определено, сколько было среди павших и казненных бывалых мореходов, составлявших цвет казачьего флота, — об этом никто никогда даже не задумывался.

Разгромив шведского короля, уничтожив суверенитет донских и запорожских казаков, Петр уже спокойнее оценивал рекомендации адмирала Крюйса относительно особенностей создания азовской флотилии. И в январе 1710 года отдал распоряжение построить в Таганроге сначала 35, а потом еще 50 судов по казачьему образцу. В июне 1711 года в этот порт прибыл генерал-адмирал Апраксин. Русский регулярный флот по-прежнему не блистал. Зато были готовы к походу и к бою сто казачьих лодок, каждая с экипажем станичников в 50 человек. Кстати, в самом слове «лодка», которое историки использовали для классификации казачьих судов, слышится пренебрежение. Возникает образ какого-то остроносого корыта, на котором если куда-то и можно заплыть, так это на середину речушки, чтобы окунуть удочки. С трудом верится, что на такой лодке можно было пересечь Азовское и Черное моря, дойти до Царьграда, Трапезунда и Си-нопа и брать на абордаж морские корабли.

Между тем экипаж такой лодки составлял 50 человек: гребцов, рулевых, управляющих парусом и абордажную команду. Помимо весел эти лодки имели паруса. В качестве вооружения на носу и корме были установлены легкие орудия — фальконеты. А главное, эти суда имели отличные мореходные качества, были способны действовать на реке и преодолевать большие морские пространства. То есть казачьи лодки донцов не уступали по своим тактико-техническим характеристикам средним судам не только петровского, но и турецкого флота. Когда летом 1711 года адмиралы Апраксин и Крюйс объявили мобилизацию донских моряков, то получили сотню таких лодок, каждая с экипажем в 50 человек. Получается, что без всяких ужасов и насилия, переселения и найма иностранных инструкторов в русский флот прибыло пять тысяч подготовленных военных моряков со своими офицерами. Они хорошо понимали друг друга, хорошо знали условия плавания в этих водах и давно ненавидели турок. Под Андреевским флагом в бухтах Азова и Таганрога стояло 4 корабля и 12 галер. Их экипажи в степени выучки и боеспособности значительно уступали казакам. А вскоре это подтвердилось в бою.

Любой военный флот строят в первую очередь для того, чтобы обезопасить собственное побережье от нападения внешнего противника с моря. И если при наличии

собственного флота эскадра неприятеля спокойно неделями дрейфует в прибрежных водах, а затем беспрепятственно производит высадку морского десанта, то что-то не так... Либо свой адмирал — изменник, либо весь флот годен только на дрова...

Именно это и произошло с русским азовским флотом в июле 1711 года. Адмирал Апраксин был вынужден отправить в дозор в Керченский пролив казачьи лодки — корабли регулярного петровского флота для этого отчего-то не годились. Наверное, могли утонуть. Казачий морской дозор вернулся с трофеями и с пленными. Они сообщили, что турецкая эскадра рядом. И действительно, 19 июля на горизонте замегили чужие паруса. Силы противника были внушительные: 18 кораблей, 14 галер и десятки транспортных судов сопровождения. Адмирал Крюйс, фактически командовавший русскими силами, понял, что его малочисленный, каторжный по личному составу и некачественной постройки флот выводить на бой — самоубийство. Прошло три недели. Турецкий адмирал терпеливо ждал для боя петровский флот. Тот храбро не выходил. Лишь казачьи лодки атаковали и захватили неосторожно отделившееся от эскадры турецкое судно. Тщетно казаки убеждали Апраксина приказать атаковать турецкие корабли ночью всей казачьей флотилией в 100 судов при поддержке всего петровского флота. Адмирал Крюйс поддержал генерал-адмирала. Грамотный профессионал, он знал истинную цену, декоративно-представительскую, подчиненного ему флота. Где уж с ним в ночной бой ввязываться?!

Уставший ждать турецкий адмирал направил 7 галер в направлении Таганрога. Вероятно, выманить русские суда из гавани. И действительно, навстречу им вышел русский корабль и три синявы (тип мелких судов. — Примеч. авт.). Но едва галеры развернулись форштевнями в сторону своего флота, развернулись к спасительной гавани и русские моряки. Ничья. Через три дня турецкий адмирал, понявший, что воевать в море русский флот отказывается наотрез, решил атаковать сам. 22 июля, бросив якоря в четырех милях от берега, турецкие корабли начали высадку морского десанта на побережье. Ни один русский корабль не вышел помешать высадке десанта!

Воевать моряки флота Петра Великого умели хорошо только на суше. Полторы тысячи казаков и два пехотных батальона гарнизона Таганрога взяли турецкую морскую пехоту на штыки и сабли. Десант был отбит, точнее, был вынужден сесть обратно в шлюпки и отгрести к своим судам. И опять же, во время этой десантной неразберихи, когда экипажи турецких кораблей стояли на якоре и были заняты приемом на борт десантников, адмирал Крюйс не решился атаковать. Видно, не верил в качество своего же флота!

Опомнившийся турецкий флот, сосчитав потери в десанте, вскоре ушел от побережья. Повторять попытку десанта не было сил, а на то, чтобы выманить русских на бой в открытом море, — надежды уже не было.

Комментируя боевые действия в Азовском море, донской казачий генерал Н. И. Краснов удрученно писал в своей статье «Казачий флот»: «Вместо сильных наступательных действий древнего казачьего флота Апраксин со своей эскадрой ограничивался оборонительными мерами».

Впрочем, и Апраксин и Крюйс отлично понимали, что выйти с такими кораблями и с такими экипажами, которые были у них в подчинении, на бой с турками — акт коллективного самоубийства. Если бы к фиаско сухопутного «Прутского похода» добавился разгром Азовского флота и падение Азова и Таганрога... Положение Петра 1 ухудшилось бы несомненно... Надо отдать должное петровским сподвижникам. Явно проигрышную ситуацию они свели к положительной ничьей. Это была еще не победа, но и не поражение. Азов и Таганрог готовы были защищать и дальше, но 11 августа 1711 года генерал Павлов вручил Апраксину царский указ, который Петр подписал, сидя в «прутской мышеловке». Указ о капитуляции. Все морские суда, которые к тому времени были уже на верфях или в порту, предписывалось продать туркам. Или сжечь. Азов царь приказывал вернуть туркам в таком виде, в каком отбили у них в 1696 году.

Подводя итоги боевой деятельности флота донских казаков, сражавшегося бок о бок с регулярным петровским флотом, можно подвести неутешительные для последнего итоги. Практически весь урон, понесенный турками, можно отнести к заслугам казаков. Они проводили морскую разведку и несли дозорную службу, смело нападали на турецкие корабли в абордажном бою. Сожгли и потопили 14 турецких судов и кораблей, захватили три корабля, повредили два. «Петровский» флот выступал исключительно в виде «группы поддержки» со стороны. Его итогом были лишь, по сути, сухопутные операции по штурму Азова и обороне берега от морского десанта. И то вместе с казаками. Скудны данные об именах донцов — героев морских боев. Но по праву адмиралами можно назвать Войскового Атамана Фрола Минаева, Походного Атамана Поздеева и офицером флота — станичного Атамана Семена Скосырского.

Турки, отлично знавшие цену кораблям петровского флота, покупать этот «брак» в Азове категорически отказались. А в дровах мусульмане не нуждались. Уведенные от морского побережья суда «толпились» в нижнем течении Дона, затрудняя плавание даже рыбакам. В декабре 1714 года донцы подали прошение о выводе брошенных судов из протоки, которая омывала их столицу Черкасск. Она обмелела и загрязнилась от долгой стоянки гниющих там кораблей. Спустя два года пришел ответ. Точнее, разрешение на их слом. Регулярный Азовский глубокосидящий флот официально стал тем, чем он на самом деле и был — дровами.

Зато Петр I раз и навсегда убил флот донских казаков. Спустя полвека знаменитый русский адмирал Сенявин предпринял Донскую экспедицию, стал создавать то, что было разрушено «основателем российского флота». Но без казаков — давних противников турок на морях. В своих письмах из крепости Святого Дмитрия Ростовского (ныне город Ростов-на-Дону) графу Чернышеву адмирал Сенявин лишь дважды упоминает о донских казаках. О казаке Дрючине. подсказывавшем морякам Екатерины II фарватер Дона, и о Войсковом Атамане Иловайском. Адмирал Сенявин очень корректно просил указать места постройки новых судоверфей. Причем так, чтобы это ни в малейшей степени не приносило неудобств казакам.

Великие люди совершают великие ошибки. Король Карл XII пошел в гибельный поход на Украину, император Наполеон Бонапарт двинулся на Москву... «Прутский поход» русского царя Петра I можно отнести к той же категории походов. Что называется, бес попутал. Бывает.

Но и итоги деятельности русских и донских казаков в Азовском море в период с 1695 по 1711 год вызывают горестный вздох. Этот период можно назвать эпохой упущенных возможностей. На верфях Азова и Таганрога загублены тысячи жизней подневольных судостроителей, тысячи кубометров отменного строевого леса, растрачены тысячи рублей государственного бюджета.

История знает немало примеров, когда правители обескровливали и разоряли свои страны и народы без какого-либо положительного результата. Тот же соперник Петра — шведский король Карл XII. Но гаведам повезло — нашелся один меткий стрелок, загнавший в голову сумасшедшего монарха пулю и спасший тем самым Швецию. Швеции — повезло. России — нет. Не нашла пуля хмельную башку Петра ни у Азова, ни под Нарвой или Полтавой, ни на берегах реки Прут... А жаль.

Зато появление московского царя на берегах Азовского моря принесло еще невиданный успех Турции. Основателя Российской империи можно назвать самым вьщающимся другом турецкого султана, его самым результативным флотоводцем. Действительно, после Петра более чем полвека турки спокойно жили в Черном и Азовском морях, забыв о набегах казачьих флотов. А столица — Стамбул, уже никогда больше не видела парусов вражеских казачьих эскадр. Ни один турецкий паша за 150 лет не сделал

этого и не смог бы сделать.

Для того чтобы в этом убедиться, следует на час заткнуть уши от шаманских заклинаний типа: «Петр Великий — основатель российского флота и боролся за выход России к морям» и закрыть ладонью ту часть географической карты конца XVII века, на которой нанесена Московия. Взглянуть на синие «кляксы» Азовского, Каспийского и Черного морей и подумать. Свободно от «штампов» в сознании и спокойно.

Минимум с середины века XVI эти моря являлись «внутренними озерами» мусульманского мира: турецкого султана, персидского шаха, кавказских мюридов. Все, абсолютно все южное побережье нынешних христианских государств — Болгарии, Румынии, Украины, России и Грузии — тогда было территорией, подконтрольной Турции. И вот в эти «соленые озера», словно из «пресноводных шлангов»: из Днепра, Дона, Терека и Волги, вливались флотилии православных казаков — донцов, запорожцев, терцев, яицких (уральцев). На протяжении века они дрались за три внутренних моря. Даже прорывались в Средиземное и Мраморное моря и доходили до Северной Атлантики — до Дюнкерка. Не раз атаковывали турецкую столицу и появлялись у южных берегов Каспия. У казаков имелись свои адмиралы и капитаны кораблей, свои штурманы и комендоры. Имелись свои судостроительные и судоремонтные верфи, свой торговый и военный флот. Словом, сложилась своя вековая морская культура.

А что сделал Петр I? Декларировать можно что угодно, но, как сказано в Библии, по делам, как по плодам, узнаете их... Как так получилось, что царь, якобы борясь за выход России к морю, в итоге избавил турок от угрозы русского и казачьего флота лет на пятьдесят? Запорожских казаков либо казнил, либо они убежали служить той же Турции. Донских казаков также перевешал, а главное, так запечатал им выход в Азовское море, что туркам и не снилось. В свой флот казаков не привлек. (Среди учеников основанной им Морской академии есть кто утодно, но нет ни одного казацкого сына. И действительно, чему им было у иностранцев учиться?) Строить морские суда донцы после него перестали. Охоту к морскому делу7 «основатель русского флота» отбил у них навсегда. Когда в 1907 году историки Донского Войска стали составлять биографический сборник выдающихся донцов XIX века, среди них не нашлось ни одного военно-морского деятеля. А сколько их было в веке XVII?

Турецкие адмиралы о таком стратегическом успехе даже не мечтали, хотя боролись с казаками более века. Петр I справился с ними за 20 лет. Ну, чем не турецкий адмирал?!

Все эти выводы кажутся парадоксальными, пока не вспоминается о том, что предшествовало эпохе Петра I в мире и каков царь был в частной жизни.

На протяжении всего XVII века бушевали религиозные войны: католики бились с протестантами за земли в колониях и в Европе. Московская Русь, вольные казачьи республики запорожцев и донцов прекрасно и много общались с Западом. Старшая сестра Петра I Софья, его брат Иван не препятствовали контактам московитов с европейцами. Если уж так хотели, то и бороды брили, и платье иноземное носили. Но не голландское, а польское. Польша — это католический Запад. Го;шандия и Англия — союзники молодого Петра — протестантский Запад.

Геополитическое сближение Московского царства и казачьих республик с католическим Западом, учитывая богатейшие сырьевые ресурсы России, для протестантов грозило катастрофическими последствиями. И они «поставили» на царевича Петра! Итог известен. Флот и морская торговля, основа прогресса того времени, руками царя были отданы под полный контроль протестантов, перешедших на русскую службу. Русский и казачий, допетровского, а точнее, допротестантского периода, флоты сначала уничтожались физически, а потом из памяти последующих поколений. Потом сквозь зубы цедилось: да, дескать, плавало что-то, но все это было несерьезно... А вот с 1696 года настоящий процесс пошел! Поскольку протестантский Запад в начале XVIII века

внутренние, южные моря не интересовали, товары можно было возить Средиземным морем, используя прикрытие мощного турецкого флота, — руками странного самодержца их отдали Турции. Ликвидировав казачий флот раз и навсегда! Да что там казачий... Запорожцы до Петра добивались от турецкого султана подписания выгоднейших договоров, регламентирующих морскую торговлю. После Петра I плавание русских судов в Черном и Азовском морях было прекращено на несколько десятилетий. С 1711 года вся морская торговля в этих морях велась исключительно под ту-рецким флагом. Причем турецкие корабли доходили уже до самой Сечи! Спокойно и без страха. Могли ли об этом мечтать турецкие султаны, не будь Петра I? Хочешь — не хочешь, а подумаешь, что был царь-батюшка Петр Алексеевич агентом английской, голландской и турецкой разведок вместе взятых. Агентом, вредителем и диверсантом. Если судить по итогам его деятельности, а не по декларациям потомков.

Вторая причина противоречивых итогов «преобразований» реформатора заключается в его персональных особенностях. Даже самые восторженные биографы самодержца, описывая характер и нравы своего кумира, становятся тактичны и немногословны, как врачи-венерологи. Петр I страдал явной психической неустойчивостью. То ли генетическая наследственность была тяжелая, то ли стресс, полученный в ранней юности, не излечили, но лицо его искажал нервный тик, а в ярость он впадал мгновенно и себя не контролировал. Кроме того, проявлял склонность к садизму (это еще очень мягко сказано). К методичной, усидчивой работе мысли был неспособен, плохо прогнозировал последствия своих действий. Все это усугублялось алкоголизмом. В этом уже все историки едины (шила в мешке не утаишь) — Петр Великий пил много и часто. И заставлял пьянствовать своих сподвижников и даже иностранных послов.

А ведь не мог алкоголик и психопат быть деятельным и продуктивным государственным деятелем и флотоводцем! Не мог по состоянию здоровья! Так же, как Робин Гуд (точнее, его исторический прототип) не мог быть близоруким по зрению.

Практически все начинания Петра, если они были начинаниями, а не переделкой уже существующего «на протестантский манер», остались на бумаге. Да, возможно, он искренне считал, что делает правильно и хорошо, а его не понимают. Не понимали соотечественники, зато ловко им, легко внушаемым и пьющим человеком, управляли из Амстердама и Лондона.

Петр Великий — велик по масштабам бедствий, которые навлек на Россию своим правлением как психопат и алкоголик (это не оскорбление, а диагноз) на троне.

На юге единственное, что ему удалось совершить, — это уничтожить казачий православный флот. К удовлетворению своих протестантских друзей и к радости мусульманских врагов.

Немка на троне, Екатерина, поставила в Санкт-Петербурге Петру памятник — «Медный всадник».

Незадолго до этого события в городе случилось страшное наводнение. Словно сама природа, сам Господь карал город за святотатство. Скульптор изваял царя, почти повторив иконописный образ Святого Георгия Победоносца. Даже поверженный змей вьется под копытами коня. Но карающей пики в руке царя-антихриста нет, а голова его повернута лицом к Неве. На волнах ее хлынул в православную Россию протестантский Запад.

И до 1917 года, и после потомки подвешенных по приказу царя за ребра и на дыбу, внуки и правнуки замученных непосильным и бессмысленным трудом в невских болотах, казненных на Дону и в Запорожской Сечи — начнут ставить во многих городах памятники палачу своих предков. Презирая и топча память близких, творя страшный грех. А вот в Турции, которой «Медный всадник» принес столько благ, памятника русскому царю пока нет. Ни одного. Несправедливы турки к царю — освободителю их морей от казачьего флота.

У Петра I, как у государственного деятеля, боровшегося за выход Московии к теплым морям, отвоевывая их у турецкого султана, толпы защитников и поклонников. Но

справедливая оценка трудов московского царя на этом поприще может быть после ответов на четыре «почему».

1. Почему Петр I, замыслив создавать русские регулярные ВМС в Азовском море, формировал экипажи из насильно призванных на флот сухопутных московитов, а не привлекал донских казаков — опытных мореходов и давних недругов Турции?

2. Почему Петр I, испытывая хронический дефицит морских офицеров, не жаловал чинами офицеров флота донских казаков — имевших давний и блестящий опыт морских побед над турецким флотом?

3. Почему Петр I полностью исключил развитие русского судостроения на уже имевшихся давным-давно судоверфях запорожских и малороссийских казаков и почти не использовал судостроительный опыт донских казаков, если они были его подданными?

4. Почему так получилось, что в результате политики Петра I в бассейне Азовского и Черного морей Турция оказалась защищенной от морских набегов запорожских и донских казаков более чем на 50 лет?

ГЛАВА 9
Черноморское казачье Войско

С расширением границ Московии пришел конец и Запорожскому казачьему Войску. Европейские и русские современники Петра I, например тот же австрийский дипломат Плейер, отлично понимали разницу между запорожскими и украинскими казаками. Видимо, очень давней была эта разница. (Трудно объяснить какими-то случайными причинами сходство в форме причесок у дружинников древнеславянского князя-язычника Святослава, у него самого, с «оселедцем» на бритой голове, и у бывалых запорожцев. — Примеч. авт.). Ни для кого также не была удивительной «мореходность» Запорожского казачества.

Из материалов первой главы ясно, почему турецкий султан боялся их не менее, чем кары Аллаха и пророка его Магомета. Раньше на разбои казаков из Константинополя слали жалобы отцу Петра I. И вновь, едва получив возможность напрямую общаться с русскими дипломатами, султан тут же «взял быка за рога». Итогом визита петровского посольства в Константинополь было подписание 3 июля 1700 года трактата между Московским царством и Турцией, статьей 18-й которого запорожским казакам высказывалось: «...запрещение своевольным казакам выходить с чайками и с суды военными в Черное море». Трудно сказать, узнали ли запорожские атаманы и старшины об этой статье трактата, зато точно известно, что исполнять ее они не собирались. В конце концов, они трактата с Турцией не подписывали. А на обращение султана ответили искренним и дружным письмом (текст во второй главе данной книги. — Примеч. авт.), процесс изготовления оного изображен на знаменитой картине потомка чугуевских казаков — Репина. Думается, что только почтение к царю православной Московии удержало их от направления Петру I письма с аналогичным содержанием.

«Присоединение» Украины к Руси Переяславской Радой вызывало и вызывает сильные сомнения у украинских, европейских и американских историков. Но даже если и считать военно-политический союз гетмана Хмельницкого с московским царем против католической Польши — присоединением, запорожцы и этому союзу не подчинялись. Ив 1701 году, сговорившись с украинскими казаками и белогородской ордой, собирались пограбить великорусские города. Ничуть, видимо, не смущаясь историческим значением «Переяславской Рады».

В 1709 году Петр I Запорожскую Сечь приказал «закрыть», срыть все крепости запорожцев. За «измену» гетмана Мазепы. «Измена» в кавычках потому, что амбициозный гетман просто сменил внешнеполитическую ориентацию Украины — с московской на шведскую. И проиграл. Этому событию придали статус внутриполитического конфликта, обозвав «изменой». Надо отметить, что явное про-

тиворечие логике собственных заключений не видят историки, описывающие «бунт». Во всех учебниках сказано, что лишь незначительная горстка запорожских казаков пошла за Мазепой на союз со шведским королем. Если пошло немного, а основная масса осталась «верна» России, зачем тогда уничтожать Сечь совсем? Зачем лишать Московию верных союзников против Турции — запорожцев? Или никакого «присоединения» при гетмане Хмельницком не было, а произошло оно насильно при Петре? И возмущение казаков «аншлюсом» Украины к Московии и привело к тому, что вся Запорожская Сечь стала враждебной московскому царю.

Либо как раз большинство казаков пошло за Мазепой из-за того, что Петр стал в одностороннем порядке нарушать условия, оговоренные Переяславской Радой с его отцом. Но так или иначе, а сели уцелевшие запорожцы в лодки, закурили люльки и поплыли на поклон к врагу — турецкому султану.

Но уже через десять лет после кончины первого Российского императора казаками была создана так называемая Новая Сечь. Окончательное примирение с Российской империей произошло в 1742 году. На время запорожцев оставили в покое, в Петербурге было не до них. Да угораздило государя Петра III так неудачно жениться.

В столице Российской империи произошли очередные катаклизмы, в результате которых на трон уселась новая иностранка, новая Екатерина — Вторая. Одной рукой она поманила казачью элиту для переговоров в Санкт-Петербург. Другой — одновременно направила против новой Запорожской Сечи армию, под началом сербского генерала Теккели. «Закрыть» вольницу славян второй раз. Солдатские штыки готовы были покончить с вольным духом казаков. Но запорожцы были мореходами. Воинские части русской армии окружили Сечь с трех сторон. Только со стороны реки заслона не было. Сели ночью запорожцы в свои лодки и поплыли на юг, махнув белым парусом удрученному екатерининскому полководцу. Лишь часть запорожцев покорно опустила седые чубы перед властью чужеземной. Другая, ценя волю дороже веры, поклонилась своему недавнему врагу — турецкому султану. Представитель Аллаха на земле очень приветливо обошелся с незваными гостями. Были им выделены земли для поселения в низовьях Дуная. Надо сказать, что эти запорожцы на первых порах верно служили Стамбулу. Во время очередной русско-турецкой войны сражались не только с русскими солдатами, но и с казаками, признавшими власть русского трона.

Правда, только одну войну. Рубить и резать недавних товарищей дольше — не позволила совесть. (О тех запорожцах, которые до XIX века остались в Турции и позже послужили кадрами для образования еще одного морского казачьего войска — Азовского, — ниже. — Примеч. авт.)

А на милой Украине, казалось, больше никогда не будут звучать казачьи песни, выветрился, как дым от костров в казачьих куренях, вольный запорожский дух. А в волнах Черного моря больше не будут белеть паруса запорожских «чаек» — спокоен и глубок станет сон турок. Последний атаман Запорожской Сечи — П. Калнишевский (фамилия явно польская, как и Хмельницкий) был сослан на Соловки, где и скончался в 1803 году в возрасте 112 лет.

Лишь в песнях осталась надежда казаков на то, что воскреснет когда-нибудь Войско!

Наступав чорна хмара,
Дрибонь дощик с неба,
Зруйновали Запорожье,
Буде колись треба.

В переводе на русский в этой песне поется о том, что черные тучи заволокли небо, дребезжит уныло дождик с неба, сровняли Запорожье, но, может быть, когда-нибудь оно вновь понадобится.

И сбылось все как в песне! Фаворитом Российской императрицы, а по слухам, и тайным супругом, был князь Потемкин-Таврический. Но «светлейший» не с рождения был князем. В дальней юности знали его, еще в Старой Сечи, заправским казаком-запорожцем под именем Грицька Нечосы. Обосновавшись в покоях невских дворцов, он не забыл про запорожскую удаль и силу. Поначалу он задумал сформировать из оставшихся в Приднепровье казаков два пикинерных полка. Но поток запорожцев в турецкий город Дорогобуж — за Дунай, под власть фески султана, стал неудержимым. Казаки не хотели становиться пикинерами. Тем не менее сильно запахло новой войной с Турцией. И опять понадобились казаки.

1 (12) июля 1773 года князь Потемкин-Таврический написал прокламацию на имя бывшего полкового старшины Запорожского Войска Антона Головатого, в которой фактически реабилитировал Войско: «Объявляю через сие из пребывающих в Азовской губернии, Славянской и Елизаветской провинции жителей, кои в бывшем Войске Запорожском служили, что полковому старшине и армии капитану Головатому Антону препоручено от меня приглашать из них охотников к служению в казачьем звании под моим предводительством. Число сих казаков простираться будет конных до 500 и пеших и на лодках то же число, которым определяется довольное жалованье и пропитание». Многие казачьи командиры и рядовые казаки, кто не прижился в тесной, но мирной жизни, — потянулись в команды реабилитированного Войска. Более 1 2 тысяч не захотели вернуться к боевой жизни. Сам Головатый, без сомнений, имел весомый авторитет среди казачьей «верхушки», так как в короткий срок сумел привлечь к формированию нового Войска видных казачьих офицеров: есаула Сидора Белого. Логина Мещанского, Ломака Легкоступа, полковника Чапига (одновременно бывшего предводителем Херсонского дворянства), Колпака, Ивана Высочи-на, Андрея Белого, полкового старшину Тимковского... В новообразованном Войске, что требуется отметить, было положено начало и морским командам. И многие из прибывших запорожцев отличились в морских сражениях, добыли казачеству морскую славу и сами приняли смерть на волнах...

В 1788 году Екатерина II путешествовала по землям, которые преподнес ее короне Потемкин-Таврический, «ее светлейший». Видимо, Грицько Нечоса (то бишь Потемкин) шепнул нужное слово казакам в нужное время. В Кременчуге, где остановилась царица, Антон Головатый, Сидор Белый с группой именитых казаков были приняты ею. Нет, не царские черевички просили они на ножки своих казачек. А убеждали, что раз не ушли они за Дунай к туркам, то хотят верно служить ей. Но только казаками! Должно быть, царице понравилось их простодушие, она не отказала им в просьбе. Правда, Потемкин упорно порывался претворить в жизнь стародавний план — перевоспитать казаков в военные волонтерные команды. Волонтерные команды он создал. Но всего за пять месяцев — с 20 августа 1778 года по 31 января 1779-го — «волонтерные команды» как-то сами собой превратились в новое казачье войско.

Первым кошевым атаманом его был избран Сидор Игнатьевич Белый. К этому времени был он уже в летах. Немало походов и сражений прошел он, начав службу рядовым казаком и достигнув положения есаула. В Турцию, после разгона Сечи, он не ушел. Не по годам ему уже было скитаться по чужбине. Семья — дочь — Мария, четыре сына — Николай, Василий, Тимофей и Александр — заставляла остепениться. Надо отметить, что казачьих начальников при роспуске Запорожской Сечи не обидели. Все они получили чины армейских офицеров, земли и положение в обществе. Тот же Белый стал предводителем дворянства Екатеринославской губернии и секунд-майором армии. Можно было пожинать лавры и внучат нянчить. Но, видно, не сиделось старому запорожну в хате возле старухи-жены. Тянуло в бой, в поход. И принял он призыв запорожцев — взял атаманскую булаву. Да еще из чьих рук!

Сам А. В. Суворов 27 февраля (10 марта) 1788 года доставил ему Царскую Грамоту о пожаловании Войску земель, вручил первое Войсковое Знамя с вышитой звездой ордена Андрея Первозванного. Вдобавок еще булаву кошевого атамана и знамена для куреней. 13

(24) мая 1788 года князь Потемкин с Высочайшего Соизволения направил из города Елисаветграда признак юридического признания новорожденного Войска — войсковую печать. Отныне и сам Светлейший, и иные царские вельможи, и военачальники, писали и обращались в адрес канцелярии Сидора Белого только так: «Войска верных казаков Кошевому Атаману господину подполковнику, старшинам и всему Войску».

Земля для штаб-квартиры и Коша для Войска была предоставлена в урочище Василькове. Несмотря на то что знамя ему вручал полководец Суворов, а казачьи вожди имели чины армейских офицеров, Войско получило морское название — Черноморское. До 1788 года на землях восточных славян было только два по названию речных казачьих войска — Донское и Запорожское (за порогами реки Днепр). Отныне не только географически (земли его буквально омывали морские волны), но и исторически появилось военно-морское казачье Войско. Вписавшее в морскую историю казачества красочные страницы боевой славы.

Очередная война с Турцией для запорожцев, уже в качестве казаков Черноморского Войска, началась 20 мая 1789 года. В тот по-летнему теплый и солнечный день шла служба в казачьем храме. Неожиданно с моря прихожане услышали гром орудийной и ружейной пальбы. В днепровском лимане, напротив устья реки Буг, увидели, как три турецких фрегата, пять ботов и еще пять малых судов увлеченно преследуют три казачьих судна. Как позже выяснилось, на морскую охоту выплыл давний обидчик казаков Гассан-Капудан-Паша. Турки догоняли, казаки изо всех сил налегали на весла и отстреливались. Один из ружейных выстрелов был на редкость точным. Турецкий бот неожиданно взорвался, окутавшись огнем и дымом. Вероятно, пуля попала в крюйт-камеру или в бочку с порохом. Преследователи отстали.

Но не от казачьего берега. Гассан-Капудан-Паша, пользуясь превосходством в крупнокалиберной бортовой артиллерии, на следующий день с 4 до 11 часов обстреливал поселение черноморских казаков. Особенно стараясь попасть в казачьи суда. Но мелководье не позволяло его кораблям подойти на дистанцию прицельного огня, так что канониры в фесках только зря жгли порох. Но желание потопить казачьи «чайки» было столь велико, что турецкий адмирал увлекся и один из его фрегатов сел на мель. Вот тут уж казаки-черноморцы расхватали ружья, как голодные дети ложки. Тщетно турецкие моряки пытались стащить фрегат с «банки». Меткие казачьи пули с лодок не давали вести спасательные работы. А турецкие комендоры были бессильны — их ядра безвредно проносились высоко над головами черноморцев. Учитывая, что турецкие корабли вторые сутки вели частую стрельбу, боезапас на них подходил к концу. В конце концов Гассан-Капудан-Паша, видимо, плюнул и, подобрав уцелевших с несчастного фрегата, приказал зажечь свой же корабль. Вскоре его корабли исчезли за горизонтом. А черноморцы сосчитали потери и оценили удачу. За два дня войны уничтожили два турецких судна. Потери казаков — несколько легкораненых.

На следующий день пришел вызов от самого графа Суворова. Он требовал к Кинбурнской косе три казачьи лодки с экипажами. Еще 15 лодок были направлены в распоряжение австрийского принца Нассау-Зигена, союзника российской императрицы в войне с Турцией. К Суворову отправилось 120 казаков с войсковым полковником Саввой Белым. К австрийскому принцу — два полковника: Иван Су-хин и Левко Малый, с 684 черноморцами. А еще через несколько дней в устье Буга к нему прибыл и сам кошевой атаман Антон Головатый со всей казачьей флотилией.

Гассан-Капудан-Паша не заставил себя долго ждать. Уже 1 июня в короткой морской схватке он отплатил казакам за потерю двух кораблей. У черноморцев был убит один куренной атаман и еще восемь рядовых казаков. Четыре лодки их были сильно повреждены огнем с турецких кораблей. 3 июня командующий регулярными силами русского Черноморского флота утверждал диспозицию перед сражением с турецким флотом у Очакова. Казачья флотилия в бою 6 июня была в первой линии.

Каждый казак, пыхтевшей в той ночи перед боем своей «люлькой», понимал, что завтрашний бой — это испытание всему Черноморскому Войску. От того, как он будет завтра драться, зависит и будущее казачьей флотилии, и вера императрицы в надобность возрождения Запорожского Войска. И пусть называлось оно уже по-другому, много было среди героев сражений у Очакова тех, кто воспитывался в духе вольной Сечи. И кто не смел осрамить ее память и ее славу.

О том, как бились казаки, доложили «приписному» запорожцу — Потемкину. Князь в спокойном восхищении 7 июня 1789 года отписал в адрес кошевого атамана черноморцев — Сидору Игнатьевичу Белому и всему Черноморскому Войску хвалебный рескрипт: «Всякий опыт ревностного Вашего к службе Ее Императорского Величества, всякий подвиг, означающий Вашу неустрашимость, производит во мне истинное удовольствие. И как, теперь чувствуя оное в полной мере, услышав о храбрых Ваших деяниях во вчерашнем сражении, сего я ожидал от Вас, и Вы совершенно оправдали мои заключения о людях верою православную и любовью к Отечеству привязанных. Я объявляю Вам всем мою благодарность и не премину о заслугах Ваших засвидетельствовать перед монаршим престолом». Новоявленный запорожец Грицько Нечоса, будучи светлейшим князем Потемкиным, рисковал навлечь на себя гнев императрицы в случае, если бы перерожденное в «Черноморское» Запорожское Войско не оправдало бы себя в бою. Тем более, если бы «новые запорожцы», сражаясь на стороне русской царицы, проявили колебание, встретясь в битве со «старыми запорожцами» — перешедшими на службу турецкому султану. Но все обошлось.

Турки не оставляли надежд исправить положение и вернуть господство в водах Черного моря. 16 июня Гассан-Паша вновь подвел свои корабли к Очакову. Стая казачьих лодок бесстрашно атаковала трехпалубные многопушечные корабли... Неравный бой продолжался несколько часов. Техническое превосходство турецкого флота сказалось и здесь. Потери казаков были горькими. 235 черноморцев, успевших взобраться на палубы турецких кораблей, попали в плен. Был убит один полковой есаул и 14 казаков. Потоплена одна лодка. Но самой тяжелой потерей было смертельное ранение первого кошевого атамана Черноморского казачьего Войска — Сидора Игнатьевича Белого. Первого настоящего адмирала казачьего флота! На следующий день он скончался на руках своих верных казаков. Но только самые близкие соратники были рядом, когда закрыл он глаза. Большая часть черноморцев преследовала отступающий турецкий флот.

Преемником погибшего атамана гребной флотилии стал майор Захарий Алексеевич Чепега. Вообще-то «Чепега» — это прозвище, а настоящие имя и фамилия «адмирала запорожского флота» — Хорько Кулиш. (Пройдя все войны и походы, он доживал свой век в курене у дубовой рощицы близ новообразованного Екатеринодара. Его пытался женить сам Потемкин. Но с 24 лет служа в казаках, ценя превыше всего волю, саблю, трубку, усы и чуб, он остался непоколебимо холост. Так до самой смерти и не женился. Сколько об этом ни заговаривал с ним сам Потемкин. И сколько об этом ни просили его родные дети. Невысокого роста, широкоплечий, малограмотный — Чепега-Кулиш, будучи образцом атамана запорожцев, скончался на кубанской земле 1 5 января 1797 года.)

1 июля он вновь повел черноморцев в бой. И опять турки отогнаны с большими потерями. Урон черноморцев: убит 1 куренной атаман и еще 5 ранены. Четыре лодки повреждены. Кошевой атаман — Захарий Чепега, командир гребной флотилии, стал первым черноморским казаком, которому сам князь Потемкин за морское сражение вручил золотую саблю.

Теперь уже без казаков никто и не мыслил сражаться на море! 21 июля Потемкин потребовал в свое распоряжение половину всей казачьей флотилии. 1 8 лодок с экипажами ушли к нему под командой войскового судьи — Головатого. Вторая половина — под вымпелом войскового полковника Мония Гулика, прибыла в распоряжение австрийского принца Нассау.

Колоритны были моряки гребной флотилии, но еще более колоритным был ее командир. Биография начальника запорожцев, Георгиевского кавалера Российской империи — австрийского принца Карла Нассау-Зигена напоминала приключенческий роман. С 15 лет служил волонтером (добровольцем) во французской армии. Затем был участником первой в истории французского флота кругосветной экспедиции капитана Бугенвиля, ставшей первой в истории науки экспедицией, организованной исключительно ради научных целей. Побывав во многих морях планеты, закрутив роман с королевой туземцев Таити, вернулся во Францию, бывшую ему родиной. Дрался на дуэлях из-за прекрасных француженок, но ни разу не был даже ранен. В королевскую канцелярию представил проект образования нового французского царства (именно так, а не заурядной колонии) в Южной Африке. Увы. Неудавшийся южноафриканский царь отправился воевать за испанского короля... В Гибралтарском проливе командовал только что поступившими на вооружение плавучими батареями. Дрался, как всегда, храбро, за что король Испании удостоил его титулом гранда I класса, а французский — чином генерал-майора. Поскольку его фамильные земли находились в Австрии, родственники наложили на них свою руку, денег было мало, Одолеваемый кредиторами красавец генерал был весь в долгах, поэтому пришлось рассчитаться свободой — то есть жениться на богатой вдове польского магната и князя. Мог бы жить тихо в богатстве и писать мемуары Но принцу было скучно, его героическая душа искала применение своим талантам. Он одолевал польских аристократов проектами создания транспортно-экономического пути по реке Днестр. Составил карту реки и план проведения гидрографических работ... Уставшие от инициатив нового «польского гражданина» магнаты сплавили его утрясать проблемы с российским двором. Так принц Нассау-Зиген познакомился с запорожским казаком, ставшим князем Потемкиным... Больше всех от этого знакомства пострадали турки. А запорожские казаки Черноморского Войска получили начальника гребной флотилии под стать себе. Нет сомнений, что нравы и обычаи казаков пришлись по душе такому человеку, как принц. Атаман бы из него вышел хоть куда! Запорожец-князь Потемкин обещал царице: «Он у меня на Черном море будет второй Суворов!» И Нассау стал похожим на легендарного генералиссимуса.

Наступила осень, но сражения за Черное море не прекращались. Группа судов Головатого совершила блистательную десантную операцию на остров Бе-резань, который защищал сильный турецкий гарпией зон. Трофеями черноморцев стали: 320 пленных, 23 2 орудия, 150 бочек пороха, 1000 ядер и 2300 четвертей хлеба и несколько знамен. Потери казаков: погиб 1 войсковой старшина, 4 куренных атамана и 24 рядовых казака. Потемкин, отлично зная законы запорожцев, предложил выкупить трофейные знамена. Победители уважили своего патрона и уступили ему их недорого — по 20 целковых за поверженную воинскую честь мусульман.

Осенью 1790 года каждый мыслящий человек в Европе, в России и в Турции, оценивавший ход битвы за Черное море, ожидал известий от штаб-квартиры Суворова, которому «светлейший» поручил взять крепость Измаил. Она считалась неприступной. Суворова уже тогда называли — «непобедимым».

О штурме Измаила написаны тома. Только почти всегда это событие представлено как исключительно сухопутная военная операция. Мало кто знает, что перед тем, как суворовские чудо-богатыри полезли на отвесные стены бастионов, несколько ранее разыгралось сражение между русским и турецким флотом. Ну, а какое морское «дело» могло уже обойтись без черноморских казаков? (Правда, еще до того, как прийти на помощь пехотинцам Суворова, в сентябре 1790 года они переплыли Черное море и разгромили турецкую крепость-город Бол-град. А в октябре, на 47 лодках, со стороны реки Днестр, дважды штурмовали крепость Бендер.)

Вернувшись из похода на Бендеры, атаман-адмирал Головатый получил приказ — вести свою гребную флотилию из Черного моря в Дунай. К середине ноября он соединился с гребной флотилией русского регулярного флота под командой генерала де

Рибаса (будущего основателя Одессы. — Примеч. авт.}.

Крепость Измаил прикрывала с Дуная и снабжала с моря многочисленная флотилия боевых и транспортных судов. Имея ее рядом, комендант крепости был связан с Турцией, как новорожденный пуповиной с родной матерью. «Отрезать» ее, лишить крепость связи и помощи извне мог только флот. Без победы над турецкими моряками суворовские пехотинцы не могли рассчитывать на победу на стенах крепости.

Важность предстоящего подчеркивал и Иосиф Михайлович де Рибас. 19 ноября, в канун сражения, атаман-адмирал Головатый получил из его рук личный брейд-вымпел командира эскадры. «Чтобы столь почетный командирский знак служил вождю храбрых **моряков-черноморцев на казачьей флотилии** (выделено мною. — Примеч. авт.) честью и славою!» — напутствовал де Рибас.

А на следующий день — честью и славой морские казаки покрыли свой первый брейд-вымпел. («**Рапорт генерал-майора де Рибаса, князю Потемкину, перед Измаилом 1790 года 4 декабря**».) «В 10 часов при ружейных выстрелах под сильным пушечным огнем показалась под парусами колонна из 12 лаксонов (типы судов. — Примеч. авт.) и всей флотилии полковника Головатого, под дождем картечи и ружейных выстрелов. Открыли казаки огонь по городу. Бомба (турецкая. — Примеч. авт) попала в лансон № 14, погибли все, кроме 8 человек В 12 часов казачьи лодки, продолжая свой сильный огонь пушечный и ружейный, с помощью Божией, предприняли путь свой храбрый к левому флангу города, потопив и сжегши неприятельских 4 лансона и 17 транспортных судов. Слава сей экспедиции тем важнее, что сии храбрые казаки бросались с судов на неприятельский берег, поразили множество варваров, дошли до батареи, что на левом фланге, новидя, что бежали на них со всех сторон, принуждены были отступить обратно на лодки. Сей поступок сделал великий страх в городе. Погибло казаков 31, ранено — 198. Потоплено 6 запорожских судов (де Рибас в официальном донесении Потемкину называет так суда казаков черноморских. По-старому. — Примеч. авт.) У турок потоплено: 19 лансонов, 32 транспорта, более 40 паромов.

23 ноября была пушечная канонада — 4 лодки запорожцев сожжено. У турок потоплено: одна 3-мачтовая шания (тип судна. — Примеч. авт.), 27 лансонов, 38 транспортов, 40 паромов. Потери: 10 лодок запорожских» — де Рибас не скрывает ожесточение боя, не умаляет заслуг казаков в сравнении с чинами регулярного флота. Отмечает, что еще до начала генерального штурма твердыни они пытались прорваться на редуты. «Всех нижних чинов, как на флотилии стоящих, так же черноморских казаков на лодках, не оставьте милостивым воздаянием» — просил генерал Потемкина в завершение своего рапорта.

В итоге 20 ноября 1790 года гребцы флотилии де Рибаса и казаки потопили более сотни больших и малых турецких судов. Семь морских кораблей сожгли, 18-пушечный фрегат подорвали брандскугелем. Моряки атамана-адмирала Головатого пустили на дно более 90 различных турецких судов. Своих потеряли — 16.

Тщетно встревоженный комендант Измаила пытался в подзорную трубу разглядеть на следующий день хоть один свой корабль. Вокруг трепетали флаги только на мачтах русских и казачьих галер. Путь в Измаил был очищен.

В непосредственном штурме Измаила казаки-черноморцы также участвовали (их коллеги-донцы сражались уже только в сухопутных войсках). Их гребная флотилия атаковала крепость со стороны Дуная в две линии. В первой — 100 казачьих лодок. Под огнем с бастионов черноморцы высадили десант и, как кошки, полезли по стенам.

Российская империя достойно оценила верность и храбрость запорожцев, ставших черноморцами. Атаман-адмирал Чепега, за речную победу под Измаилом, был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса, атаман Антон Головатый — орденом Святого Георгия 4-го класса, войсковой есаул Сутыка и войсковой писарь Котляревский — пожалованы за храбрость чином полковника. Офицерскими чинами, только, увы, армии, а

не флота, были награждены 500 черноморских казаков. Все — и рядовые, и командиры, были награждены серебряными и золотыми медалями с чеканной надписью — «За отменную храбрость при взятии Измаила 11.12.1790 года».

Всего под Измаилом, и в ноябрьском речном сражении, и в декабрьском крепостном, черноморские казаки потеряли убитыми 160 и ранеными 345 человек.

В покоренной крепости они оставили охранную команду в 18 лодок с экипажами и убыли на зимние квартиры. Так для Черноморского казачьего Войска закончился 1790 год.

Зима в Причерноморье куцая, короток был и отдых казаков. Уже 20 марта 1791 года 2000 черноморцев вошли с моря в Дунай и высадили десант у города Браилов. Потрепали турок с минимальными для себя потерями: 6 убито и 1б ранено. Вернулись с почетными трофеями — захватив, помимо всего прочего, 4 турецких знамени.

Видимо, сам князь Потемкин, периодически покупая у черноморцев трофейные знамена, обратил внимание на то, что у самих героев собственных знамен-то не густо. Помимо Войскового — врученного лично Суворовым, и брейд-вымпела от де Рибаса — ничего. Светлейший вскоре преподнес им знамя от своего имени. Оно было огромным и атласно-белым, с тонким рисунком. Так что еще издали никто не сомневался, от чьего имени вручено. Но вдохновленный Грицько Нечоса не ограничился этим. 21 апреля и 26 мая 1791 года в ставку морских казаков Черноморья — в Слободзю, привезли еще два знамени. Голубого цвета — под цвет летней морской волны Черного моря.

Видимо, князь похвастался царице о своих подарках своим казакам, заодно расписав их верность и подвиги. Потому как поток наград хлынул на героев Измаила как из рога изобилия. 30 июня из самого Санкт-Петербурга доставили истинно царские подарки. Войску Черноморскому Большое белое знамя от императрицы, серебряные трубы и золотые блюдо и солонку. За морские и речные победы кошевому атаману — адмиралу гребных флотилий Захарию Чепеге вручили от Екатерины II золотую саблю, украшенную алмазами (клинок обыкновенный, но эфес покрыт золотом и усеян брильянтами. — Примеч. авт.). Это было уже второе наградное оружие, полученное им за службу России на море.

Границы земель Черноморского Войска определили по берегу моря от устья Буга до Днестра. Казалось, будут вновь казаки хозяевами завоеванного ими моря. Они уже готовили к новому походу на Фалч 51 лодку с экипажем и яхту. 25 августа 1792 года перешли морем на Тамань, обследовав полуостров. Но случилось горе — умер покровитель и защитник их, князь Потемкин-Таврический. Еще при жизни его земляки-запорожцы славили своего любимца и гордились им.

И мощной княжеской рукой,
Взмахнув гетманской булавой,
Пути к славе указал,
Богатство, славу, милость дал!

Многие черноморцы и слова такого в жизни не слышали, как «поэзия», но эти стихи в честь Потемкина «читали сердцем». Скорбные песни пели они, узнав о кончине своего гетмана. Будущее Черноморского Войска стало смутным, как осенний туман. И стало еще тягостнее и мрачнее в Слободзе-Руф. Мрачное предчувствие не обмануло. Вскоре, по воле Санкт-Петербурга, пришлось им покинуть родные берега, которые снились им, ради которых они ушли от вольной жизни у турецкого султана.

По царской воле — Указом от 30 июня 1792 года, были черноморцы переселены южнее и суше — в Прикубанье. Переселились, кстати, казаки морем. 16 августа они отчалили от привычных берегов, а уже 25-го их лодки (под командованием полковника Белого — одного из сыновей первого атамана черноморцев) бросили якоря у берета

Тамани. Положив начало истории Кубанского казачьего войска. (5 октября 1911 года на том памятном месте, в кубанской станице Таманской, был открыт памятный обелиск с надписью: «Первым Запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 179'2 года». Сохранился ли этот памятный знак к началу века XXI — неизвестно.) В составе Кубанского казачьего Войска 38 станиц «сохранили» названия давних запорожских поселений и появилась станица — Березанская, в честь и в память об удачном морском десанте на черноморский остров Березань. В 1792 году был основан город Екатеринодар (дар Екатерины), ставший столицей Кубанского казачьего Войска — исторического преемника Запорожского.

А последний выборный Атаман запорожцев, ставших Черноморским казачьим Войском, Антон Андреевич Головатый, истинно боевой адмирал, продолжил свою морскую службу и после того, как привел гребную флотилию в Тамань. Иначе и быть не могло, ибо только ради романтики походной жизни оставил юный бурсак Киевской Духовной Академии нудное правоведение.

Его дядя — кошевой судья, мечтал увидеть и племянника юристом. Но тот ночью украл лодку и поплыл с приятелями к запорожцам. Его приняли и записали казаком в Кощевский курень (к которому был приписан и казак Гринько Нечоса, ставший князем Потемкиным-Таврическим). Через пять лет бывший бурсак-недоучка уже полковой старшина и войсковой писарь. Последняя должность означала не заведующего канцелярией, а должность начальника штаба всего Запорожского Войска. Видимо, неудавшийся юрист оказался отличным флотоводцем. 16 июня 1788 года приятель молодого Нечосы (Потемкина) — Головатый, командуя гребной флотилией, разгромил турецкий флот в Днестровском лимане.

После переселения черноморцев на Кубань его пригласили в столицу Российской империи. Екатерине Великой он в Санкт-Петербурге понравился (неизвестно, дали ли они с государыней повод поревновать князю Грицько). Обходительный, статный казак-запорожец пришелся ко двору в прямом и переносном смысле. Современники отметили удивительный для запорожского казака грамотный русский язык. Впрочем, надо отметить, что Антон Андреевич Головатый, казачий адмирал, был и казачьим интеллектуалом. Помимо русского и малороссийского, он хорошо владел польским, татарским (в крымском варианте) и турецким языками. Был знаком с классиками античной эпохи. «Недаром ты учил Цицерона, — хвалил его беседу с императрицей Потемкин. — Своим красноречием ты совершенно очаровал ее». Несмотря на приветливость, с которой его принимали в бело-голубом дворце Царского Села, Головатый тосковал по югу, по теплым морям, по походам и сражениям. Получив из рук императрицы золотую саблю и орден Святого Владимира 3-й степени в качестве награды за морские победы над турками в Черном море, он был назначен на Каспий.

Кстати, любопытнейший факт. Запорожцам Екатерина II вручила знамя, на котором был вышит рисунок их морского корабля. И это была не привычная легкая «чайка» с одной мачтой и без палубы. Придворные вышивальщицы изобразили корабль запорожцев трехмачтовым, трехпалубным. На котором, по штату того времени, обычно размещалось до 250 матросов при 10 офицерах. То ли царица хотела показать — каким она видит будущий флот черноморских казаков, то ли на таких кораблях запорожцы одерживали победы в Черном море. Сейчас можно только гадать (впрочем, все же эта вышивка изображала не корабль казаков, а один из их турецких трофеев).

21 июня 1796 года адмирал Головатый снарядил флотилию казаков и вышел из Астрахани. Дойдя до Баку, он разбил флот персидского шаха, взял приступом несколько прибрежных городов и освободил много христианских невольников.

За свои победы был пожалован чином бригадира (что-то среднее между полковником и генералом) и назначен Начальником Каспийской военной флотилии.

Головатый — герой многих морских сражений, гроза турецкого и персидского флотов, приняв адмиральскую должность по праву, погиб не в морском бою. Кавалер золотого оружия и высших орденов Российской империи, полученных за морские победы, умер от горячки (так называли грипп). Его предшественник на посту командующего Каспийской флотилии контр-адмирал Федоров скончался от той же хвори. Климат в северном Каспии почти такой же, как и в Санкт-Петербурге. Высокий уровень влажности, свирепые холодные ветры зимой... Люди болели и мерли, как мухи. Головатый скончался, можно сказать, в море — на острове Камише-вань, 29 января 1797 года. Это был последний выборный атаман Черноморского Войска. После него были только наказные.

•

С марта 1801 года в Российской империи правил новый царь — Александр I. Разбираясь с «хозяйством», он поручил Военному министерству определить порядок использования Черноморского казачьего Войска. Видимо, ведомственная принадлежность членов Государственной Военной Коллегии решила судьбу черноморцев в пользу сухопутной службы. Возможно, составляй проект адмиралы Морского ведомства — судьба была бы иной.

11 ноября 1802 года военный министр Вязмитинов направил царю на утверждение проект «Положения о Черноморском казачьем Войске». В нем, надо сказать, честно описывалось прошлое и будущее Войска.

«Войско сие, существовавшее под именем Запорожских казаков, получило настоящее бытие свое в начале последней с турками войны, покойным Генерал-Фельдмаршалом князем Потемкиным из рассеяного состояния приведено в соединение и названо — Войском Верных Черноморских Казаков.

...Ныне существующий внутренний сего Войска воинский распорядок основан будучи на правилах прежнего Запорожского Войска... Службу справляют они конно, пеше и на судах... Имеют легкую артиллерию в 20-ти орудиях в 3-фунтовых состоящую, которой действуют... и на лодках. Обыкновенная их беспрепятственная внутренняя служба состоит... при флотилии и переправе через Еникольское гирло... на что употребляется до 3429 человек. Всего же способных к службе: офицеров имеющих армейские чины — 100. Есаулов, сотников и хорунжих — 285. Казаков и канониров — 15 094 человек».

Нет сомнений в том, что среди них немало было ветеранов измаильского штурма и морских сражений в западной части Черного моря. Однако, когда члены Государственной Военной Коллегии составили, говоря современным языком, мобилизационный план Черноморского Войска на случай войны, только последний, 12-й пункт предусматривал развертывание их военно-морских сил на случай конфликта с Турцией.

«Пункт 12. Когда в случае открытой войны Войско... как скоро они будут посажены на суда, пойдут от берегов в море... и для разъездов около своих берегов». Александр I это «Положение», ставшее первым шагом черноморцев на сушу, утвердил.

Последующие события для России имели больше сухопутное значение. Казаки-черноморцы воевали с армией Наполеона в составе сухопутной армии. Некому и незачем было выходить в море. Да и грозные ранее казачьи лодки — сгнили и пошли на дрова. Лишь седые деды, звеня серебряными медалями, рассказывали внучатам о схватках с кораблями Гассан-Паши под Очаковом, Измаилом. О том, как свистит ветер в снастях парусов и как гремят корабельные пушки...

Правда, весной и осенью 1809 года флотилия черноморских казаков участвовала в неудачных штурмах турецкой крепости Браилов. Но с 1810 года казачьи лодки гребной флотилии прекратили крейсерство в северо-восточной части Черного моря и в лимане Кубани. Лишь в русско-турецкую войну1828—1829 годов черноморские казаки чуть-чуть тряхнули стариной. 1-й пеший полк черноморских казаков был посажен на суда и разбил

турецкий флот под тем же Браиловым, заслужив еще одно почетное знамя. Это была последняя награда, полученная казаками за морское сражение.

С моря они еще дважды (в 1807 и в 1828 гг.) осаждали и защищали Анапу, бывшую тогда турецкой крепостью. В ночь на 20 мая 1828 года казаками взяты на абордаж у стен Анапы три турецких корабля.

Но, конечно, о флотилиях в сто судов с собственным брейд-вымпелом никто и не мечтал. Так, береговая служба, береговая охрана от контрабандистов — вот функции черноморцев в те годы. О плаваниях через все Черное море, как ходили деды, теперь только вспоминали.

Окончательно «иссушил» флотский дух в Черноморском казачьем Войске император Николай I. В 1842 году он утвердил новое «Положение о Черноморском казачьем Войске», представленное военным министром графом Клейнмихелем.

Внук Екатерины Великой утвердил границы земель черноморцев между восточным берегом Азовского и частью Черного моря. Разделив Войско на три округа: Таманский, Екатеринодарский и Ейский. «Столицей» Войска стал город на Кубани — Екатеринодар. Морских команд и вооруженных морских судов в боевом расписании Войска, согласно этому «Положению», не предусматривалось вообще. Офицерские чины казаков-черноморцев уравнивались с общеармейскими. Вооружение: пистолеты, шашки, кинжалы и форма одежды — по образцу конных полков.

Так, еще до Восточной (Крымской) войны на Черном море, повлекшей за собой полное исчезновение русского военного флота с этого моря на 15 лет, казаки-черноморцы окончательно пересели со скамьи гребцов боевых флотилий в седла боевых коней, к концу XIX века окончательно превратившись в кавалерию Кубанского казачьего Войска.

Обобщив имеющиеся архивные и библиографические источники, можно подвести итоги боевой истории Черноморского Войска. За сравнительно короткий период — с 1789 по 1792 год — моряки-казаки Черноморского казачьего Войска приняли участие не менее чем в десяти крупных морских боях и десантных операциях: у Кинбурнской Косы, у Очакова, у Измаила, у Браилова, у Белграда, остров Березань... Потопили и сожгли 222 турецких судна различного типа. Захватили более шести турецких знамен.

В этих же боях и плаваниях казаки потеряли 21 лодку. **Приблизительные** потери казаков в боевых действиях на море и побережье составили: убитых офицеров — 9 (умер от ран кошевой атаман-адмирал Сидор Белый), рядовых казаков — 243, раненых — 564. Попало в плен минимум 235 казаков — их судьба неизвестна.

Казакам Черноморского Войска не жаловали чинов адмиралов и офицеров флота. Их награждали чинами армейских офицеров. Но по роду их боевой деятельности можно решительно отнести к категории адмиралов гребных флотилий: первого Кошевого Атамана войска — Сидора Игнатьевича Белого, его преемника — атамана Захария Чепегу — кавалера ордена Святого Георгия 3-го класса и дважды награжденного золотым оружием князем Потемкиным и самой императрицей (он стал первым кавалером в истории Войска). Войсковым Судьей, а фактически — адмиралом гребной флотилии, был и Антон Андреевич Головатый. За штурм Измаила новыми офицерскими чинами были пожалованы 500 казаков-черноморцев. Вспомнить всех невозможно, назовем лишь наиболее известные имена. Логин Мещанский, Ломак Легкоступ, Колпак, Иван Высо-чин, Андрей Белый, Тимковский, Иван Сухин, Левко Малый, Моний Гулик, Сутыка, Котляревский — вошли в историю, как командиры групп казачьих лодок в морских сражениях и дальних походах. Так что по квалификации они офицерам русского регулярного Черноморского флота как минимум не уступали. За участие в морских операциях, наравне с регулярным Черноморским флотом, казачья флотилия получила брейд-вымпел, три знамени от князя Потемкина, знамя и почетные серебряные трубы от Екатерины II. В отличие от донских казаков, получивших памятные золотые и серебряные медали за пеший штурм Измаила, черноморцы были награждены за бой с турецким флотом.

Получили одно знамя за победу на море и от Николая 1.

Запорожцы, имея многовековые морские традиции, дольше донцов сохраняли свой суверенитет на море, и потому часть их послужила для формирования еще одного морского казачьего Войска — Азовского.

ЧАСТЬ III
ВЕК XIX - АТАМАНЫ ГРЕБНЫХ ФЛОТИЛИЙ

ГЛАВА 10
Азовское казачье Войско

Первая попытка образовать у берегов Азовского моря отдельное, морское казачье Войско была предпринята еще в январе 1737 года донскими казаками. Из Черкасска были отправлены для расселения у города-порта Азова семьи донцов. Казаки, неоднократно бравшие и терявшие этот городок, щедро поливавшие окрестные берега своей кровью, полноправно считали его своим. Тем более мастерства мореплавания им было не занимать. Но время было, что называется, не то. Сидя на российском престоле, отчаянно борясь за колонии на востоке, протестанты вовсе не одобряли выход к морю своих самых сильных противников из православных — казаков. И Азовского казачьего Войска из донцов в XVIII веке не случилось.

Когда Екатерина II, руками иностранных генералов, ликвидировала в 1775 году «Подпиленскую» Сечь запорожцев, то немалая часть казаков, уже не веря в будущее казачества на Украине, села в свои чайки» и поплыла на поклон к своим злейшим врагам — в Турцию. Султан милостиво принял своих давних обидчиков. Война войной, но объективности ради надо признать, что турки верно оценили подарок, который им сделала Российская империя, подарив» храбрых и умелых морских воинов. Тем более это был уже второй раз, когда российский царский двор ударом в спину бросал к ногам султана гордых запорожцев. И Екатерина, как Петр I, вторично очистила для турок Черное море от казаков, хотя на этот раз ненадолго.

Во владениях мусульманского владыки запорожцы спасли казачьи вольности, обрели новые земли. Султан разрешил им разместить свои курени вдоль берега реки Дунай. Так появилась «Задунайская Сечь». Правда, все это отдавалось не даром, а за службу на суше и на море. Вскоре, после присяги на верность султану, эмигрантам пришлось воевать с русским Черноморским флотом и, само собой разумеется, с той частью своих товарищей, которые встали под знамена Потемкина. В куренях «турецких» запорожцев возник ропот. В Стамбуле решили не искушать их вероятностью перехода обратно и вывели с черноморского театра военных действий. Но не из войны с православным миром. Хотя благодаря тому обстоятельству, что в мае 1812 года был заключен мир между Россией и Турцией, вольнолюбивые казаки не воевали с Черноморским казачьим Войском. Зато спустя пять лет, в одном строю с турецкими янычарами, они рубили православных сербов. А в 1821 -м, в составе турецкого флота, атаковали прибрежные города христианской Греции. Греки вывели на крепостные стены своих священников со святыми хоругвями, иконами и крестами в руках... Бога молили они о защите от беспощадных поработителей...

Гром ружейных и орудийных залпов по православным братьям разбудил совесть запорожцев. С тяжелыми думами вернулись они в Задунайскую Сечь из греческого похода. А 14 апреля 1828 года на Раде был объявлен султанский фирман о начале новой войны с Россией. Из Стамбула кошевому атаману — Осипу Гладкому, имевшему в то же время чин двухбунчужного паши, повелевали вести запорожцев на лодках в устье реки для прикрытия входа в Дунай от кораблей русского Черноморского флота. Осип

Михайлович Гладкий родился в 1795 году, уже после того, как запорожцы покинули Приднепровье. Он не был потомственным запорожцем, его отец — малороссийский казак Полтавской губернии, Золотопольского уезда, села Мельниково. Юный Осип начал свой жизненный путь с должности гайдука — перегонял чужой скот. А тот возьми да передохни в пути... Отвечать своей шкурой за падеж скота полтавский казак не захотел. Поскреб пятерней под чубом — да и подался на туретчину, к запорожцам, где не могли достать его полтавские помещики. К 1828 году ему «стукнуло» всего 33 года, а храбростью и разумом своим заслужил он похвалу турецкого султана и почет казаков. Да что-то тягостно было жить молодому паше под мусульманским полумесяцем... Словно чувствовал он, что толкнули его те дохлые волы и коровы на дорогу к генеральским эполетам.

К этому дню с момента эмиграции с Украины минуло 52 года. Сменилось в Санкт-Петербурге три императора. Сменились поколения запорожцев. Из тех казаков, которые когда-то не подчинились воле царицы Екатерины, никого почти не осталось. А их сыновья и внуки с восторгом и завистью смотрели на родину предков. Российская империя, разгромив Наполеона, успокоив смуту 1825 года, превратилась в крепкую внутри и влиятельную в мире державу. Николай I, взяв курс на защиту национальных, а не европейских интересов, вызывал симпатию казаков. Старую вину их перед своей бабушкой он не помнил. А перед ним своей вины молодые казаки иметь не хотели. И потому, посовещавшись сначала в узком кругу куренных атаманов, решили «турецкие» запорожцы плыть к Измаилу. С повинной головою.

Весной 1828 года комендантом русской крепости Измаил был генерал из прославленного дворянского рода — Тучков. Он-то и принял смиренную делегацию во главе с атаманом Гладким. «Сечь Запорожская, с давних пор во владении турецком существовавшая, совершенно там уничтожилась, — немедленно он отписал генерал-адъютату царя Киселеву. — Новый и прежний Кошевые, оба писаря, все атаманы и есаулы с двумя бунчуками, с тремя знаменами, со всей церковной утварью, с двумя священниками, с султанскими привилегиями и дарованными им грамотами, с войсковою канцелярией, с 1000 человек казаков прибыли в границы наши. Кошевой Иосиф (вероятно, генерал Тучков ошибся, правильное имя атамана было — Осип. — Примеч. авт.) Гладкий, имеющий достоинство двухбунчужного паши (так определялся ранг в военно-административной иерархии в Турции. — Примеч. авт.), с 10 атаманами, 3 знаменами находятся в здании карантина, а прочие неподалеку от Килии в лодках». То ли комендант Тучков поостерегся всех запорожцев впустить в крепость, не уверенный в их смирении, то ли большая часть казаков с опаской ожидала итогов переговоров с русскими... В любую минугу готовая броситься обратно.

Получив срочную депешу из Измаила, генерал Киселев немедля доложил о событиях царю. Николай I, со всей свитой, не мешкая, поскакал в крепость, ставшую символом победы русского оружия в эпоху царствования его бабки. Но если Екатерина Великая лишь узнала в далеком Петербурге о капитуляции южной твердыни, то ее внук лично принял капитуляцию «турецких» запорожцев.

Увидев государя, кошевой атаман Гладкий, бросив на землю султанские грамоты и войсковую печать, рухнул ему в ноги, как гоголевский кузнец Ва-кула — старому казаку Чубу: «Прости царь-батюшка!» В отличие от литературного казака Чуба, император Николай Павлович не стал даже символически сечь ногайкой смиренную спину. А подняв атамана с колен, наградил золотой медалью с отчеканенным на ней собственным профилем. Как бы взамен султанских грамот.

Оба — царь и прощенной атаман — вышли на крыльцо во двор, где толпились в волнении казачьи старшины и есаулы. При виде императора казачьи командиры также повалились в ноги. «Полно, — миролюбиво махнул рукой он. — Я знаю, что вы за люди».

Знать-то знал, но вскоре устроил своим новоиспеченным подданным строгую

проверку. Война с Турцией из-за Придунайских княжеств не прекращалась. Вот он и пригласил (если можно так выразиться) запорожцев повоевать против их вчерашнего хозяина.

В ночь с 26 на 27 мая 1828 года казаки на своих лодках под огнем турецкой артиллерии переправили через Дунай бригаду русских егерей. Накануне ночью сам Гладкий произвел разведку места высадки.

Под картечью и пулями с турецких редутов егеря и запорожцы опрокинули противника и захватили обширный плацдарм на западном берегу Дуная. Но Николай I этим не ограничился в проверке казаков. На следующий день, в сопровождении всего лишь двух генералов, император сел в казачью лодку и велел отвезти его на противоположный берег. Оружия при нем не было никакого, только небольшой ларец в руках. Рулевым та царской лодке сел сам кошевой атаман Гладкий, гребцами — дюжина куренных атаманов. Императорская свита замерла в ужасе. Отвоеванный плацдарм был все же невелик, на середине реки глава российского государства был целиком во власти казаков. Стоило им лишь изменить курс — и в турецкий плен попал бы глава русского престола. Такого риска не было даже в печальном «прутском» походе у Петра I. Даже трудно представить, какой бы великой стала цена освобождения русского царя из турецкого плена. В те последние дни мая 1828 года лишь несколькими взмахами весел запорожские казаки могли бы изменить ход истории. Что там Дунайские княжества... В обмен на его освобождение турки могли потребовать вернуть им обратно ВСЕ (!) побережье Черного и Азовского морей, перечеркнув итоги побед за 125 лет! Русские могли бы оставить Севастополь, Очаков, Измаил, Одессу, Таганрог, Азов, восточное побережье Черного моря... Не отдал бы пленный царь, пропади он в плену или погибни от случая — чем бы обернулась для Российской империи даже временная пустота или слабость трона? При малолетнем цесаревиче, спустя лишь два года после подавления «смуты 1825 года»? В сравнении с этим даже потеря Черного и Азовского морей выглядела бы мелочью. И нетрудно себе представить, какими бы почестями наградил султан запорожцев и атамана Гладкого за такой подарок — пленение русского царя...

Трудно гадать — оценивал ли степень риска своей речной прогулки сам император? Но личного мужества ему было не занимать — это стало очевидным еще в декабре 1825 года, когда он в одиночку подскакал к каре «декабристов». Но, видимо, он, садясь в лодку казаков, вверил свою судьбу на милость Божью. И не ошибся.

Благополучно доплыв до другого берега (генералы его свиты за эти минуты «скинули» немало килограммов от волнения), царь открыл ларец. В нем сверкали на солнце офицерский орден Святого Георгия 4-го класса и дюжина солдатских Георгиевских крестов. Ступив на землю, он поздравил кошевого атамана с чином армейского полковника, Георгиевского кавалера, а гребцам раздал кресты. Через несколько дней — 3 июня 1828 года, он подписал Указ о преобразовании задунайских запорожцев в Дунайский казачий полк. Полку было вручено знамя с надписью — «За храбрость и усердие, оказанные при переходе через Дунай 27 мая 1828 года». И все. Не густо. (Невольно возникает мысль: а русский царь-то скуповат. Турецкий султан, пожалуй, был бы щедрее — вернись к нему запорожцы с Николаем I на аркане.)

Через несколько дней новообразованный полк, оставаясь при своих морских судах, 8 июня 1828 года разгромил турецкую флотилию при Браилове. За три часа боя казаки захватили 12 судов (4 шлюпа и 8 лодок), одно потопили и одно сожгли. При этом еще восемь казачьих лодок блокировали крепость с моря. 26 июня казачьи лодки бывших запорожцев подкрались к турецкой крепости Варна и внезапной атакой захватили 14 турецких кораблей с экипажами. А команды еще двух вооруженных барка-зов, попытавшихся сопротивляться, вырезали как кур, без единого выстрела.

Спустя год война закончилась подписанием 2 августа 1829 года Адрианопольского мира, по условиям которого к России отходили Анапа и еще три крепости на берегу

Черного моря.

Запорожцы Дунайского полка стали думать думу — как жить? Где? Большая часть хотела присоединиться к казакам Черноморского Войска. Но в 1830 году их судьбу в третий раз изменил их кошевой атаман — Гладкий. Будучи в Петербурге, он, видимо, дал себя убедить в том, что рядовые казаки еще могут вернуться к туркам. Это он, Гладкий — полковник и Георгиевский кавалер, а рядовой казак, не имеющий ничего, кроме креста на шее и сабли на боку, чем ему Россия щедрее Турции? Вмешивался и личный интерес честолюбивого Гладкого — раньше он в 33 года был атаманом, а теперь только командир полка. Смешайся его Войско с черноморцами, не быть ему больше Атаманом!

Для постоянного поселения своего Войска он принял предложение занять земли вдоль Азовского моря. Царь утвердил его выбор. Там, где когда-то по-хозяйски ловили рыбу донские казаки, было образовано отдельное Азовское казачье Войско. Из бывших запорожцев. Надо отметить, что не все казаки согласились с выбором Гладкого. Часть из них, как и подозревали, ушла обратно в Турцию. Там они объединились с той частью донских казаков староверов-некрасовцев, которые жили под властью султана, уйдя в эмиграцию после подавления восстания атамана Булавина (их потомки вернулись в Россию, ставшую СССР, только в 60-е годы XX века). Но те, кто последовал за своим атаманом, покорно оставили мечты о милой Украине.

На азовском побережье они основали две станицы: Никольскую (близ города Мариуполя, на берегу речки Кальчик) и Покровскую (на берегу речки Соляная). В Никольской срубили церковь, которая одновременно стала и Войсковым храмом, в нем сложили все Войсковые регалии: печать, грамоту, два наградных знамени за Дунайские походы. Стали рыбу ловить, Богу молиться и царю служить. Только вот для царской службы их было маловато. Это понимали и царские министры, которые вскоре приписали к Азовскому казачьему Войску жителей Петровского мещанского посада, что располагался в семи верстах от города Бердянска. (Там зарастали кустарником стены старой крепости, которую возвели донские казаки в годы «азовских» походов Петра I.) Крепость расчистили, подремонтировали, и атаман Гладкий разместил в ней свою резиденцию и Войсковое правление. Помимо посадских мещан в азовские казаки записали государственных крестьян села Новоспасовка и жителей станицы Стародубовской (они приходились азовцам «дальними родственниками», так как были потомками малороссийских казаков, переселенных из Черниговской губернии правительством Екатерины II). Увы, такое пополнение было не на пользу, а во вред. При Николае I всеобщей воинской обязанности в России не было. Армия была профессиональной — проводился рекрутский набор и все. У казаков, получалось, воинская повинность была всеобщей. Служить приходилось всем мужчинам, годным по состоянию здоровья, с 21 года. Это запорожские казаки, вернувшиеся из Турции, имели обязанности перед царем. И за службу получили земли. А посадский крестьянин или селянин ее в этих местах и так имел. Раньше — отдали по жребию столько-то молодых парней в рекруты и жили себе дальше спокойно. Рыбу ловили, кур и яблоки выращивали, домашнее вино пили — не тужили... А тут на тебе, бери в руки саблю и ружье и иди служи! Да не в пехоту, не в кавалерию, а в море! Нет сомнений в том, что зачисление в состав Азовского Войска «подневольных казаков» было одной из причин его недолговечности.

А служить приходилось много. Командующий Черноморским флотом адмирал М. П. Лазарев Азовскому казачьему Войску назначил морскую службу на барказах, срубленных «по мальтийскому образцу», для крейсерства у восточных берегов Черного моря. Барказы представляли собой парусно-весельные морские суда, с одной мачтой и с дюжиной гребцов. Вооружение: два 3-фунтовых фальконета (мелкие орудия на носу и корме). Экипаж — 20—30 казаков и офицер. Каждый вооружен ружьем, короткой абордажной саблей, кинжалом и пистолетами.

Была сформирована береговая линия вдоль восточного берега Черного моря, по

берегам Менгрелии, Абхазии. Фактически это была линия охраны водного района. Она тянулась от крепости Редут-Кале до укрепления Святого Николая. Ее охраняла и защищала 21 команда азовских казаков. В 16 командах было по 18 станичников с хорунжим и урядником. В пяти командах штат состоял из офицера, приказного, урядника, канонира и 20 казаков. Главная база этой флотилии береговой обороны, насчитывающей в общем числе 16 офицеров и 400 казаков, дислоцировалась в Сухуми. Еще одна команда квартировала в порту Поти.

Помимо службы по охране водного района черноморского побережья Кавказа, азовские казаки несли службу по карантинно-таможенному осмотру всех торговых судов, приближающихся к российскому берегу. Можно сказать, они были морскими пограничниками. Для этих целей были образованы еще две морские станции — Сухумская и Константиновская. Первая имела 22 барказа с 18 командами при 12 офицерах. Вторая — 10 барказов с 8 командами при 4 офицерах. Получается, что морская погранохрана Черного моря из азовских казаков в период 30—40-х годов XIX века имела 32 барказа, 26 команд и 16 офицеров.

Служить в море казаки азовских станиц уходили в 21 год. Срок службы и у офицеров и рядовых, если были холостые, составлял четыре года. Женатые и имеющие детей служили на год меньше (надо отметить, что кавалеристов при штабе Войскового Атамана было в Азовском Войске всего 10 казаков. Конный конвой атамана и связь — не больше). По истечении этого срока станичники, выражаясь современным языком, уходили в запас и могли заниматься домашним хозяйством. И призывались вновь под знамена лишь в случае большой войны. По части гражданской администрации Азовское Войско подчинялось Новороссийскому генерал-губернатору. А по военной, несмотря на то что действовало по диспозиции, утвержденной Командующим Черноморским флотом, выполняло приказы Командующего русской армией на Кавказе.

Нельзя сказать, что таможенная служба азовцев была сладка, как у их коллег конца XX века. Офицер этой службы Гаденко (родной дядя автора книги «История Азовского казачьего Войска») служил у кавказских берегов, и его письма племянник привел в своей книге отдельным приложением. Строки их просто написаны с острым ощущением обреченности: «И ныне нас порознь по крепостям распределяют, по одной лодке в очень весьма опасных местах. То и дело каждой ночи смерть ожидаешь». И он не преувеличивал! Вот краткая хроника действий азовских казаков в Черном море.

14 марта 1837 года — огневой и абордажный бой казачьих барказов с галерами черкесов (по классической истории горцы только на лошадках скакать и умели) на всем протяжении береговой линии от Гагр до Пицунды. Потери: один казачий барказ и одна галера горцев ушли на дно моря с командами. 14 апреля 1837 года — морской (точнее, прибрежный) бой казаков с черкесами. Казачьи барказы шли на таран черкесских галер, экипажи осыпали друг друга ружейными пулями, сходились борт к борту и резались абордажными клинками. Офицер Гаденко за тот бой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (в конце концов, уже в 60-х годах он и погиб в одной из стычек на Кавказе). Октябрь 1837 года — казаки на барка-зах разогнали целую флотилию из турецких судов и черкесских галер у побережья Анапы. Станичники удостоены Георгиевских крестов.

За Дунайскую кампанию 1828 года азовские казаки получили два наградных знамени. За морскую службу в Черном море были удостоены еще двумя — в январе 1832-го и в июле 1844-го. Понятно, что не за ленивое потрошение трюмов купеческих судов.

В 1852 году 57-летний Наказной атаман Азовского казачьего Войска Осип Михайлович Гладкий вышел в отставку. К этому времени он был последним Наказным Атаманом во всех казачьих войсках империи, которого избрали казаки. В остальных войсках наказные атаманы были назначаемыми, но для него Николай I, помня речную проулку мая 1828 года, сделал исключение. Более того, бывший перегонщик скота, бывший двухбунчужный паша турецкого султана, бывший Кошевой Атаман Задунайского

войска запорожцев и бывший командир Дунайского казачьего полка получил по царскому Указу от 17 августа 1851 года чин генерал-майора. Можно сказать — генерал-майора береговой службы. Пенсия в отставке была ему назначена в 838 рублей 50 копеек в год. Сумма по тем временам значительная.

Азовское казачье Войско приняло первого в своей истории назначенного Наказного Атамана. Армейского полковника Бираховича. С ним оно и вступило в Восточную (Крымскую) войну.

Прежде чем приступить к описанию действий Азовского казачьего Войска в период с1853по!855 год, надо отметить, что к этому времени оно было единственным из казачьих иррегулярных войск Российской империи, имевшим в своем составе вооруженные морские суда, сведенные в оперативное соединение — во флотилию. Хотя эта флотилия в хозяйственно-канцелярской жизни подчинялась штабу и интендантству Кавказской армии, район ее боевых действий и задачу определял штаб Командующего Черноморским флотом в Севастополе. На 1 мая 1853 года регулярный Черноморский флот имел в своем составе 181 боевой и вспомогательный корабль, из них 7 вооруженных пароходов и 28 гребных судов. В сравнении с этой армадой два-три десятка казачьих барказов с парой крошечных пушечек на борту казались пародией на «потешный» флот Петра I. Для начавшейся очередной, трудно сосчитать, какой точно по счету, русско-турецкой войны имеющегося Черноморского флота было достаточно. Парусно-гребной казачьей флотилии ставилась очень скромная задача: содействие русской армии на Кавказском берегу и препятствие связи турок с горцами в восточной части Черного моря. Дело обычное, привычное. Никто и представить себе не мог, что азовцам предстоят настоящие морские бои с вооруженными пароходами флота «владычицы морей» — Великобритании. Впрочем, никто и не гадал, что разгром группы вспомогательных турецких кораблей, произведенный эскадрой адмирала Нахимова в Синопской бухте, обернется для России войной с рядом европейских государств.

В Сухуми, где базировались казачьи барказы, приказ о начале боевых действий на море против турок прибыл только в начале ноября 1853 года. В тот же день, когда адмирал Нахимов праздновал успех в Синопе, азовцы добились первой победы. В абордажном бою они захватили два турецких сандала (тип судов. — Примеч. авт.) с командами. Трофеем была официальная почта для гарнизона турецкой крепости Редут-Кале на кавказском берегу.

С весны 1954 года активизировались действия второй половины Азовской казачьей флотилии, расположенной недалеко от турецкой крепости Ре-дут-Кале — в устье реки Риони. К началу кампании она насчитывала 16 12-весельных барказов с очень слабым артиллерийским вооружением — всего один 3-фунтовый фальконет на носу. Внезапно турки начали сильную бомбардировку и атаку базы флотилии. Шесть барказов были повреждены и, при отходе русских войск, по приказу генерала Мейделя — сожжены. Оставшиеся были уведены в глубь континента — в устье реки Риони. Потом еще три барказа постигла такая же участь — из-за ветхости они были годны только на дрова. Из оставшихся семи лодок была сформирована Рионская гребная флотилия. Из реки она налетала на турецкие морские конвои, как когда-то партизаны-казаки из леса на французские обозы армии Наполеона.

15 и 16 мая 1854 года — казаками перехвачены и потоплены два турецких судна. 25 и 26 мая — турки лишились еще двух. Трофеями стали целые связки служебных бумаг, предназначавшихся для турецких военачальников. Их, ясное дело, немедленно доставили в штаб русской армии на Кавказе. Помимо почты, на этих судах, вероятно, везли и жалованье — на 22 тысячи рублей серебряной монеты. Их казаки решили считать призовыми. Чтобы так считать было легче — лишь десятую часть этих денег' станичники разделили между собой, а остальные — пошли начальнику гребной флотилии (честнее

было бы как раз наоборот). Но и свою скромную долю азовцы не пропили, не послали семьям, а пожертвовали в пользу раненых защитников Севастополя.

В конце концов, в июле турецкие адмиралы прекратили направлять свои транспортные суда к кавказскому берегу без конвоя. Теперь доставку грузов для кавказской сухопутной армии турок сопровождали вооруженные пароходы.

Действия казачьих барказов Азовской флотилии летом 1854 года можно сравнить с действиями германских подлодок в Атлантике в Первую мировую войну. Сравнительно малочисленные, они внезапно появлялись возле транспортных судов союзников, топили их и скрывались. В итоге британское командование стало отправлять конвои только в сопровождении боевых кораблей охранения.

Казачьи барказы азовцев в воду не ныряли, торпед не имели, но коммуникации турок в Черном море парализовали, как позже немецкие подводники англичан.

Хотя до эпохи торпед и подводных лодок было еще далеко, в Севастополе русские адмиралы наконец-таки оценили размах «партизанской войны» казаков на море. К августу 1854 года в Рионскую флотилию прибыл новый начальник — уже не казачий, а морской офицер. Его взору предстали казармы и пристани Рионской гребной флотилии, расположенные в 8 верстах от черноморского побережья. Семь барказов обслуживали 220 казаков при 10 офицерах. Атмосфера царила прямо-таки «запорожская» — боевого охранения с моря никакого, к корабельной артиллерии отношение снисходительное. Экипажи барказов больше надеялись на абордажные сабли и пистолеты, чем на ядра и картечь фальконетов. И верили не в силу военно-морского искусства, а милость Господа Бога! Но не боялись ни турок, ни горцев, ни самого дьявола.

После проведенной рекогносцировки новый начальник внес изменения в боевое расписание гребной флотилии. Два барказа оставили на постоянном дежурстве у крепости Поти — для защиты устья реки с моря от внезапного десанта турок. Остальные предназначались для действий в море. Усилили и вооружение — начальник Бакинской военно-морской станции, капитан 1-го ранга А. В. Воеводский прислал с Каспийского моря, для установки на бар-казах — конгреневые ракеты (это был один из типов порохового огнеметного оружия. — Примеч. авт.).

Перевооруженная технически, с «встряхнувшимся» морально личным составом флотилия уже 2 августа 1854 года растрепала сильный турецкий морской конвой. Один из двухмачтовых фрегатов, уво-рачиваясь от казаков, плотно сель на мель... Второй запылал, подожженный огнем из конгреневых ракет. Турки пытались стащить свой корабль с мели, но казачьи барказы точным огнем из фальконетов не позволили этого сделать. К месту боя бросились, словно стая гончих на волков, вооруженные пароходы эскорта. Но легкие барказы быстро ушли на мелководье — в недоступную для огня их орудий зону. Турецкие капитаны тщетно проклинали шайтана, глядя в бессильной ярости в подзорные трубы на казаков, злорадно показывавших им голый зад. Подойти к насмешникам ближе для точной стрельбы — не позволяли глубины.

Боевых потерь казаки почти не имели. Зато злее картечи экипажи барказов разила лихорадка. Душный, болотистый климат реки Риони был ее «курортом». Бывали такие дни, когда из всей флотилии здоровых, способных подняться и воевать казаков оставалось 36 человек. К концу войны из 230 гребцов, канониров и офицеров Рионской флотилии в живых осталось 145. Остальных скосила турецкая картечь или сгноил гибельный климат.

Боевой счет Рионской флотилии из азовских казаков, согласно фактам, приведенным в «Морском Сборнике», составлял к концу войны не менее восьми турецких судов. Хотя нет сомнений, что боевой счет их был богаче. 8 судов за два года боевых действий — это невероятно скудно. Но главное — это не арифметический подсчет потопленных турецких грузов и захваченных пленных. А то, что каза-ки-азовцы серьезно нарушили военно-транспортные коммуникации турок в восточной части Черного моря. Чем существенно помогли русской Кавказской армии. То есть пытались выполнить ту задачу, которую должен был выполнить регулярный Черноморский флот и у берегов

Крыма, и во всем Черном море. Но флот, основанный Петром I, самозатопился лишь при одном известии о приближении вражеского флота к Севастополю. «Вот и все, что могли сделать семь лодок Рионской гребной флотилии, вооруженных пушками малого калибра, без помощи паров и при жестокости климатических болезней», — подытожил в статье в «Морском Сборнике» ее автор — безымянный «Азовский казак». Остается только гадать, что могли бы сделать не семь, а 77 малых кораблей, вооруженных современными морскими орудиями и на паровом ходу, но с экипажами из казаков? Все это могло бы быть, имей Россия другого правителя в конце XVII века...

Говоря о действиях казаков на море в Крымскую (Восточную) войну, нельзя не упомянуть об исключительном факте, пожалуй, во всей мировой военной истории. Отряд кавалеристов в конном строю захватил морской боевой корабль!

В столичном Адмиралтействе царские адмиралы к казакам на море относились с нескрываемой иронией. Но то, что произошло на берегу Азовского моря в июле 1855 года, вызвало восхищение даже на страницах чопорного «Морского Сборника». В № 7 за 1855 год редакция опубликовала текст «Донесения Наказного Атамана Донского казачьего Войска генерала Хомутова за № 2944 от 19 июля 1855 года». Этот журнал, надо сказать, очень нечасто публиковал Донесения Наказных Атаманов казачьих Войск. Но случай, приходится повториться, был редчайший.

К июлю 1855 года обстановка на южных морях Восточной войны для России была предпохоронной. О славе Черноморского флота, флота Ушакова и Лазарева, напоминали лишь верхушки торчащих из воды мачт кораблей, затопленных командами у Севастополя. Экипажи превратились в дивизию морской пехоты. Меткие комендоры палубных орудий, цепкие мачтовые матросы, хозяйственные боцманы и расторопные коки, офицеры: штурманы и гидрографы — все ходили в штыковые атаки по сухой крымской земле. Как самая заурядная армейская пехота. Почти на всей акватории Черного моря вражеский флот был безраздельным хозяином.

Азовское море также осталось без защиты. Казаки Азовского Войска, на своих барказах, дрались с турецкими судами у кавказских берегов. (Их Войсковое правление, расположенное в старой крепости станицы Петровской, с моря тоже обстреливал английский пароход. Британцы приняли музейную крепостицу за действующее береговое укрепление.) У донских казаков морские силы разбил Петр Великий, казалось, навсегда. Хотя оборону Таганрога и возложили на донцов под командованием казачьего генерала Ивана Ивановича Краснова (деда Атамана Всевеликого Войска Донского в 1918 году — П. Н. Краснова). Иван Иванович, кстати, уже в 70-х годах XIX века радел за возрождение казачьего флота донцов.

Но и тогда у него не было ни одного вооруженного морского корабля, но смекалка донцов — праправнуков тех, кто когда-то штурмовал Стамбул, выручила опять.

...Вечером 11 июля 1855 года винтовая канонерская лодка англичан показалась у рейда Таганрога. В городе в эти часы служили всенощную в православном соборе. Гром орудийного выстрела показался эхом кары Господней. Но не для таганрощев и казаков, а для англичан. Урона пушечное ядро не принесло. Оно ударило в стену собора со стороны алтаря во время церковной службы, но не взорвалось. Единственным раненым был протоиерей собора — Себов. Священника задели обломки отлетевшей штукатурки. Потирая ушибленные места, святой отец громко предавал анафеме экипаж британского корабля. И, казалось, Господь внял словам своего служителя на земле.

Командир канонерки, увлекшись обстрелом беззащитного города и порта, в наступавшей темноте потерял ориентировку, и рулевой посадил судно на мель. У Кривой Косы, всего в 40 саженях от берега.

Этого расстояния было достаточно для меткого ружейного огня казаков сотни 70-го донского полка, которую первой привел к берегу ее командир — войсковой старшина Афанасьев. Южная ночь наступила быстро, в другой раз англичан это бы и спасло, но на

безоблачном небе появилась яркая луна, которая осветила станичникам мишень бледным, но ясным светом. Казаки спешились и залегли в цепь... Пули застучали по палубе, рубке, орудиям канонерки, как горох. Британские комендоры пробовали было отогнать стрелков картечью. Выражение «пушкой по воробьям» в тот момент имело почти буквальное значение.

Начался отлив, канонерка накренилась, и орудия, задрав к луне стволы, замолкли. Появился еще один английский пароход и, ведя «слепой» огонь по Кривой Косе, начал одновременно спускать шлюпки для того, чтобы завести буксировочные концы. У казаков тоже появилось подкрепление — прибыл командир 70-го донского полка полковник Демьянов с двумя сотнями. Когда английские гребцы подплыли к борту накренившейся канонерки, на них обрушился «дождь» пуль из трехсот ружей. Не менее часто зацокал свинец и по палубе канонерки. Командир конно-артиллерийской батареи есаул Николай Краснов — сын начальника обороны Таганрога и отец будущего Атамана Всевеликого Войска Донского — приказал выкатить пушки на прямую наводку и открыть огонь по пароходу-спасателю. Разница в калибрах орудий лихого казака не смущала.

Английские моряки дрогнули. У них кричали и стонали раненые, висли на бортах убитые, а тут еще первое ядро казачьей пушки вздыбило воду у борта дальнего судна. На том пароходе орудия были на порядок мощнее казачьей пушчонки, но какой прок стрелять из них в темноту? А черный силуэт морского корабля был отличной мишенью на залитой лунным светом воде. Одно-единственное точное попадание могло лишить британский флот еще одного парохода.

И его капитан не стал рисковать. Подобрав всех, кто смог и успел спрыгнуть в шлюпки, он дал ход и на полных парах скрылся от прицела казачьих артиллеристов и стрелков. Англичане с оставляемого судна так спешили, что забыли даже снять флаги с мачты. Поскольку отлив не закончился, есаул Николай Краснов кликнул охотников, и 20 казаков направили своих коней в воду. На лошадях, доехав по мелкой воде до брошенной канонерки, кавалеристы взобрались на палубу. Сорвав с мачты Большой и Малый флаги ВМС Великобритании, сняв со станков две медные 24-фунтовые пушки, они зажгли корабль. Надо было спешить — отлив заканчивался, кони вплавь не смогут вытащить тяжелые орудия... С пожаром станичники, пожалуй, перестарались. Но, видимо, зажглась в их жилах кровь потомков Разина, Минаева и Булавина, которые жгли трофейные суда, не задумываясь. И новейшая трехмачтовая паровая канонерская лодка, вооруженная двумя орудиями и бомбической пушкой, доплывшая сюда через Атлантику и Средиземное море, сгорела в водах Азовского моря, к утру — до подводной части. У казаков за весь ночной бой потери — трое раненых. И синяки на спине протоиерея.

Днем казаки пытались снять с обгоревшего остова канонерки паровую машину и бомбическую пушку, но корабль стало заносить песком, а с моря появилось еще 7 английских пароходов. Работы пришлось прекратить и готовиться к отражению десанта. Его они достойно и отбили.

Медные пушки с канонерки, осмелившейся сорвать всенощную службу в соборе, отправили в Новочеркасск (они и сейчас, в начале XXI века, лежат на подставках у входа в Музей Донского Войска). А английские военно-морские флаги отправили в Санкт-Петербург, в Морской музей. Как свидетельство морской победы донских казаков. За что были удостоены похвалы на страницах «Морского Сборника». Морской корабль был захвачен кавалерией! Такой пощечины Королевский флот ее Величества не получал, пожалуй, со времен своего основания. Ни от кого. Только от донских казаков.

Закончилась война. От русского Черноморского флота остались одни воспоминания. От Севастополя — руины. Лишь баркасы Азовского казачьего Войска оставались в строю, доказав свою состоятельность для войны на море. Но царские адмиралы по-прежнему скептически кривили губы при упоминании о казачьем флоте. Казачий флот — в их понимании — дело сухопутное. Приказ по Военному министерству

№ 34 от 20 февраля 1856 года повторил Указ Императора от 19 февраля: «О пожаловании чинам Азовского Войска прав и преимуществ, чинам армии предоставленным».

К марту 1861 года на Сухумской военно-морской станции несли службу 18 казачьих команд при 12 офицерах на 22 барказах. На Константинов-ской: 1С) барказов при 26 командах и 4 офицера. К лету ВМС Азовского казачьего Войска насчитывали 26 команд, 16 офицеров и 52 вооруженных судна, включая учебные. Для сравнения: согласно мирному договору, подписанному Россией в Париже в марте 1856 года, русским разрешалось оставить на Черном море только шесть (!) паровых фрегатов. Барказ, конечно, не паровой фрегат, но 6 против 52 — это впечатляющая разница!

Даже боевая подготовка «чинов армии» должна была проходить на море, на вооруженных судах. 29 августа 1861 года император Александр II утвердил Положение Военного Совета Военного министерства, согласно которому предписывалось: «Для практического учения казаков-азовцев построить два барказа в Ростове-на-Дону в счет Интендантства Кавказской армии». То есть на реке Дон строили учебные суда азовцев. При этом отмечалось, что «Азовские и Новороссийские (Военно-морская станция азовских казаков Константиновская — это нынешний город Новороссийск. Получается, что запорожцы-азовцы еще и основатели города Новороссийска?) казаки, во время перехода морем, вместо кормовых денег, получают довольствие наравне с морскими чинами, но за счет Войсковых сумм». И опять же — образ жизни и службы морской, бюрократическое подчинение — сухопутное. Не в этом ли кроется истинная причина кончины Азовского казачьего Войска?

Впрочем, официальная причина так и не была 5- объявлена. Историк Азовского Войска, потомственный азовский казак — Гаденко, в своей книге верноподданнически объяснил это тем, что, дескать, «окруженное мирным населением, управляемое своими особыми положениями, Азовское казачье Войско вносило диссонанс в окружающую его обстановку, поэтому его упразднение являлось логическим концом его кратковременного существования». Но, если следовать его логике, «вносило диссонанс» тогда и Донское Войско, и Кубанское, да любое казачье Войско империи было «окружено мирным населением». Но их отчего-то не переселяли и не распускали. Против разоружения и переселения азовских казаков выступил граф Евдокимов. «К переселению Азовских казаков, **приобретших характер морского населения** (выделено мною. — Примеч. авт.), можно приступить, лишь когда будет закончено замирение Черноморского побережья». Аристократ оценил морское искусство азовских казаков и отмечал, что пока на море появляются вооруженные галеры непокорных горцев — оставаться без казаков-моряков нельзя. Его поддерживал другой именитый аристократ России — граф Строганов. Но все тщетно — уже весной 1862 года с военно-морской станции Константиновской (ныне город Новороссийск, новороссийские казаки) было выселено 206 казачьих семей. Из станиц Покровской и Никольской на Кавказскую сухопутную линию, однако порознь и без оружия. Казачьи семьи заволновались — станичники стали вооруженным бивуаком у Анапы и категорически отказались исполнять правительственные указания. Перепутанные чиновники вызвали войска — в ответ казаки заняли круговую оборону... С обеих сторон стали взводить курки.

Тут на царских бюрократов нашло отрезвление. Доводы для Петербурга о том, что азовские казаки — бунтовщики, даже они посчитали неубедительными. Многие знали об их верности самодержавию в мае 1828 года и о храбрости в Крымскую кампанию. Дойди дело до вооруженного столкновения между казаками и армией — виноватили бы не казаков, а чиновников. В итоге казакам оставили оружие и разрешили заселяться на новых землях компактно. На Кавказе запорожцы-азовцы основали тогда четыре станицы: Северскую, Азовскую, Дербентскую и Панойскую.

Известия о том, как проходит переселение на Кавказ, достигли станиц Азовского Войска — Ново-Спасовской и Петровской. В куренях забурлило недовольство — не подчинимся, казаки не трусливые холопы! Слава Богу, ходили и на турка, и на черкеса, и

англичан не страшились. Не поедем! Надо послать к царю — пусть, как его прабабушка Екатерина Великая, он выслушает казаков! Поверит, как батюшка его, Николай Павлович, вечная ему память! Решили — тайно от начальства пэслать делегатов в Петербург, к самому царю!

В то время обращение на Высочайшее имя без уведомления непосредственного начальства, «через голову», приравнивалось к государственному неповиновению. И каралось в зависимости от обстоятельств. Может быть, казаки и не решились бы на такой шаг, но случился у них советчик-подстрекатель из соседнего Бердянска — Лейба Шепель. Из-за чего этот местный предприниматель принял близко к сердцу проблемы казаков — неизвестно. Но он дал денег в долг на дорогу до столицы двум азовским казакам — Шевченко и Водолацкому (уже не предок ли Войскового Атамана Донского Войска начала XXI века. — Примеч. авт.). Те уже было двинулись в путь, да одумались. И вовремя. Генерал-губернатор Новороссийского края Коцебу был неглупым и решительным человеком. Он не стал направлять воинские команды в мятежные станицы. А поехал туда сам, с малой свитой. Да собрал на станичную Раду именитых казаков... И, говоря современным языком, доходчиво объяснил им политику царского правительства.

Переселение пошло живей. Во-первых, казакам оставляли личное оружие: сабли и пистолеты (только орудия и нарезные ружья подлежали передаче в арсенал Кубанского казачьего Войска). Во-вторых, разрешали переселяться компактно. А в-третьих, кто не хотел уезжать далеко, мог приписаться к казакам Кубанского Войска. Уже к лету 1862 года на Кубань было переселено 5 офицерских семей, казачьих — 504. Итого — 2530 душ обоего пола пополнили Кубанское казачество.

Следующий год был таким же неспокойным. 22 февраля 1863 года Управление Иррегулярных Войск Военного министерства издало Приказ № 215 — «Об упразднении Азовского казачьего Войска». Согласно ему все пожалованные этому Войску знамена за боевые отличия, барказы с артиллерийским вооружением и 520 нарезных ружей сдавались арсеналу Кубанского Войска. 5 июля того же года Великий князь Константин и военный министр граф Милютин подписали еще один документ — «Положение об упразднении Азовского казачьего Войска». По нему военное и морское имущество Азовского Войска и знамена сдавались уже не казакам-кубанцам, а регулярной армии. И вновь началось насильственное переселение на Кавказ — в 1863 году туда отправили 80 офицерских и 707 казачьих семей, общей численностью в 5520 человек разного пола и возраста. Еще 550 семей выселили в следующем году.

Предписание военного министра о передаче имущества азовских казаков уже не кубанцам, а армейцам имеет свое объяснение. Незадолго до этого — 4 мая 1863 года — император Александр II подписал указ, по которому «для службы на барказах у Кавказских берегов, взамен Азовских казаков, командировать от Морского ведомства, на четыре года, 200 человек нижних чинов (матросов регулярного флота. — Примеч. авт.) и 16 офицеров, состоящих по резервному флоту, с производством им всего содержания от сухопутного ведомства».

Кажется, выявился истинный «заказчик» смерти морского Азовского казачьего Войска. Военно-морская бюрократия — детище Петра Великого. По Парижскому мирному договору, который подвел итоги Крымской (Восточной) войны, Россия не могла иметь военный регулярный флот и военно-морские базы на Черном море. От прежнего огромного Черноморского флота, флота адмиралов Ушакова и Лазарева, оставалось под Андреевским флагом всего шесть паровых корветов (а в 1866 году запретили и их). От прежнего Черноморского Адмиралтейства в Севастополе сохранялось лишь малочисленное Морское управление в Николаеве. Большая часть боевых адмиралов, офицеров и матросов эскадр Корнилова и Нахимова полегла на курганах Севастополя или лечила боевые раны. Но сохранились «эскадры» военно-морской бюрократии, непотопляемой, как вонючий продукт жизнедеятельности человеческого организма. Ей кем-то надо было управлять, помимо шести малых кораблей. Вот и решили «наложить длань» на

Азовское Войско. Заменив опытных мореходов второсортными моряками Морского ведомства.

Во всем процессе расформирования Азовского Войска ощущался стиль бездушной казенщины. Не было прощального всеобщего построения, теплых напутственных слов благодарности за 32 года тяжелой и кровавой службы. Боевые знамена, покрытые славой морских сражений, сдавались чужакам, как какой-то штатный хлам в кладовку. Во многом это была вина последнего Наказного Атамана Войска. Им был генерал-майор, бывший командир армейского гусарского полка — Решетов. Природному кавалеристу морские заслуги азовцев казались, видимо, какой-то необъяснимой странностью. Что это за парадокс такой — казаки на море?

Надо заметить, что после отставки атамана Гладкого азовцам с вожаками не везло хронически и сильно. Его прямым преемником был полковник Черноморского казачьего Войска Бирахович. Он повел их в бой против турок и англичан в Крымскую войну. Но вскоре после наступления мира его сняли с должности и отдали под суд за какие-то старые прегрешения во время службы на Кавказе. Нового атамана — полковника Черноморского Войска Косалапа — постигла та же участь. Дослужился до генерала и тут же был отдан под суд. То ли он украл, то ли у него украли... Старый вояка до суда не дожил, скончавшись от стресса. Его сменил гусарский генерал.

Нет сомнений, что, окажись к 1862 году на посту Наказного атамана Азовского Войска сильная личность, Войско если бы даже не удалось спасти, то, по крайней мере, процесс расформирования не приобрел бы такие драматические формы. Можно даже сказать — оскорбительные по отношению к воинской чести азовских казаков. А так, сам Наказной Атаман, похоже, был заинтересован в скорейшей ликвидации своей должности. Поэтому единственными, кто заставил уважительно относиться к Азовскому Войску, были сами казаки.

11 октября 1865 года император утвердил уже четвертый документ, касающийся процесса «географических похорон» азовских казаков, — «Положение о совершенном (то есть окончательном) упразднении Азовского Войска». Процесс явно затянулся, и причины тому — крепость казачьего духа и верность традициям. Часть азовцев даже обрадовалась, когда им разрешено было больше не служить... (Например, отец историка Войска — Гаденко охотно променял саблю на чернильницу судебного следователя и отказался от казачества. Зато родной дядя был предан военному ремеслу и, даже переехав на Кавказ, продолжил военную службу до дня гибели в бою.) Многие семьи азовских казаков «кололись» на тех, кто хотел лишь ловить рыбу и выращивать виноград, и тех, кому легче было умереть, чем отречься от казачьего имени. Таковых больше всего оставалось в станице Покровской. Были еще 23 семьи — прямые потомки тех запорожцев, что пришли за Гладким в Россию. Они на Кавказ ехать отказывались наотрез. Умрем — но казаками!

Уже шла весна 1866 года, прошел год, как царь подписал указ об их «совершенном упразднении», а они все не хотели покидать места, к которым прикипели душой. В конце концов, царские чиновники пошли на компромисс. Бог с вами, оставайтесь в составе Кубанского Войска отдельной станицей! И остались. К лету 1866 года в местах, где еще недавно трепетали на ветру паруса барказов Азовского Войска, не стало ни одного казака. Да и самого Войска тоже. Последнего морского казачьего Войска Российской империи.

Даже неглубокий анализ тридцатидвухлетней военно-морской истории Азовского казачьего Войска позволяет дать ему высокую оценку. Моряки-казаки в 1828 году провели успешную десантную операцию на Дунае и разгромили турецкий флот у Браилова в Мачинском рукаве. В период с середины 1830-х годов до середины 1840-х полностью контролировали прибрежные районы в восточной части Черного моря, проведя по меньшей мере три успешных боя с группами турецких и черкесских судов. За эти победы на море казаки заслужили четыре наградных знамени и несколько десятков Георгиевских крестов.

В Крымскую (Восточную) кампанию 1853—1855 гг. они увеличили свой боевой счет минимум на 8 крупных транспортных турецких судов, серьезно осложнив действия неприятельского флота на коммуникациях по снабжению своей кавказской армии. Казачья Рионская гребная флотилия (имея всего 7 гребных, слабовооруженных барказов) фактически выполняла задачу, свойственную регулярному крейсерскому, а в XX веке — подводному флоту. Увы, но действия казачьих адмиралов и офицеров (потопивших больше вражеских кораблей, чем имели в своем подчинении сами) не нашли положительного освещения в истории отечественного военно-морского искусства.

Нет сомнений, что Адмиралтейство Российской империи, отказавшись в XIX веке от иррегулярных морских сил береговой охраны и обороны в Черном и Азовском морях, совершило стратегический просчет. Закрытость и сравнительная мелководность их акваторий существенно снижали возможность использования крупных эскадр глубокосидящих кораблей. Кроме того, содержание регулярного ЧФ, в сравнении с казачьим, обходилось стране большими тратами из бюджета. И главное, после 1853 года, вплоть до 1916-го — русский Черноморский флот никогда не добивался господства на море, не говоря уже об успешных попытках прорыва в Средиземноморье. Казаки — запорожские и донские, в XVI— XVII и в начале XVIII века считали это трудным, но часто выполнимым делом.

Морское казачество, назовем его так, представляло собой уникальный и многовариантный вид ВМС, включавших в себя: морскую пехоту — способную к осуществлению морских десантов в глубоком тылу противника, флотилию для крейсерства на морских коммуникациях врага, морского дозора, охраны собственного водного района, береговой артиллерии и сил по уничтожению чужих морских десантов. Способности ко всем этим видам военно-морской службы морские казаки не раз доказывали на протяжении XVII— XVIII веков.

Азовское Войско было последним в истории России военно-морским формированием казачества. «Лебединой песней» его как морского сословия.

И еще один штрих, выявленный в процессе изучения истории Черноморского и Азовского казачьих Войск. Подмечено, что и сейчас между казаками Донского и Кубанского Войск существует плохо скрытая враждебность. Хотя в период, предшествующий образованию Российской империи, донцы и запорожцы (предки кубанцев) были братьями по оружию в южных морях. Российские императрицы и императоры, предоставив переселенным запорожцам земли на Тамани и вдоль берегов Азовского моря, фактически отняли их у донцов, чей «морской дух» выбил раз и навсегда еще Петр I.

Запорожцы-кубанцы, дольше сохранившие свою «мореходность», считали донцов покорными холопами Московии (забыв 20 тысяч казненных казаков-«булавинцев»), которым не хватило мужества покинуть родимый край ради спасения казачьей воли (что они сами сделали в XVIII веке).

Донские казаки не простили запорожцам их службы турецкому султану — общему ранее врагу и использования их бывших берегов (стоит только вспомнить, что Войсковое правление Азовского Войска находилось в старой прибрежной крепости донских казаков). Это противостояние, въевшееся в кровь на уровне генетической памяти, не изжило себя и до начала XXI века.

ЧАСТЬ IV
МОРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ X1X-XX ВЕКОВ

Морское сословие — это объединение людей, использующих морские ширь и глубину для самых обыденных, житейских целей. Море для них в самую последнюю очередь место подвига в морских сражениях.

Это глава о тех казаках, которые не брали на абордаж турецкие корабли и

черкесские галеры, кто не носил погоны и кортик офицера или адмирала регулярного русского флота. Но если говорить о казаках как о морском сословии, то невозможно не упомянуть о станичниках: морских путешественниках, капитанах торгового и промыслового флотов дореволюционной России, об океанологах и деятелях искусств и наук, посвятивших себя морю. Можно сказать, что герои этой главы и являются самыми важными свидетелями в подтверждение того, что казаки — это именно морское сословие. Люди, для которых плавание по морским волнам так же обыденно, как для мужика-хлебороба поездка на телеге.

ГЛАВА 11
Андрей Николаевич Краснов
(первый донской казак, совершивший кругосветное плавание)

Я люблю море, но боюсь его беспредельности, которую не могу объять.

Профессор А. Н. Краснов

Эти слова сказал незадолго до своей кончины человек, который никогда не служил в военном флоте, не водил по волнам торговые суда. Но по числу пройденных им морей и океанов профессор Харьковского университета и действительный член Русского Императорского Географического Общества — Андрей Николаевич Краснов мог «оставить за кормой» многих адмиралов царского флота и капитанов дальнего плавания.

Будущий казак-мореплаватель родился 27 октября (по старому стилю) 1862 года в Санкт-Петербурге, в семье генерала Донского Войска Николая Ивановича Краснова. Это его отец, будучи еще есаулом, в Крымскую (Восточную) войну на мелководье Таганрогской косы в Азовском море, пленил английскую канонерскую лодку. Его родной брат — Петр, воспитанник столичного кадетского корпуса, в 1918 году стал генерал-лейтенантом и Атаманом Всевеликого Войска Донского.

Вопреки семейным традициям, гимназист Андрей Краснов не избрал военную карьеру. В первую очередь по причине слабого здоровья. После перенесенной болезни он прихрамывал. Поэтому впечатлительный мальчик не мечтал о блестящем мундире кавалерийского или флотского офицера, а запоем читал романы Жюля Верна. Под влиянием творчества французского писателя-фантаста он определил свой жизненный путь: путешествия и естественные науки. Его убеждения разделял и одноклассник по гимназии — Владимир Вернадский.

Летом 1880 года Андрей Краснов окончил гимназию с золотой медалью. По давней традиции, он отметил прощание с учебой — вдвоем с Вернадским они выгребли на лодке на середину Невы и вышвырнули за борт опостылевшие учебники. Если бы юный абитуриент факультета естественных наук столичного университета Краснов знал, что большую часть своей научной деятельности он проведет на воде?! Тем более что он стал студентом не океанологом, а ботаником.

В 1883 году он закончил университет. И лишь спустя девять лет дипломированный ботаник Краснов вступил на палубу морского судна, отправляясь в путешествие по странам и морям Азии. Он отлично зарекомендовал себя в научном мире, а главное — определился в направлении своей научной деятельности на пользу Родине.

К концу XIX века в России чай пили практически в каждой семье. Разный. Свой, таежный, заваривали сибиряки. Свой чай цедили из пиал в кишлаках Туркестана и в юртах бурят. Но основная масса подданных Императорского дома Романовых разбавляла кипятком из самовара экспортный чай. Разных сортов, разной степени качества, разной стоимости. Состоятельная же часть общества очень ценила дорогостоящие сорта цейлонского или индийского чая, что разгружали в морских портах с «чайных па-

роходов». Любовь к чаепитию у православных потребителей оборачивалась для иностранных коммерсантов огромными прибылями.

Андрей Николаевич поставил перед собой задачу — вырастить сорта чая на территории Российской империи, по своим вкусовым качествам не уступающие заморским. 4 января 1892 года, не дождавшись завершения рождественской недели, он сел в поезд до Одессы. В порту его ждал морской пароход.

Поклонник творчества Жюля Верна пересек Черное, Средиземное и Красное моря и вскоре вышел в Индийский океан, а затем и в южную часть Тихого. В его водах он посетил острова Цейлон и Ява. Достиг Японии, Китая и территории современного Вьетнама. И везде — на большом и малом острове, на Азиатском континенте — его интересовало одно — травянистые покровы этих богатых чаем земель.

По возвращении в столицу его отчет об экспедиции произвел фурор в научном мире. Имя донского казака сразу стало лидирующим среди ученых-чаеведов. А его утверждение о принципиальной возможности выращивания ценных сортов чая в субтропической части Российской империи вызвало интерес не только у владельцев чайных торговых домов, но и в окружении молодого царя — Николая Второго. В 1895 году профессор Краснов вновь отправился в путешествие, оказавшееся кругосветным. На этот раз его научная командировка имела еще статус и правительственного поручения. Поскольку организовывалась Министерством двора Его Императорского Величества (исторический предшественник администрации президента. — Примеч. авт.).

Ботаник-мореплаватель Краснов пересек Атлантический и Тихий океаны, тщательно изучив травянистый покров ландшафта Американского континента с востока на запад. К концу своей экспедиции, длившейся более года, он был готов на практике доказать возможность исполнения своей мечты.

К тому времени, когда донской казак Краснов перебрался с семьей в Батуми, он имел репутацию бывалого мореплавателя. Еще бы, он побывал в трех океанах и в морях самых различных географических широт. Но если кумир его гимназических лет — Жюль Берн «путешествовал» и «совершал открытия», не выходя из домашнего кабинета и не вставая из-за письменного стола, то Андрей Николаевич «прошел по следам» его героев собственными ногами, невзирая на слабое здоровье.

Слава о его плаваниях стала предметом гордости донских казаков. Когда в 1909 году в Новочеркасске вышел биографический сборник «Донцы XIX века», описывающий славные деяния сынов донского казачества, то среди имен военачальников и атаманов было и имя ученого-ботаника Краснова.

Так же, как герои сражений под пулями, Андрей Николаевич в научной Деятельности относился к себе беспощадно. С яростью кавалерийской атаки он бросался на решение научных и организационных задач. За дело создания Батумского ботанического сада он взялся с такой же решительностью, как когда-то его отец — за штурм английской канонерки.

День 3 ноября 1912 года был его триумфом: торжественно был открыт ботанический сад, ставший главным делом его жизни. Он ликовал и строил грядущие планы. Но болезнь подтачивала и так не богатырский организм, «съедая» его, как ржавчина корпус корабля. Чахотка, то есть туберкулез, становится заметна только тогда, когда уже неизлечима. Не помогал даже теплый климат субтропиков и становление любимого сада.

А тут еще начавшаяся война с Германией и Турцией сильно осложнила работу, практически парализовав международные связи научного центра, которым фактически стал Ботанический сад. Все мечты Андрея Николаевича были разрушены линиями фронтов, закрыты зонами морских блокад.

Он работал до последних дней, пока мог держать | в руках перо. 14 декабря 1914 года ему стало очень плохо. Перевезли в больницу Тифлиса (ныне Тбилиси), но врачи уже

бессильно разводили руками.

За два месяца до кончины Краснову исполнилось 52 года. Для ученого с мировым именем — молодой возраст. Его последний в жизни день рождения отмечали очень скромно, в узком кругу семьи и ближайших друзей. Посидев за столом, вышли на главную аллею Ботанического сада, где ясно слышался грозный рокот осеннего моря.

«Хочу, чтобы меня похоронили здесь, — вдруг сказал Андрей Николаевич своей единственной дочери Вере (осенью 1943 года она жила в оккупированном гитлеровцами Крыму под фамилией мужа — Омерова), — чтобы я мог слышать шум моря».

Донской казак Андрей Краснов, первым в истории Донского Войска совершивший кругосветное путешествие, скончался 19 декабря 1914 год а.

Его предсмертную просьбу выполнили. Уже в советское время на месте его захоронения брату бело-казачьего атамана поставили памятник. Как основателю и первому директору Ботанического сада.

Есть на земле памятники донским казакам: Ермаку, Платову, Бакланову... Сооружены памятные знаки казачьим полкам. Но все это монументы военным.

Памятник профессору Андрею Николаевичу Краснову, стоящий и ныне в Батуми, — единственный памятник донскому казаку-ученому. Единственный памятник донскому казаку за границей. Единственный памятник донскому казаку — морскому путешественнику.

ГЛАВА 12
Казаки - судовладельцы торгового флота

Существование невоенного казачьего флота в Черном и Азовском морях является самым ярким критическим фактом в отношении российского флота, созданного Петром I. До его «реформ» в Московии и в казачьих республиках Дона, Терека и Запорожья флот купеческий и промысловый определял потребность во флоте военном. Торговых судов строили много. Военных мало, больше из экспериментального интереса. В первой главе представлено много примеров, когда казачьи суда, по проекту не военные, успешно громили флоты Турции и Персии.

После 1696 года все усилия по судостроению были сконцентрированы на военные цели. После смерти Петра мало что изменилось. Если сравнить тоннаж российских военного и торгового флотов в период с 1б9б по 1856 год, то будет очевиден громадный перекос в сторону боевых кораблей. При том, что когда вражеские эскадры подходили к главным базам русского военного флота, то на Балтике он храбро прятался за бастионы крепости Кронштадт. А на Черном море, когда англо-французская эскадра показалась у Севастополя, русский флот мужественно затопил сам себя. Русские адмиралы еще более-менее успешно сражались с эскадрами флотов угасающих монархий — Турции и Швеции. Но сразиться в открытом бою с передовым флотом стран Европы — этой мысли адмиралы Петербургского Адмиралтейства пугались, как барышни дохлой мыши.

Флот под Андреевским флагом был, по сути, дармоедом, так как без отдачи пожирал немалую долю бюджета империи. Доходная часть морского флота — экспорт и импорт в России — фактически была отдана в руки иностранцам. А если еще точнее — протестантам Голландии и Великобритании, главным «заказчикам» преобразований Петра I. Это на Балтике (кстати, по грузообороту балтийские порты России «переплюнули» старинный русский порт Архангельск только к концу XVIII века).

На Черном море русский флот прочно утвердился лишь к началу XIX века. С большой кровью, с большими затратами. Но вплоть до 1828 года в Черном и Азовском морях не было ни одного невоенного парохода. Все береговые службы — лоцманские станции, маяки — находились в ведении военных.

Правда, первые попытки создать торговый флот в южных морях были предприняты еще при Николае I. В 1 833 году в Одессе было образовано «Черноморское пароходное

общество». Оно имело в собственности малый паровой пакетбот каботажного плавания и один морской пароход отечественного производства — «Николай Первый». Увы, сгорел вскоре «царский» корабль ярким пламенем, как и все пароходство. Лишь в 1835 году в Одессу прибыл новый пароход — «Петр Великий». Он был заказан в Англии и стал единственным судном, осуществлявшим пароходное сообщение между столицей Турции и русским побережьем. Плод рук английских корабелов, почтальоном он бороздил волны, словно символ главной идеи создания петровского флота — службы иностранным интересам. Больше новых невоенных пароходов за границей не заказывали и на отечественных верфях не строили. Как-то не нужно было.

Потребовался жестокий удар Крымской войны и Парижского мирного договора, согласно которому Российская империя лишалась права иметь военный флот на Черном море. И тут «обнаружилось», что иного, не военного, у России тоже в южных морях нет. Последовал Высочайший Указ от 3 августа 1856 года — «Об учреждении Русского Общества пароходства и Торговли» (РОПИТ). «Для развития торговли южного края России и пароходных, как торговых, так и почтовых сообщений этого края с русскими и иностранными портами» — так царь определял цели и задачи новообразованного общества. Надо отметить, что борьбу за южные окраины России вели многие русские цари и императоры, но ни один из них подобных указов не подписывал. «Почтовые и торговые сообщения с иностранными портами» можно было прекрасно осуществлять посредством парусников, но за 1 30 лет существования Российской империи до 1856 года никто этим как-то сильно не озадачивался.

Что же касается казаков — донских и кубанских, то они в царских указах не нуждались. В отличие от военных моряков казаки всегда имели свою, упорядоченную лоцманскую службу в гирлах Дона и Кубани.

В 1833 году в Одессе имелось всего два судна под русским торговым флагом. В том же году каботажный флот Азовского моря насчитывал 109 торговых судов различного тоннажа и класса. Это не считая бесчисленной флотилии рыболовецких барка-зов. Промысловая ловля рыбы в море для низовых донских, кубанских, терских и яицких (уральских) казаков всегда была самым естественным занятием.

До эпохи Александра II мореходных училищ, готовящих специалистов для торгового флота, в России не существовало. Но в штурманских классах Севастополя и Николаева с 1829 года ежегодно сохранялось шесть вакансий для казачьих сыновей. На их содержание и обучение низовые донские казаки «ежегодно выделяли четыре тысячи рублей. Выпускники классов становились квалифицированными штурманами торгового или промыслового флота.

Среди донских казаков, главным образом низовых, было выделено торговое сословие. Станичники-купцы, как и казаки-учителя, и преподаватели различных учебных заведений, имели освобождение от военной службы. И именно из этой среды, после того как с 1856 года коммерческое мореплавание получило статус государственной политики, вышли владельцы судов и судоходных компаний — олигархи морской торговли.

В числе запорожских казаков, переселенных на берега Азовского моря, был и носитель забавной фамилии — Падалка. Вероятно, что после роспуска Азовского казачьего Войска он перебрался в станицу Аксакайскую, приписавшись в донские казаки. Потомок запорожцев стал родоначальником фамилии донских казаков — Падалкиных.

После 1856 года его прямой наследник — Петр, стал владельцем парусного грузового судна. Загружал трюмы донской пшеницей, солью, древесиной во многих портах Черного и Азовского морей. Его парусник проникал сквозь проливы в Средиземное и Эгейское моря, бросая якоря в купеческих гаванях портов Турции и Греции. «Морской дальнебойщик» — донской казак Петр Падалкин слыл удачливым мореходом. Росло его богатство, мог бы и стать основателем крупной судоходной

компании. Но ему не повезло: из одного рейса капитан дальнего плавания и судовладелец не вернулся. Морская буря поглотила морехода-казака вместе с его парусником.

Его сын — Алексей, 1893 года рождения, сначала думал следовать «курсом» отца, поступив в Аксакай-ское мореходное училище, расположенное в родной станице Аксакайской (в пределах Области Войска Донского имелось три мореходных училища. В начале XXI века в одном только Ростове-на-Дону их три. — Примеч. авт.). Но, проучившись какое-то время, воспитанник мореходки перешел на службу в донскую кавалерию. Потомок казаков-мореходов Алексей Петрович Падалкин еще блестнул в истории гражданской войны. Атаман Всевеликого Войска Донского, генерал П. Н. Краснов в 1918 году направил именно его с тайной миссией в красную Москву: прозондировать возможность заключения перемирия между большевиками и республикой Донских казаков. Ему удалось, с большими трудностями, выбраться из советской столицы. Скончался он в эмиграции, оставив воспоминания о своей не-удавшейся миссии. (Однако их почему-то так и не решились опубликовать в изданиях белоказачьей эмиграции. Видимо, слишком уж «изменнической» белому делу казалась миссия «казачьего Даллеса».)

Более удачливым оказалось предприятие донского казака-старовера Елпидифора Тимофеевича Парамонова. В 1884 году он приобрел у итальянского купца Вальяно первый морской пароход. Потом, на местных судоверфях на речке Калаче, заказал по-стройку еще шести морских барж, общей стоимостью 150 тысяч рублей (большая сумма по тем временам). Несмотря на то что коммерческое судоходство являлось лишь одним из видов бизнеса семьи Парамоновых, убыточным оно не было. Рос оборот морских и речных перевозок, рос оборот капитала. В 1908 году Елпидафор Парамонов заключил грандиозную сделку. Он выкупил флот Волго-Донского пароходства. Целиком приобрел старейшую транспортную артерию. Этот шаг в одно мгновение выдвинул его в число самых состоятельных людей России начала XX века.

Причем немалая часть судов обладала мореходностью, достаточной для выхода в Азовское и Каспийское моря. Его примеру последовал брат Иван, в 1913 году купивший на свое имя морской пароход. К1917 году «морская армада» Торгового дома Пара-моновых состояла из трех морских, 23 речных пароходов (часть из которых принадлежала к классу «река—море»), 105 морских и речных барж. Общий капитал судовладельцев-казаков Парамоновых составлял более 10 миллионов рублей, что даже с учетом инфляции четвертого года войны прочно держало «на плаву» их семейное дело. Один из сыновей Елпидифора — Николай, был влиятельным членом партии конституционных демократов (кадетов) и играл заметную роль в политической жизни Донского Войска в период 1918—1920 годов. Экспроприация и эмиграция лишили его наследственных капиталов. Уцелевшие после гражданской войны морские и речные суда «Торгового Дома Парамоно-вых» перешли в собственность советских пароходств.

И еще о невоенных морских судах донцов. К началу мировой войны российские мореходные училища торгового флота имели всего три учебных судна. Таганрогское и Ростовское мореходные училища имели одно из них — парусник «Святой Ипполит», водоизмещением в 1б8 тонн. Примечательно, что он был построен и содержался на частные пожертвования, в том числе и казаков-судовладельцев. Вообще, к началу Первой мировой войны древний казачий порт в Азовском море — Азов — был центром парусного флота в южных морях Российской империи.

Можно добавить еще такой факт — к 1913 году в ведении Кубанского казачьего Войска находилась приготовительная мореходная школа в Анапе, где обучали матросов торгового Кубано-Черноморского торгового пароходства.

Даже защита морского промысла в Черном море и в низовьях Кубани от браконьеров была возложена на казаков-кубанцев. Так, в 1913 году смотрителем рыбоохраны 6-го рыболовецкого участка области Кубанского казачьего Войска служил хорунжий — Павел Андреевич Лещенко.

ДОНСКОЙ КАЗАК ФЕДОР ТРАИЛИН - РЕФОРМАТОР РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Федор Константинович Траилин — донской казак, потомок старинного казачьего рода, составляющего интеллектуальную элиту Донского Войска. По образованию он был инженером-механиком, вероятно, торгового флота, так как в списках офицерских чинов Морского ведомства Российской империи его фамилия не значится. Но несомненно, что летом 1905 года для него, как и для каждого патриота того времени, мысль о судьбе русского флота была горька и болезненна. После катастрофы в Цусимском проливе многие мыслящие люди, и военные моряки, и торговые, армейские и штатские, пытались разрешить проблему — на каких принципах возрождать отечественный флот? То, что это нужно, никто не оспаривал. Уже с лета 1905 года по России начался стихийный сбор народных пожертвований на строительство новых кораблей. (Донское казачество не осталось в стороне. Уже к 1914 году в составе Балтийского флота появился новый эскадренный миноносец — «Донской казак», созданный на деньги станичников.) Но какие именно корабли строить?

В «Областных Донских Ведомостях» № 127 от 19 июня 1905 года, со ссылкой на № 8693 столичной газеты — «Биржевые Ведомости», была опубликована статья — «Морские казаки». Ее автор — казак Федор Траилин, описывал изобретенный им «Проект полуподводного судна с паровым двигателем, снабженным внутри коробками с воздухом, герметично закупоренными, как пузыри у рыб». Но это была не только сверхпередовая техническая новинка, это была идея принципиально новой системы формирования кадров ВМФ, тактики применения боевых кораблей, по которой можно было возрождать флот.

«*Если моему изобретению суждено принести пользу, то решение должно бы последовать неотложно. Намеченный мною прием борьбы измышлен 2—3 века назад нашими предками — донскими казаками на Азовском и Черном морях. Казаки никогда не имели на море поражений от неприятеля* (здесь изобретатель Траилин преувеличивает, забывая о неудачных для донского флота сражениях с турками в XVII веке, но это его единственная ошибка в этой статье. — Примеч. авт.), *потому, что* не имели кораблей (выделено в тексте публикуемой статьи Траилиным. — Примеч. авт.). *Но на стороне их была огромная сила против исконных врагов — турок на море. Это сила — каюки быстроходные, при их многочисленности, а главное непотопляемости. Изобретенное мною судно, типа «Левифиан», так названное по способности не тонуть, быстро плыть, легко вращаться* (в смысле — обладать сверхманевренностью. — Примеч. авт.) *и моментально останавливаться на полном ходу. Если раздробить один 10-миллионный броненосец на равные части, каждая стоимость по 15 000 рублей, то получится неодолимая минная флотилия в 666 «каюков-левифианов». Возникнуть эта флотилия может в короткий срок, с перевозкою на театр морской войны по железным дорогам, так как они разборные. Вооружение «Левифиана-каюка»: 1 мина на носу* (имелся в виду однотрубный торпедный аппарат. В начале XX века торпеды называли еще «самодвижущимися минами». — Примеч. авт.), *одно орудие — «митральеза» на корме. Экипаж: 5 человек с капитаном (он же атаман), 5 матросов и 5 артиллеристов. Итого: 15 человек, а на 666 — 9 тысяч 990 человек. Наименование флотилии — «Морские казаки».*

«Каюкам-Левифианам не страшны подводные лодки японцев, опасные для броненосцев, а тем более орудийные, дорогостоящие снаряды. Палить по ним, в буквальном смысле — пушкой по воробьям ».

Эта флотилия пигмеев сокрушит великанов не физической силой, а многочисленностью своих ядовитых жал.

Следует поспешить с выполнением задачи, дабы не узнали этого плана японцы, к сожалению, переимчивые и предприимчивые, и не успели забежать вперед, для

противовеса «морским казакам». «Левифиан» можно бронировать по образцу черепахи: броня его должна стоять к линии полета снаряда под острым углом в 45 градусов, если же перед тем она будет покрыта салом (надо надеяться, что Траилин под этим словом имел в виду все же какую-то техническую смазку, а не закуску, поскольку двигатель «левифиана» казаков должен был работать не на спирту. — Примеч. авт.)*, то вполне достаточно толщины брони в 2 миллиметра стальных листов, чтобы вызвать рикошеты, не только пуль и картечи, но и снарядов мелкокалиберных пушек. Броня их на носу, корме и по бортам — съемная*».

Вот такое вот «чудо-оружие» на море предлагал построить донской казак. При всей кажущейся фантастичности этого проекта, он вызвал интерес профессионалов — морских инженеров. Можно было понять почему. Вдоль днища такого судна предполагалось построить коридор без пола, где должен был быть установлен винтовой двигатель и плавники, исполняющие функции руля. А также тормоз, для мгновенных остановок судна в полете! Сбоку от форштевня Траилин предлагал установить горизонтальные выдвижные миниатюрные паруса, для образования воздушной «подушки» между килем и поверхностью морских волн. Классического руля на этом судне не предусматривалось вообще, оно должно было управляться и в плавании и в полете горизонтальными рулями, расположенными по бортам форштевня.

Предлагали собрать деньги, совсем небольшие — 600 рублей для постройки действующей модели. Она предполагала длину — 32 аршина, ширину — 4 и высоту — 3.

Построена ли была модель или нет — неизвестно. Вероятнее всего, что нет. И даже не потому, что морские вооруженные суда, летящие над морем по воздуху, казались современникам Траилина такой же нелепостью, как Наполеону Бонапарту когда-то морские корабли, двигающиеся без парусов. Донской казак — «морской Черепанов», ударил своим проектом по самому дорогому, что было у российского флота, по его «вечной ценности» — по береговой бюрократии. Флотилия казаков — хоть на судах на воздушных подушках, хоть на обычных — прекрасно бы заменяла дорогостоящие, но, по сути, бесполезные флоты линкоров и крейсеров на таких «закрытых» и «полузакрытых» морских акваториях, как Азовское, Черное, Каспийское и Балтийское моря. Если бы развить идею Траилина, создать казачье «военно-морское сословие», то это означало бы должностную смерть всей многочисленной «армии» береговых служб Черноморского флота и Каспийской флотилии. Существенно уменьшились бы бюджетные расходы, а значит, и численность береговых служб Балтийского флота. Судостроительные заводы Петербурга и Николаева вместо многомиллионных заказов от военно-морского ведомства на строительство огромных линкоров и крейсеров клепали бы смехотворные «заказики» в 15 000 целковых за разборный, как конструктор-игрушка, казачий «Левифиан». (Хотя могли бы строить крупнотоннажные отечественные торговые суда — танкеры, зерновозы и лесовозы, для богатого российского экспорта.) А «взводы» адмиралов столичного и Черноморского адмиралтейств — их куда пришлось бы девать?

Словом, широкое строительство «черепах» Траи-лина затрагивало бы интересы такого большого числа сановников в адмиральских погонах, что его идею затоптали так же решительно, как сердце горьковского Данко. Еще в 1905 году.

Но вот во всех описаниях процесса изобретения судов на воздушных подушках отмечается следующий факт: один из первых проектов такого корабля был разработан в 1927 году в Новочеркасске. На родине Траилина. Может, это и простое совпадение. Но похоже, что между проектом бронированного торпедно-артиллерийского катера на воздушной подушке 1905 года и проектом подобного судна 1927 года существует не только географическая связь.

КАЗАКИ - МЕДИКИ ВОЕННОГО ФЛОТА

Источником этих сведений послужила еще не изданная книга. Ее автором является

полковник медицинской службы, казак — А. А. Глухов-Ветлужских. Андрей Александрович в 1999 году в Санкт-Петербурге уже издал **на свои личные средства** (!) сборник казачьих песен «Играй, отецкая станица!». Тираж этого сборника всего 300 экземпляров, что сразу же сделало его труд библиографической редкостью. Так вот, врач-историк подготовил к изданию свою новую книгу — биографический сборник «Казаки — врачи». И в ней обнаружились имена казаков, прославивших свои имена под Андреевским флагом. Правда, в роли врачей боевых кораблей Императорского Балтийского флота.

Основоположником правил и норм судовой гигиены на боевых кораблях русского флота и врачебно-санитарного надзора на водных путях был потомственный казак Забайкальского Войска — Гавриил Андреевич Макаров. Он родился в 1870 году в столице Войска — в Чите. После окончания гимназии в Петербурге поступил сначала в университет, но позже перевелся в Военно-медицинскую академию. Окончив ее в 1896 году, дипломированный военврач начал службу на флоте — врачом 16-го флотского экипажа и одновременно Кронштадтского военно-морского госпиталя. Спустя четыре года стал доктором медицины. Сама «адмиральская» фамилия флотского врача — Макаров, обязывала к плаваниям. И в 1902 году казак-забайкалец занял каюту корабельного врача крейсера «Джигит», уходящего в дальний поход. Вернувшись в 1903 году в Кронштадт, он становится доктором 28-го флотского экипажа.

На Дальнем Востоке бушевала война с Японией, когда уже опытный корабельный врач отправился на фронт. Он попал в эскадру адмирала Рожественского на крейсер «Орел», пройдя с ней вокруг Африки и ад Цусимы. Был ранен в том историческом сражении. За Цусиму был награжден боевым орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами — нечастое событие в карьере военно-морских врачей.

После 1905 года доктор медицины продолжил службу на флоте. В 1910-м стал кавалером ордена Святого Станислава 2-й степени. В войне с Германией забайкальский казак прославился на Балтийском флоте — в 1915-м ему была вручена командованием Серебряная медаль «За отличие». Гавриил Андреевич был автором большого числа теоретических работ в области медицины. Как сложилась судьба казака-забайкальца после 1917 года — об этом узнать не удалось. Но нет сомнения, что имя казака-дальневосточника вошло в историю российского флота.

Архивы приоткрыли еще одно казачье имя из числа флотских врачей. Иван Иванович Лебедев — донской казак, сын урядника. Родился в донской станице в 1847 году. Классический разночинец, он мог быть прообразом тургеневского Базарова, если бы казачий дух не велел служить Престолу и Отечеству! Он поднялся с самых казачьих низов, добившись всего сам. В 1877 году, уже 30 лет от роду, Лебедев окончил Медико-хирургическую академию и стал врачом 7-го флотского экипажа Балтийского флота. Его биография изучена очень мало. Известно только, что он судовым врачом ушел в плавание на клипере «Крейсер» на Дальний Восток. Дальнейшая судьба — неизвестна.

АМУРСКО-УССУРИЙСКАЯ КАЗАЧЬЯ ФЛОТИЛИЯ

В 1899 году была создана Амурско-Уссурийская казачья флотилия. Собственно, описание этого события не должно было входить в данную книгу. Все казачьи Войска имели выход к судоходным рекам, но к морскому сословию это отношения не имеет. Тем более что рыбачьи суда в пресноводных Амуре и Уссури были всегда, как только там появились казаки. Заинтересовало другое. Российские императоры с начала XVIII века вели последовательную политику по уничтожению морского духа в казачестве. Казаков, «морских львов XVII века», упорно приручали, превращая в покорных кавалерийских лошадок. И вдруг, при последнем царе-батюшке, потребовалось санкционировать образование отдельной флотилии сразу для двух казачьих Войск.

Амур и Уссури просто кишели русскими судами !> различного назначения и собственности. Дымили трубами шесть угольных пароходов Военно-Инже-, нерного Комитета Военного министерства. Артиллерийское управление Приамурского военного округа тоже имело свой «флот» — пароход и баржу. Даже МВД имело под своим флагом целых пять барж. Вообще, по спискам судов Амурского речного порта, на плаву в 1909 году имелось общей численностью 205 угольных пароходов, 12 бензиново-моторных катеров и 280 барж. Не считая десятков парусников! Не считая Амурской военной флотилии под Андреевским флагом, которой в 1909 году как раз командовал донской казак А. А. Кононов. Она выполняла функции вооруженной пограничной флотилии. Словом, на речном фарватере и так было не протолкнуться, не разойтись... И нате вам, еще и отдельная казачья флотилия!

Численность ее была невелика. За Амурским Войском числился катер «Дозорный» и пароход со стальным корпусом — «Атаман». Уссурийские казаки располагали стальным пароходом «Казак Уссурийский» и грузовой деревянной баржой — «Лена». Итого четыре плавсредства — немного. Общая численность речников-казаков — 40 человек на все суда. Были ли вооружены пароходы со стальными корпусами палубной артиллерией? Этого уточнить не удалось. Зато точно известно, что лишь раз за всю свою историю суда флотилии «вступили в боевое соприкосновение с противником». Летом 1900 года, когда казачьи сотни амурцев и уссурийцев участвовали в подавлении «боксерского» восстания китайцев, флотилия перевозила грузы через реку на китайскую сторону для обеспечения своих экспедиционных войск. Так вот, однажды, когда казачьи •пароходы мирно дымили трубами, шлепая по реке, из прибрежных зарослей по ним начали стрелять из винтовок! Несколько казаков — чинов флотилии, были даже легко ранены. Услышав цоканье винтовочных пуль по рубке, капитаны дружно гаркнули в машинное отделение: «Самый полный вперед!» И через четверть часа суда вышли из зоны обстрела неизвестных. Вот такой славный боевой эпизод.

В русско-японской войне суда казачьей флотилии не участвовали. На Амуре не было японцев. Только возили грузы для войск через реку, для далекого фронта.

В 1909 году исполнилось десять лет дальневосточной казачьей флотилии. Юбилей получился очень грустным. За этот срок прямые убытки для двух Войск от деятельности объединенной флотилии составили 50 тысяч рублей. По ценам 1909 года — для дальней провинции — большая сумма!

На Войсковых Кругах амурцев и уссурийцев взмолились казаки к царю-батюшке и Господу Богу! За что нам такое наказание — флотилия?! Чтобы ей потопнуть! Одно разорение и более ничего! Не хотели казаки быть «речными» по царской воле.

Господь донес мольбы казаков до ушей царских сановников. Императорская казна соглашалась погасить долги флотилии с условием отписания в казну убыточных судов. И направления казаками денег, прежде выделяемых на содержание флотилии, на медицинские и ветеринарные нужды. Требовались лошади и кавалеристы для конницы. Так бесславно и безрезультатно окончилась попытка царизма искусственно образовать казачью флотилию. По приказу — свободным, вольным не станешь.

Единственное, чем могла гордиться казачья флотилия, — это своим начальником. Капитан дальнего плавания Дмитрий Афанасьевич Лухманов — дальневосточник-казак. Мать его — писательница, отчим — офицер царской армии. В семье хотели, чтобы мальчик продолжил военную карьеру фамилии. Но он добивался отчисления из 1-го Московского кадетского корпуса. Был выпорот, но решил учиться мореходному делу сам, тайно. В конце концов, поступил в августе 1882 года в Керченские мореходные классы. Окончил столичные, петербургские.

Он имел медаль «За поход в Китай 1900 года», орден — «Персидская Звезда», за перевозку через Каспийское море самого шаха, с семейством, придворными и гаремом. От царского правительства — орден Святого Станислава 3-й степени. В его биографии был забавный период, когда он покомандовал яхтой «Астарта», принадлежавшей петербург-

скому купцу-миллионеру Брусницыну. Кутила и выпивоха, тот куражу ради перекупил яхту у наследника шведского престола. А потом выгнал и самого Лухманова!

Дмитрий Афанасьевич был писателем-маринистом (очеркистом), автором ряда книг, посвященных морю и парусному спорту. Он принял советскую власть, стал старейшим капитаном торгового флота СССР, орденоносцем. Но всю жизнь гордился тем, что принадлежал к «морскому сословию — казачеству».

ГЛАВА 13
Под Андреевским флагом (казаки на службе в Императорском регулярном флоте России)

В сравнении с предыдущими главами — эта оказалась самой трудоемкой по сбору исторических фактов. Если сравнить составление истории казачества как морского сословия с процессом золотодобычи, то изучение периода XV—XVII веков — это «золотые пласты». История морских казачьих Войск — Азовского и Черноморского — это «золотые жилы». Поиск же казаков в «толщах» биографий тысяч чинов Морского ведомства Российской империи напоминал просеивание кубометров пустой породы с надеждой находки если не самородка, то хотя бы золотой песчинки.

Ознакомление с послужными списками царских офицеров по флоту или Адмиралтейству, хранящимися в Российском Государственном Архиве ВМФ, мало что дает. Ну и что, если в графе «Из какого звания происходит и какой губернии уроженец» написано, что из потомственных дворян Области Войска Донского и родился в Новочеркасске? Это еще не означает автоматически, что сей моряк — из донских казаков. Яркий пример тому — старший лейтенант флота, исследователь Арктики Георгий Яковлевич Седов. Он родился в хуторе Кривая Коса на берегу Таганрогского залива, в Области Войска Донского. Окончил мореходные классы Ростова-на-Дону. Но к донскому казачеству не имел никакого отношения. Его отец — Яков Евтеевич — выходец из государственных крестьян Полтавской губернии. И на Дону он числился в списках иногородних.

Другой пример — князь Михаил Борисович Черкасский, контр-адмирал. Фамилия «казачья» и родился в столице Донского Войска — Новочеркасске. Но, увы, к донским станичникам сей представитель древнего аристократического рода, известного в Московии еще в XVI веке, не относится.

В то же время стоит вспомнить судьбы казачьих атаманов-адмиралов XVIII века: Чепеги, Белого... До - возрождения Запорожского Войска в виде Черноморского они были предводителями дворянства Херсонской и Екатеринославской губерний. Должности эти были выборными, а могло это случиться лишь оттого, что сами дворяне-выборщики были сплошь из запорожских офицеров, получавших в тех землях имения. А потомки казаков Азовского Войска — расселившиеся и в Херсонской губернии? Можно ли, прочитав в послужном списке иного офицера Морского ведомства, что он «происходит из потомственных дворян Херсонской (Таврической, Екатеринославской) губернии», считать его казаком? И да, и нет. Земли в тех губерниях при выходе в отставку получали и офицеры неказаки. Как в Областях Войск Донского, Кубанского и Терского. Это во-первых. А во-вторых, быть казаком — это не только помнить, кем были дед и прадед, но и самому жить и служить по казачьим законам и традициям.

И далеко не каждый из потомков казаков громко афишировал свое происхождение в офицерской кают-компании. И уж тем более не убеждал в этом писарей канцелярии Главного Морского штаба, заполнявших формуляры их послужных списков. На то были веские причины.

Уравнение казачьих офицерских чинов с общеармейскими произошло только в 1798 году, при Павле I. Немногим ранее казачье дворянство приравняли к общероссийскому. Недворян в офицерскую среду флота прекратили принимать после

смерти Петра I. Следовательно, если юноша в XVIII веке причислял себя к казачеству, попасть в регулярный флот ему было затруднительно. Да и не было особой охоты, так как все знали о драконовских, бесчеловечных порядках, царивших на палубах кораблей и в экипажах петровского флота. Некоторое исключение составляли потомки малороссийского казачества, но, видимо, оттого, что ко второй половине XVIII века оно исчезло как обособленная организация.

Военный регулярный флот — это ведь военная служба. А она казаку предопределялась в кавалерии или в конной артиллерии. На худой конец в пластунах (казачьей пехоте) или в инженерных частях — в саперах. Выйти из казачьих сухопутных войск часто означало выход из казачьего сословия, что долгое время было запрещено законами Российской империи. В сухопутных войсках русской армии казаков обзывали с пренебрежительной иронией — «казачки», словно мальчиков на побегушках в панских имениях.

Но если в коннице или в артиллерии казак находился в братстве родной казачьей сотни или батареи, то на флоте казачьих экипажей или кораблей не имелось. И соседом по столу в офицерской кают-компании был бы не свой брат-казак, а чванливый остзейский барон или гонористый князь со Псковщины. Кстати, еще по повелению Петра I, преимущественным правом при поступлении в Морской корпус пользовались дворяне Новгородской, Псковской, Ярославской и Костромской губерний, а отнюдь не запорожцы, терцы или донцы. Так что следовало быть очень большим оригиналом, чтобы при существующих обстоятельствах из казаков рваться в офицеры флота.

Поэтому можно смело считать, что до социальных преобразований эпохи Александра II большого числа казаков-офицеров, за исключением потомков малороссийских, в русском регулярном флоте не было. И быть не могло!

Но во второй половине XIX века казаки на флот пошли. И служили целыми династиями, дав флоту командующих флотами и флотилиями, командиров броненосцев и подводных лодок... Первооткрывателей новых островов и военно-морских инженеров.

Правда, вспоминая о них, надо учитывать тонкую разницу между казаками, то есть теми, кто, надев черный флотский мундир, не утратил духовную, родственную и организационную связь с родной станицей или хутором. И потомками казаков — теми моряками, кто по крови в жилах принадлежал к числу внуков и правнуков родовых станичников, но с казачеством лично его связывали только лишь семейные предания и фамильная родословная. Но несмотря на это, слава их фамилий также является достоянием морской истории казачества.

КАПИТАН 1-го РАНГА - ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛИСЯНСКИЙ, МАЛОРОССИЙСКИЙ КАЗАК

Имя капитана 1-го ранга русского флота Юрия Федоровича Лисянского известно каждому образованному русскому человеку. По роду его заслуг его следовало бы отнести к героям предыдущей главы. Но он четверть века прослужил на кораблях под Андреевским флагом, участвовал в трех морских сражениях. И по духу, и по службе малороссийский казак Юрий Лисянский был военным моряком, кадровым офицером флота.

Великий мореплаватель родился 2 августа 1773 года в городе, одно название которого заставляет вспомнить и Гоголя, и Хмельницкого, — Нежине. В XVII веке он был одним из главных городов Гетманщины, став полковым городом. Зиновий (исторический псевдоним — Богдан) Хмельницкий назначил в состав Нежинского полка 1200 реестровых казаков. В том полку прадед моряка — Епифан Лисянский, как свидетельствуют архивные документы, «был действительно полноправным есаулом, а в 1712 году в походе и жизнь свою кончил». К счастью для России, к этому событию у есаула Епифана уже успел родиться сын. Он также служил малороссийскому казачеству, как и сын его —

Демьян (родной дядя будущего легендарного воспитанника Морского корпуса), дослужившись до чина сотника Нежинского казачьего полка.

Второй внук геройского есаула — Федор, после роспуска Запорожского казачества променял саблю на Священное писание. Вскоре, после рождения одного из сыновей — Юрия, он был возведен в сан Нежинского протоиерея. В отличие от массы провинциальных попов он интересовался не только церковной схоластикой. В его доме была приличная по тем временам библиотека.

К идее определить Юрия в Морской шляхетный корпус подтолкнул вдового протоиерея его брат, дядя мальчика — сотник Нежинского казачьего полка. Идея была реализована 16 марта 1783 года. В тот день сын нежинского священника и потомок мало-российских казаков — Юрий Лисянский был определен в младший, третий класс столичного Морского кадетского корпуса.

Вот основные события жизни и службы мало-российского казака Лисянского.

В 1788 году — участвовал в морском Гогландском сражении, будучи гардемарином на фрегате «Подражислав».

В 1789 году — участвовал в морском Эландском сражении, на том же фрегате. Произведен в первый офицерский чин мичмана.

В 1795 году — командирован в США, где встречался с первым президентом — Джорджем Вашингтоном.

1796— 1 797 гг. — служба в английском флоте.

1802 год — награжден орденом Святого Георгия ни степени. Издал переведенную им с английского книгу — «Движение флотов».

1803 год — командуя шлюпом «Нева», отправился в кругосветное плавание.

1805 год — открыл в Тихом океане остров, названный его именем.

1806 год — завершение кругосветного плавания. Произведен в чин капитана 2-го ранга и награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1809 год — вышел в отставку с чином капитана 1-го ранга, в возрасте 36 лет.

1812 год — издал за свой счет книгу «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» и «Альбом, собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию».

1814 год — перевел на английский язык и издал в Лондоне свою книгу «Путешествие вокруг света».

За время кругосветного плавания он внес весомый вклад в такие науки, как океанография и гидрология. Командир шлюпа «Нева» открыл экваториальное течение в Атлантике, впервые наблюдал и описал вихревые процессы в воздухе у мыса Горн. Восемь точек на карте Мирового океана носят имя малороссийского казака Лисянского.

Но вот что должно заставить потомков — россиян и малороссов — покраснеть от стыда. В 2003 году исполнялось 250 лет со дня первого кругосветного плавания русских моряков. Юбилей «круглый», но отмечали это знаменательное событие скромно. И вот что странно — в России и на Украине (родине мореплавателя) до сих пор нет ни одного памятника ему. Нет ни памятника на открытом воздухе, ни мемориальной доски на стене здания, ни даже малого бюста в Центральном Военно-Морском музее в Санкт-Петербурге. Нет и не было ничего в Российской империи до 1917 года. Не было ничего в СССР до 1991 года. И в Российской Федерации к 250-летнему юбилею также ничего нет. Пока. Нет надежды и на то, что в самостийной Украине, на Черниговщине, увековечат его память. Для «фанатичных незаможников» офицер русского Императорского флота — Юрий Лисянский, не гордость малороссов, а «продавшийся москалям».

Но время идет. И может быть, памятник мореплавателю Лисянскому когда-нибудь встанет на свое место, которое и назначила ему история.

ПОТОМОК МАЛОРОССИЙСКИХ КАЗАКОВ - ПОЛНЫЙ АДМИРАЛ ФЛОТА ПЛАТОН ЮРЬЕВИЧ ЛИСЯНСКИЙ

Двое сыновей великого мореплавателя продолжили военно-морскую службу. Правда, один из них — Александр, окончив Морской корпус, по какой-то причине перевелся в кавалерию и не прославил фамилию на флотах. Зато второй сын — Платон, взбежал по «трапу военно-морской карьеры» даже выше своего знаменитого отца. Исследователи истории отечественного флота несправедливо обходили своим вниманием полного адмирала флота — Платона Юрьевича Лисянского. Яркая слава его отца совершенно затмевала заслуги сына. Кругосветных плаваний он, конечно, не совершал. Но отчасти и ему флот обязан становлением в самые трудные времена, после поражения в Крымской войне. Платон Юрьевич был среди тех прогрессивных моряков, которые создавали паровой торговый флот России в XIX веке. Он был несколько лет редактором «Морского Сборника». Много полезного совершил для флота потомок малороссийских казаков Платон Лисянский. Но по порядку.

В 1832 году юный Платон стал кадетом Морского корпуса. В 1836-м — мичман и офицер Гвардейского флотского экипажа, в котором служили сыновья представителей морской элиты империи. Светский Петербург пушкинской эпохи тяготил энергичного гвардейца, и он попросился на Черноморский флот, которым командовал прославленный мореплаватель — адмирал М. П.Лазарев. В 1842 году был переведен в Севастополь с чином лейтенанта. Сына знаменитого морехода взял к себе адъютантом начальник штаба ЧФ адмирал Хрущов. В 1849 году Платон Юрьевич уже адъютант самого адмирала Лазарева. Командующий Черноморским флотом оценил ответственность и исполнительность лейтенанта и отправил его в командировку в Англию — закупить два вооруженных винтовых парохода для Дунайской гребной флотилии. Лисянский успешно выполнил эту миссию, за что был произведен в капитан-лейтенанты и стал в 1851 году старшим адъютантом штаба Черноморского флота.

После смерти Михаила Петровича Лазарева Черноморский флот как будто бы утратил внутренний стержень. И хотя герой Наварина оставил после себя круг достойных учеников: Корнилова, Нахимова, Истомина, — потомок запорожцев попросился в отставку. Может, потому, что войны не предвиделось, а может, пошатнулось здоровье... В феврале 1853 года он был уволен из регулярного флота с чином капитан-лейтенанта (хотя обычно при этом производили в следующий чин). Потомственный моряк стал коллежским асессором — чиновником для особых поручений в Московском учебном округе. Но недолго наслаждался он покоем московской жизни.

Началась Крымская война, и Платон Лисянский вновь запросился на флот. Правда, в Севастополь он не вернулся, а 27 мая 1853 года с чином капитан-лейтенанта был направлен на Балтийский флот. Там он опять адъютантствует — при Великом Князе Константине Николаевиче (между прочим — он был Президентом Русского Географического Общества). А на следующий год адъютант покровителя наук и искусств России становится редактором журнала «Морской Сборник».

Волей-неволей закрадывается мысль, что, если бы капитан-лейтенант Платон Лисянский погиб смертью героя на бастионах Малахова кургана в Севастополе, успев заслужить золотое оружие с надписью «За храбрость», его имя вписали бы в анналы русской военно-морской истории. Но капитан 2-го ранга Платон Лисянский стал редактором главнейшего органа печати русского флота в разгар войны... и это забылось.

После поражения выяснилось, что у России флота нет, как нет и наработанных промышленных технологий по строительству парового флота. Пришлось в очередной раз, «забыв» отечественных изобретателей и конструкторов, кланяться европейцам. Платон Юрьевич, будучи членом Пароходного комитета, в 1856 году отправляется в трехлетнюю командировку за границу — покупать винтовые фрегаты. Франция, Италия, судостроительные заводы Бордо и Палермо. Из Южной Европы на Балтику он привел 20 пароходо-фрегатов. Произведен в чин капитана 1 -го ранга.

Платон Юрьевич всерьез занялся насыщением русских морей паровым флотом, становлением торгового мореплавания. Он входит в правление Российского Общества

Пароходства и Торговли (РОПИТ). Адмиральские орлы слетаются на золото широких погон... контр-адмирал. В 1874 году — вице-адмирал.

В 1892 году малороссийский казак, правнук сотника Запорожского Войска — Платон Юрьевич Лисянский произведен в чин полного адмирала Российского Императорского регулярного флота.

Он служил при четырех императорах, прожив долгую, плодотворную и насыщенную событиями жизнь. В «Морском Сборнике» он опубликовал в 60-е годы XIX века две крупные статьи: «Несколько слов о морском воспитании в России» и «О превращении линейных кораблей в броненосные».

Пожалуй, кроме него, никто из потомков казаков в Императорском флоте не дослужился до чина полного адмирала.

МИХАИЛ КОРОНАТОВИЧ БАХИРЕВ - ДОНСКОЙ КАЗАК. «АДМИРАЛ КОРОНАТ»

После Верховного Правителя России и Сибири, Командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака самым заметным представителем казачества в русском Императорском флоте XX века, несомненно, является вице-адмирал Бахирев. Его имя прочно вписано в историю русского Балтийского флота. В октябре 1917 года он командовал Морскими Силами Рижского залива, выиграв Моонзундское сражение у кайзеровского флота. Его помнит каждый моряк-балтиец, каждый любитель русской морской истории. Когда-то контр-адмирал В. К. Пилкин оставил о нем такие воспоминания: «Это был умный, простой и добрый человек. Ему верили, к его мнению прислушивались, он был представителем старых, прежних морских традиций и был очень популярен во флоте». Старые сослуживцы и друзья называли его между собой — «Адмирал Коронат».

А помнят ли о нем казаки? Знают ли о подвигах своего земляка — уроженца города Новочеркасска сегодняшние жители столицы Донского казачьего Войска?

После того как в царствование императора Александра II донские казаки перестали чувствовать себя «привязанными» к кавалерии, как конь к коновязи, сыновья казачьих офицеров решительно шагнули в старинное здание Морского корпуса, что на Васильевском острове столицы. Шли только очень сильные духом, самые волевые, способные перебороть навязанную традицию кавалерийской казачьей службы. Среди них был и Михаил Бахирев — «из обер-офицерских детей Области Войска Донского».

Он родился, по старому стилю, 17 июня 1868 года в столице донского казачества — Новочеркасске. Впечатления от успехов возрожденного Черноморского флота в русско-турецкой войне 1787—1878 гг. взволновали тогда многих дворянских отроков. Михаил, окончив 7 классов Новочеркасской гимназии, уговорил отца — казачьего офицера, определить его в Морское училище (так тогда временно назывался Морской корпус). С 1888 года сын донского казака, окончив училище и получив мичманские погоны, служил Отечеству под Андреевским флагом.

Участвовал в Китайском походе 1900 года на канонерской лодке «Гиляк». И не просто присутствовал. С корабля на мятежный китайский берег был высажен вооруженный десант моряков, среди которых был и 32-летний лейтенант. За участие в штурме фортов Таку 4 июня 1900 года лейтенант Бахирев заслужил самый высший боевой орден, которым только мог быть награжден младший офицер в Российской империи, — орден Святого Георгия 4-й степени.

Русско-японская война... В Порт-Артур в марте 1904 года прибывает вице-адмирал С. О. Макаров, а старший лейтенант Бахирев там же получает в командование миноносец «Сильный». Михаил Коронатович был одним из лучших командиров миноносцев блокированной эскадры... Когда наступила пора капитуляции русской крепости, именно его назначили командиром отряда миноносцев, которые пошли на прорыв из окружения.

Пошли и прорвались! В декабре 1905 года капитан 2-го ранга Бахирев в Зимнем дворце получил из рук императора золотое оружие с надписью «За храбрость».

Когда после русско-японской войны Балтийский флот практически исчез, в России начался сбор средств на его восстановление. Земляки Бахирева пустили фуражку по кругу и насобирали рублей и копеек на целый эсминец — «Донской казак». Правда, командовать им выпускнику Новочеркасской гимназии не довелось.

На Балтике донской казак последовательно командует эсминцами «Ретивый», «Амурец» (этот корабль отстроен в немалой степени на деньги казаков Амурского казачьего Войска). В 1911 году капитан 1-го ранга Бахирев получает в командование сверхновейший броненосный крейсер «Рюрик», отстроенный в Англии знаменитой фирмой Виккерс. «Рюрик» стал флагманским кораблем командующего Балтийским флотом адмирала Эссена.

Уже началась война с Германией, когда «за отличие в делах против неприятеля» 24 декабря 1914 года уроженца Новочеркасска произвели в контр-адмиралы с назначением командиром 1 -и бригады крейсеров Балтфлота. Спустя год, в декабре 1915-го, «Адмирал Коронат» принял уже 1-ю бригаду линейных кораблей. Увы, почти всю войну новейшие линкоры — «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь» и «Полтава» — мирно продымили трубами в тыловых базах. Экипажи, в несколько сот человек каждый, изнывали от безделья, занимаясь революционной пропагандой друг друга...

21 августа 1917 года вице-адмирал Бахирев возглавил Морские силы Рижского залива. Перед ним стояла труднейшая задача — усилиями флота, уже разболтанного революционной агитацией, лишившегося десятков опытных офицеров и адмиралов, противостоять попыткам немецких кораблей пробиться в восточную часть Балтийского моря... Германские адмиралы отлично знали состояние русских, на серьезное сопротивление не рассчитывали. Можно сказать, что успех русского флота в Рижском заливе в октябре 1917 года в большей степени зависел от энергии и флотоводческого таланта донского казака — «адмирала Короната».

Ноябрьский переворот большевиков и левых эсеров вице-адмирал Бахирев принял сравнительно спокойно. В то время не только он, но и миллионы людей в России не сомневались в том, что от власти «совета народных комиссаров» загулявший русский народ излечится, как пьяница от приступа «белой горячки». Но «запой» явно затянулся... 12 января 1918 года Приказом № 37 вице-адмирал Бахирев был уволен с военно-морской службы без права на пенсию. Он прожил почти полвека и остался ни с чем... Пришлось переквалифицироваться в «советские служащие» — стать заведующим учетным отделением Центрального народно-промышленного комитета.

Мог ли родовой донской казак Бахирев уехать на Дон? Нет сомнений, что в правительстве Всевеликого Войска Донского, организованного в мае 1918 года генералом П. Н. Красновым, герой Моонзундского сражения стал бы морским министром. Но адмирал Бахирев в родной Новочеркасск, ставший «белым», не поехал. Во-первых, это было трудно и опасно для уже не молодого человека. Во-вторых, он не считал для себя приемлемой открытую прогерманскую политику, которую вел Донской атаман Краснов. В-третьих, видимо, он просто по-человечески не желал участвовать в братоубийственной гражданской войне. Он не желал, но в Петроградской ЧК его нейтральной позиции не доверяли. В рамках политики «красного террора» популярного донского казака-адмирала арестовали в начале августа 1918 года. В чекистской тюрьме он провел более 7 месяцев. Его освободили 13 марта 1919 года. До его следующего, ставшего роковым, ареста за восемь месяцев он успел написать главный труд своей жизни — «Отчет о действиях Морских Сил Рижского залива 29 сентября — 7 октября 1917 года». Дата на последней странице отчета — 11 июля 1919 года.

Новое наступление армии генерала Юденича на Петроград вызвало панику у питерских большевиков. Начали вновь хватать и расстреливать тех, кто мог быть ценен

для возрождения России, освободившейся от коммунистов. В начале ноября Михаилу Коронатовичу предложили бежать в Финляндию, предупредив о возможном аресте. Он отказался. 15 ноября 1919 года его уволили из оперативного отдела Морской Исторической комиссии, где он служил. Это был уже почти арест. А он все медлил, все не верил, что может кому-то угрожать. За ним пришли через два дня.

Об аресте адмирала-казака Бахирева сообщили аж в Сибирь — адмиралу Колчаку, сыну донской казачки и правнука бугского казака. Верховному Правителю советовали в ответ на арест «Адмирала Короната» взять заложников. Неизвестно, внял ли этим советам Колчак, но Коллегия ВЧК эту возможность учла, вынеся Постановление от 9 января 1920 года: «Бахирева расстрелять, приговор привести в исполнение по особому постановлению Президиума ВЧК, оставив Бахирева в качестве заложника на случай террористических актов со стороны агентов белогвардейцев». Всего через неделю — 16 января 1920 года, «Адмирала Короната» расстреляли.

Где захоронены его останки, уже никто не узнает. Ни в мрачном, могильном Петрограде. Ни на вольном Дону. Куда, несомненно, упорхнула душа казака, когда чекистская пуля пробила тело заслуженного адмирала.

В Новочеркасске в начале XXI века расширяется Войсковой музей донского казачества. Может быть, будет в нем обширная экспозиция, посвященная самому выдающемуся донскому казаку, адмиралу XX века — Бахиреву? А в Ростовском мореходном училище будет учреждена именная стипендия для лучшего курсанта — имени адмирала Бахирева?

КАПИТАН 1 РАНГА - ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ. МАЛОРОССИЙСКИЙ КАЗАК

Этот скромный герой российского флота был обречен «жить в тени» славы своего всемирно известного брата — ученого-этнографа Николая Николаевича. Имя брата украшало обложки тяжеленных академических фолиантов. Имя брата сверкало в среде научного мира России и Европы. О брате были написаны тома воспоминаний и биографий. Он в них только кратко упоминался. Судьба обрекла его быть только «младшим братом».

Даже смерть его была покрыта «тенью траура» по всей эскадре Балтийского флота, погибшей в водах Цусимского пролива. В списке ушедших в пучину кораблей броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» занимал не первое место. Хотя такой кончине, которую он принял, могли бы позавидовать многие командиры русских кораблей, на которых был позорно спущен Андреевский флаг.

Откуда взялась такая необычная, малороссийско-англосаксонская фамилия? По семейной легенде, дальний предок командира броненосца, запорожский казак Миклуха бился с поляками у Желтых Вод. Это было одно из сражений, которые кипели в XVII веке на Украине между армией Зиновия (Богдана) Хмельницкого и польскими войсками. Битва окончилась победой запорожцев и принесла им толпу пленных. В те времена знатные пленные: дворяне, рыцари, паны — были товаром для выкупа. И удалой казак Миклуха тоже разжился пленником — шотландским рыцарем Мак-Лаем, нанявшимся на службу польскому королю. Видно, выкупа за него запорожец так и не дождался. Зато, по семейным преданиям, галантный иноземец приглянулся черноокой казачке — сестре Миклухи... От их брака и поскакали по украинским степям Миклухо-Маклаи. Так ли было это на самом деле, либо это все лишь красивая легенда, кто знает точно? Архивные бумаги более прозаичны и сухи. Прадед цусимского героя — Степан — упоминается в списке хорунжих полка Черноморского казачьего Войска, созданного по воле Потемкина-Таврического. Прадед отличился при взятии Очакова, за храбрость в бою против турок получил казачий офицерский чин. А чуть позже — малороссийское дворянство, опять же по легенде, по

ходатайству самого «светлейшего». Во всяком случае, дед знаменитых братьев хоть и числился малороссийским казаком, но и был потомственным дворянином Черниговской губернии.

Ген воина, ген морехода-запорожца, должно быть, бурлил в крови юного Владимира Миклухо-Маклая, когда он — потомок морского сословия — запорожцев, смотрел из окон классов Морского кадетского корпуса на Неву, забитую морскими судами.

К началу русско-японской войны Владимир Николаевич дослужился до чина капитана 1-го ранга и твердо стоял на командирском мостике броненосца береговой охраны «Адмирал Ушаков». Имя одного из лучших флотоводцев России, сделавшего флот инструментом геополитики Российской империи, стремившегося всегда к дальним походам и наступательным сражениям на море, дали этому кораблику словно в насмешку над памятью блестящего адмирала. Броненосец береговой обороны — он предназначался для крейсирования в водах Балтийского моря, а не для океанских плаваний. Отправить его в поход из Либавы до Владивостока, вокруг Европы и Африки, через три океана... Это можно было сравнить с поездкой из Санкт-Петербурга до Владивостока по железной дороге на дачном пригородном поезде.

Но броненосец до Цусимского пролива дошел своим ходом. Дошел на свою погибель. И славу.

В первый день Цусимской бойни ему повезло. Он шел концевым в строю, а японцы сосредоточили огонь по самым крупным кораблям эскадры Роже-ственского. Пока снаряды противника не наносили серьезного урона «Адмиралу Ушакову». Но вот из строя отстал пылающий, как скирда сухого сена, эскадренный броненосец «Император Александр III». Еще несколько минут, и кренящийся броненосец перевернулся и всплыл, как оглушенная рыба, кверху пузом. Барахтающиеся в воде моряки полезли на мокрый киль броненосца, отчаянно махая руками и бескозырками проходящим мимо своим кораблям. Из них всех только «Адмирал Ушаков» решительно застопорил ход и повернул к тонущему корпусу броненосца. И тут же получил два прямых попадания снарядов крупного калибра. Нос корабля Миклухо-Маклая стал сильно зарываться в воду, она хлестала в пробоину. Только риск затонуть рядом с броненосцем «Александр III» вынудил его прервать спасательные работы. Бой ушел далеко вперед, наступила ночь...

Подбитый «Адмирал Ушаков» плелся по волнам, загасив все огни. Мимо проскакивали японские миноносцы, но они не замечали его в темноте. Рассвет застал броненосец в полном одиночестве. Заискрилась надежда дойти хотя бы до нейтрального порта или клочка русской земли. Но вскоре показался сначала один японский крейсер. А потом дымы японской эскадры сигнальщики заметили справа по курсу... слева... прямо... «Адмирал Ушаков» оказался в сжимающемся кольце вражеских кораблей. С японского флагмана просемафорили предложение о сдаче. Потомок запорожцев, наверное, вспомнил о традициях черноморских флотилий казаков — они никогда не сдавались, во сколько бы раз ни превосходили их турки на море. Он опустил бинокль, не став читать продолжения семафора, и коротко скомандовал своим комендорам: «Пли!»

«Адмирал Ушаков» мог развивать скорость уже не более семи узлов, ни одно из его оставшихся 7 орудий не могло соперничать по дальности и скорострельности с 34 орудиями японских кораблей. И все же он принял бой! Это была бойня, японцы расстреливали непокорный корабль методично и спокойно, как мишень на учениях. На русском броненосце снесло мачты, трубы, перекорежило рубку и надстройки... В пробоины ниже ватерлинии хлестала вода. В щепки разлетелись все спасательные шлюпки и барказ. Погиб старший офицер, лежали в крови у орудий многие комендоры. Но Андреевский флаг продолжал развеваться над пожаром и дымом, а капитан 1-го ранга Миклухо-Маклай продолжал стоять на командирском мостике. Наконец, смолкло последнее орудие. Онемевший броненосец стал крениться и оседать, волны плескались по верхней палубе, прыгать уже бьшо никуда не нужно. И командир отдал свой последний

приказ: уцелевшим — вводу!

Японские спасательные шлюпки подгребли лишь через три часа, после того как обломки мачт погибшего броненосца скрылись под водой. Многие раненые и замерзшие утонули. Как встретил свои последние минуты запорожский казак Миклуха — об этом мнения разные. Его сослуживцы утверждают, что он не покинул корабль, как еще несколько офицеров и матросов. Остался на мостике, уходящем под воду... По японским свидетельствам, гребцы их шлюпок разговаривали с командиром корабля, он плавал в спасательном поясе, но он отказался забраться в шлюпку, пока не будут спасены все матросы. (В это мало верится. Для японцев пленный командир корабля — ценный трофей. Если бы они услышали от него, что это он — просто втащили бы за шиворот в шлюпку, невзирая на мольбы о матросах.) Русские матросы, которых подобрали последними, в лучах прожекторов в наступающей темноте, утверждали, что видели командира. Но он качался на поверхности в спасательном поясе уже мертвым. Он плавал на спине, а волны захлестывали ему лицо.

Да так уж ли это важно? В XVII веке запорожцы редко попадали в турецкий плен, зная, что их ждет либо мучительная смерть, либо медленная — на турецкой каторге. Малороссийский казак Миклухо-Маклай, в начале XX века, также не позволил себе сдаться в плен, отказавшись от «смерти чести» в плену или «каторги совести» после плена.

КАЗАКИ В ИМПЕРАТОРСКОМ ФЛОТЕ

Лейтенант флота — Герасимов Евгений Николаевич. Донской казак. Родился 7 ноября (по старому стилю) 1887 года. Окончил Морское Инженерное училище им. Императора Николая I в 1911 году — инженер механик, подпоручик по Адмиралтейству. В 1913 году переаттестован в мичманы. С января 1916 года — лейтенант Балтийского флота. Участник Добровольческой армии с декабря 1917 года. В январе 1918 года — участник экспедиции на Царицын. С мая 1918 года — начальник Донской военной флотилии Донского атамана генерала П. Н. Краснова.

Донской казак — капитан 2-го ранга — Николай Николаевич Макаров. Окончил Морской корпус в 1891 году. Уволен со службы 2 октября 1917 года, с зачислением в морское ополчение по Области Войска Донского. Умер в эмиграции — 21 декабря 1927 года. Захоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Донской казак — Нефедов Леонид Яковлевич — прапорщик по Адмиралтейству. Сын есаула Донского Войска. Участник гражданской войны, в «белом» Черноморском флоте. Других данных обнаружить не удалось.

Донской казак — Попов Мартин Артемьевич — в мае 1915 года окончил Мореходное училище им. Цесаревича Алексея Николаевича в Росто-ве-на-Дону. Штурман. Прапорщик флота — транспортные суда дунайской флотилии адмирала Весеокина. В эмиграции — матрос торгового флота. В 1951 году переехал в США. Надо отметить, что выпуски Ростовских мореходных училищ периода 1914—1917 гг. дали в ВМФ много казаков-моряков.

Гавриил Андреевич Макаров. Родился в 1870 голу в Чите, в семье казачьего офицера-забайкальца.

Научные труды: «Основы гигиены на современных военных судах (по данным похода 2-й эскадры Тихого океана)», «Значение врачебно-санитарного надзора на водных путях».

Потомок запорожцев, лейтенант ЧФ — Николай Петрович Скорописов. Окончил МК в 1916 году. Служил на крейсере «Кагул», на эсминце «Капитан Сакен». О Черном море писал: «Это наше море русское...». В Добровольческой армии — лейтенант «белой» Каспийской флотилии.

13.02.1954 умер у себя дома в Сан-Франциско.

Сибирский казак — старший лейтенант флота — Корнилов Сергей Константинович (родственник генерала Л. Г. Корнилова). Окончил Морской корпус в 1911 году. Герой Первой мировой войны на Балтике. Кавалер орденов: Святого Станислава 3-й степени с мечами и с бантом, 29 декабря 1915 года представлен к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени. Был также награжден французским орденом — Бронзовым крестом. В сентябре — командир канонерской лодки «Храбрый» Балтийского флота. Ушел с корабля по требованию команды за родство с генералом. Надо отметить, что пользовался уважением у матросов, так как не был убит, а лишь принужден к сходу на берег. Участвовал в гражданской войне в «белых» армиях. Скончался в эмиграции — в Париже 24 июня 1935 года.

Командир подводной лодки «Сом» Балтийского флота, донской казак — Христофор Константинович Богураев. Родился 3 марта (по старому стилю) 1891 года. В 1912 году, в одном выпуске с сыном адмирала С. О. Макарова, окончил Морской корпус. В 1915 году награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и с бантом. В 1916 году произведен в лейтенанты, командир подлодки «Сом». Лодка погибла 20 мая 1916 года, протараненная шведским пароходом «Ингер-манландия».

Контр-адмирал Сергей Николаевич Посохов, донской казак. Этот моряк был «персоной нон грата» в отечественной истории российского флота и в царские, и в советские времена. В эпоху самодержавия он вызвал сильный гнев высшей военно-морской бюрократии своей брошюрой, в которой честно и прямолинейно назвал истинные причины поражения России в войне с Японией. В советские времена — «не повезло» с племянником. Его родная сестра — донская казачка, вышла замуж за потомка сотника Бугского казачьего Войска — Василия Ивановича Колчака. Родной племянник контр-адмирала С. Н. Посохова — вице-адмирал Александр Васильевич Колчак стал в 1920 году Верховным Правителем России.

Будущий адмирал родился в семье потомственного почетного гражданина Области Войска Донского 15 октября (по старому стилю) 1866 года. Он поступил в Морской корпус и пришел в 1887 году на флотскую службу, на волне того военно-морского подъема, который охватил страну после 1880 года. Когда Российской империи вновь было позволено Европой иметь военный флот на Черном море. Тогда, словно по зову предков, на море пришло немало донских казаков.

Служба, в общем-то, шла как и у всех офицеров. Мичман... Лейтенант... Капитан 2-го ранга — старший офицер (старпом) крейсера «Олег». Вот на этом-то корабле, в этой должности он и вступил в русско-японскую войну. Корабль прошел вокруг Европы и Африки на Дальний Восток, и у мыслящего и наблюдательного офицера была масса времени и возможностей для анализа военно-морских сил Родины. Даже самые мрачные, но все же теоретические прогнозы не пророчили такой катастрофы, которая постигла русский флот в Цусимском проливе в мае 1905 года.

Крейсер «Олег» не смог прорваться во Владивосток. Но ему и посчастливилось не угодить в японский плен. Итог того исторического сражения для его команды был таков — русский корабль противник загнал в нейтральный порт, где он был интернирован до конца войны. Капитан 2-го ранга Посохов за Цусимское сражение был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. Но не радостной была ему та награда!

Видимо, томясь от вынужденного безделья, старший офицер парализованного

крейсера и написал в каюте черновик своего сочинения, которое спустя год превратилось в брошюру — 47 страниц с восьмью фотографиями, под названием — «Крейсер 1-го ранга «Олег» в бою 14 мая 1905 года у о-ва Цусима». Эта книжечка была издана в Санкт-Петербурге в 1906 году. Тоненькая, она была объемна по ширине охвата проблем. Донской казак ткнул в самую «болевую точку» российского флота. Обнажил хворь, которую «намотал» на русский флот его «отчим» царь Петр I.

В своей брошюре Сергей Андреевич насчитал 21 причину поражения русской эскадры. Так, пункт 18 был беспощаден: «Эскадра была разделена на отряды больше для удобства адмиралов, чем требованиями морской тактики и здравого смысла». Нет сомнений, что этой критики под шпицем Адмиралтейства ему не забыли и не простили. Но не это было главное в книге Посохова. «Копал» он глубже.

«*Мы пошли спасать Россию и Маньчжурскую армию с теми средствами, которые были годны пять лет тому назад, а никак не теперь. Почему мы во всем, решительно во всем отстали от японцев? Ведь это уже вторая катастрофа, считая Севастопольскую, когда мы по причине той же непредусмотрительности и всевозможных упущений теряем свой флот, губим Россию, а вместе с нею и самих себя. У нас есть немало лиц и учреждений, ведающих теми или другими частями флота, однако почему же они своевременно не испытали замечательное изобретение Джевецкого?* (Джевецкий — талантливый русский инженер-конструктор, поляк по национальности, создатель передовых типов подводных боевых аппаратов. Посохов принадлежал к тому числу передовых офицеров флота, которые прочили будущее за подводными лодками, а не за устаревающими дредноутами-линкорами — любимыми игрушками дряхлеющих бюрократов в адмиральских погонах. — Примеч. дет.). *Почему вообще у нас такое пренебрежительное, брезгливое отношение ко всем изобретателям и совершенно обратное у японцев? Где же наши изобретения? Где те главы и страницы, которые бы у нас в России посвящались изобретателям? Но они у нас безусловно есть, да только официальные-то учреждения их не только не поощряют деньгами и советами, а по возможности, даже не допускают к порогу, чтобы, не доставлять себе лишних хлопот*».

Не штабной, не адмиралтейский, не преподаватель академии, а боевой офицер эмпирическим путем доказал истинный смысл флота, созданного Петром I. Корабли «нужны» исключительно для береговой военно-морской бюрократии. И только для того, чтобы оправдывать ее существование в комфортных кабинетах Адмиралтейства и штабов, береговых казарм, карточных и ресторанных залов в Офицерском Собрании. Морские плавания, боевое применение кораблей этим «морякам» нужны лишь в качестве дополнительной «нагрузки». А чем «легче» она будет, тем лучше. Поскольку вся русская военно-морская бюрократия в глубинных закоулках своего ума все же прекрасно знает, что петровский флот и создан-то лишь для внешней демонстрации его существования. А не для истинных нужд страны. К этому горькому выводу и пришел казак-офицер Посохов: «*Гибельная причина та, что центр тяжести управления войсками и флотом лежит не на тех лицах, которые связаны с их судьбою, карьерой и жизнью, а совершенно наоборот, ничем с ними, кроме личных воспоминаний, не связанных, ничем не рискующих, да еще полагающими, что место в администрации есть заслуженный отдых, чтобы 2—3 часа работать, а остальное время отдыхать*».

Более точно и метко и не скажешь!

Правда, пока текст будущего обличительного сочинения лежал в каюте, начальство ценило расторопного и храброго старшего офицера крейсера. В декабре 1905-го он исполнял обязанности командира этого корабля. По возвращении в Россию, в 1906 году, был назначен командиром миноносца «Легкий». В том же году поступил в военно-морскую академию... Уже чувствовал донской казак тень черных адмиральских орлов, готовых опуститься на его погоны...

В 1907 году он был переведен на должность командира отряда сторожевых катеров Балтийского флота. В 1909-м принял командование любимым кораблем адмирала Н. О.

Эссена — эсминцем «Пограничник». В 1910 году Сергей Андреевич Посохов был произведен в чин капитана 1 -го ранга.

В войне с Германией он заметного участия не принимал. К 1916 году он, в чине контр-адмирала, занимал должность начальника штаба флотилии Северного Ледовитого океана. А это соединение, предшественник современного Северного флота, в Первую мировую войну было пассивно. А главное, прозорливый казак увидел вдалеке зловещий бурун «водопада истории», к которому неслась Российская империя по «реке времени». Ему так и не пришлось покомандовать в бою кораблем 1-го ранга, добиться адмиральского поста, где он мог бы показать свой флотоводческий талант, который у него, у донского казака, без сомнений был.

Сергей Андреевич не участвовал в гражданской войне — эмигрировал во Францию. Возможно, как умнейший человек, он понимал стратегическую обреченность «белой борьбы», поскольку считал красную революцию итогом не столько деятельности большевиков, сколько порочной бездеятельности старого режима. За реставрацию которого, волей-неволей, сражались «белые» и потому были обречены.

Он скончался бездетным стариком, в возрасте 69 лет, в Париже. Дата его смерти — 2 февраля 1935 года. В Сан-Франциско, к 25-летию Цусимского сражения, была переиздана (правда, в сокращенном варианте) его брошюра, вышедшая в России в 1906 году.

Он эмигрировал уже немолодым человеком, ему пошел шестой десяток, поэтому активного участия в белоэмигрантской жизни, а тем более в антисоветской деятельности, за границей он не принимал. Жил скромно, тихо.

Возможно, что кроме членов донской казачьей и военно-морской Парижской общины его провожал в последний путь и внучатый племянник — Ростислав Александрович Колчак — сын расстрелянного Верховного Правителя России.

РОД МОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ - МОРСКОЙ РОД КОЛЧАКОВ

Об адмирале — Александре Васильевиче Колчаке в России знал каждый грамотный человек. Правда, в каждое время знали по-разному... Но сегодня это самое время расставило все по своим местам. Убийцы и хулители «Колчака Полярного» сейчас названы преступниками против человечества, кем они всегда и были... Александр Васильевич остался тем, кем всегда и был — флотоводцем, ученым, военно-морским теоретиком, исследователем Арктики. (В 2002 году на его родине — в Санкт-Петербурге, в музее Морского корпуса, выпускником которого он был, в его память была установлена первая в России мемориальная доска. А год спустя Правительство России приняло решение вернуть острову, открытому в Карском море в 1903 году бароном Толлем, его историческое название — «остров Колчака».)

И до 1918 года, и после, и в настоящее время не знают казаки России, что был адмирал сыном донской казачки и внуком почетного гражданина Всевеликого Войска Донского. И что род сотника Бугского казачьего Войска — Лукьяна Колчака, даст Российскому Императорскому флоту двух адмиралов, генерала флота и четырех морских офицеров, прошедших Крымскую кампанию (Восточную войну) 1854—1855 гг., русско-турецкую войну 1877—1878 гг., русско-японскую и Первую миро- вую войны на флотах россии. А родной дядя будущего Верховного правителя России по отцу даже принял участие, в составе экспедиционной русской эскадры, в гражданской войне в США 1861 — 1864 гг. Он — Петр Иванович Колчак, кстати, первым и сменил кавалерийскую казачью саблю на строгий флотский кортик, положив начало морской династии Колчаков в русском флоте. Родившись в 1838 году, молодым офицером принял участие в обороне Кронштадта и островов Балтийского моря от английской эскадры. Офицер морской артиллерии, служил на плавучих батареях Балтийского флота — «Не тронь меня» и «Кремль». На клипере «Всадник», в составе русской эскадры Балтфлота, ушел к берегам

Нового Света оказать помощь молодой американской демократии от вероятной агрессии со стороны британского флота. Он скончался в 1903 году в чине капитана 1 ранга в отставке. Надо отметить, что и отец Верховного правителя — Василий Иванович Колчак, начал свою военную биографию в Севастополе — прапорщиком морской артиллерии на Малаховом кургане. Под началом адмирала П. С. Нахимова внук бутского казака получил Георгиевский крест и первый офицерский чин. На его глазах французская пуля пробила голову флотоводца... Третий внук бугского сотника — Александр Иванович Колчак, дослужился до чина генерал-майора морской артиллерии, скончался в 1911 году. Его сын — Александр Александрович Колчак, 1885 года рождения, — тоже был морским офицером. Окончив Морской корпус, мичманом воевал в Порт-Артуре на миноносце «Лейтенант Бураков». Был ранен, награжден боевыми орденами. В 1915 году погиб на Балтике. Минный заградитель «Енисей», на котором старший лейтенант флота Александр Колчак-младший служил старшим офицером, был торпедирован немецкой подводной лодкой. Он не захотел оставить свой гибнущий корабль.

Родной брат Ивана Лукьяновича Колчака — Федор, также имел сына и внука. Оба стали служить на военном флоте. Александр Федорович Колчак родился в 1857 году и прошел русско-турецкую войну 1877—1878 гг. на Черном море, а в русско-японскую воевал на Дальнем Востоке. Дослужился до чина контр-адмирала в отставке. Правнука офицера Бугского казачьего Войска, потомственного дворянина, «второго адмирала Колчака» в годы гражданской войны не раз арестовывала Петроградская ЧК Пусть не родной, но дядя «вождя контрреволюции». Как его не расстреляли в числе заложников в 1918—1919 гг. — уму непостижимо! Видно — судьба! Но от нее не уйдешь. Он отказался участвовать в гражданской войне, отказался эмигрировать. Пережил гражданскую войну. Но, лишенный средств к существованию, скончался в 1926 году уже в Ленинграде. В нищете и в забвении, в болезнях, в возрасте 69 лет. Его сын — Владимир, в 1916 году окончил Морской корпус. Мичман Балтфлота. После 1918 года добровольно перешел на службу в советский флот (погиб в декабре 1941 года, в блокадном Ленинграде, в звании капитан-лейтенанта РККФ).

Александр Васильевич Колчак, надо отметить, никогда не афишировал свои казачьи корни ни с отцовской, ни с материнской стороны. (Автору этой книги довелось перечитать в архиве массу личных его писем, официальных документов — нигде ни словечка.) Только однажды, уже в 1919 году, адмирал Колчак, проживая в столице Сибирского казачьего Войска — в Омске, говоря современным языком, немного «попиарил» свое казачье происхождение в Войсковом Соборе казаков-сибирцев. Но с исключительно политическими целями.

Но вот однажды, в 1908 году, начальник оперативного отдела Морского Генерального штаба — капитан 2-го ранга А. В. Колчак разработал интереснейший документ — проект положения — «О морском сословии». После Цусимы в России начали чуть-чуть трезветь от угара «традиций петровского флота», понимая, что основа флота — это даже не корабли, не береговая военно-морская бюрократия, а личный состав ВМС. Кораблей можно настроить, купить готовыми, наконец. Профессионально грамотный экипаж не купишь, его надо учить годами. А едва-едва обучив, его приходится отпускать в запас. И опять по новому кругу: только обучил матроса — приходит пора увольнять в запас. И вот сын донской казачки — Александр Васильевич, сидя в кабинете под шпицем Адмиралтейства, вспомнил о своих далеких предках. О донских казаках XVII века — о морском сословии. И предложил возродить его в России, как раз по примеру казачьего.

Вдумчивый и наблюдательный человек, А. В. Колчак подметил бессмысленную расточительность сил и средств в деле обучения матросов. Призывают на флот полуграмотного парня, учат и содержат его несколько лет, но едва-едва из него получается специалист... как приходит пора увольнять моряка в запас. А «на гражданке», будучи далеко от моря, военнообязанный быстро забывает флотское ремесло. В итоге на войне действующий флот испытывает острый дефицит квалифицированных нижних

чинов.

В своей записке Александр Васильевич предлагал призывать на флот рядовыми только моряков торгового и промыслового флотов, рыбаков и речников. А лиц этих профессий свести в отдельное морское сословие, гарантировав им от правительства ряд льгот, если они согласятся состоять в запасе по ВМФ. Правда, в качестве примера сын донской казачки и правнук сотника Бугского казачьего Войска назвал не казаков-мореходов, а «морское сословие», существовавшее во Франции. Но может, это потому, что пример европейцев для царских сановников всегда был более убедителен, чем опыт своих соотечественников.

Увы, мобилизационный отдел Главного Морского штаба не принял этого плана, несмотря на очевидные преимущества. Ведь, исключая из ведения Военно-морского ведомства финансирование содержания и обучения призываемых нижних чинов флота, заменив его профессионалами-моряками, военно-морские бюрократы лишались сразу целого «флота» береговых должностей-кормушек! Военно-морские интенданты — массы лазеек для воровства. Казак Колчак предлагал строить флот для моря. Экипажи готовить для кораблей. В российском флоте, со времен его «отчима» — Петра I, все всегда было с точностью до наоборот. Флот «служил» не стране, а военно-морской бюрократии. Будущий адмирал Колчак, казак по крови, об этом на время забыл.

КОНОНОВЫ - ФАМИЛИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ - ФАМИЛИЯ МОРЯКОВ. ЛУЧШИЙ ВОДОЛАЗ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Если род Колчаков, потомков казака Бугского казачьего Войска, давший целый «букет» выдающихся деятелей флота, к донскому казачеству имеет лишь косвенное отношение, то морской род казаков Кононовых — донской «до мозга кости».

Первым избрал путь на моря сын Войскового старшины Донского Войска — Анатолий Алексеевич Кононов. Он родился 26 января (по старому стилю) 1856 года. Вероятно, отец — ветеран Севастопольской обороны, рассказывал сыну о трагедии русского Черноморского флота. Не только о славных казаках-кавалеристах, но и об адмиралах: Корнилове, Истомине, Нахимове... А может, в семье Кононовых крепко хранили память о предках — славных моряках XVII века, служивших под флагом казачьего адмирала Степана Разина в Каспийском море?

Во всяком случае, когда 30 августа 1874 года юный казак был произведен в мичманы флота, то попросил направить его служить именно в экипаж Каспийской военной флотилии.

Анатолию Алексеевичу за весь срок службы, а прослужил он в кадрах Императорского флота 35 лет, так и не довелось участвовать в морских сражениях и боевых походах. Изучая на Каспии места «боевой славы» флотилии Разина, он не попал на русско-турецкую войну, не пришлось ему отличиться в схватках с турецким флотом. Да и в захолустной Каспийской флотилии трудно было сделать карьеру. Зато повезло ему с женой. Его супругой стала Вера Ивановна Чекмарева, дочь отставного генерал-лейтенанта. Хоть и «схватил» мичманок генеральскую дочь, приданого ему не перепало. Впрочем, семейный союз оказался счастливым. Жена подарила ему двух сыновей, старшего, Ивана, родившегося 26 декабря 1885 года, и Алексея, появившегося на свет 12 сентября 1887 года, — вписавших свои имена в историю русского флота и донского казачества уже в XX веке.

Лейтенанта Кононова перевели на Балтику, в Кронштадт. Там его ждало серьезное дело — водолазное. Перевод в «морскую столицу» Империи был не случаен. Богатырского здоровья казак в теплом Каспии увлекся этим опасным занятием. И вскоре стал одним из лучших и редких специалистов-водолазов. Его назначили инструктором по водолазному делу в Кронштадтскую водолазную школу. В 1890 году в Санкт-Петербурге

был издан «Учебник по водолазному делу», автором которого стал лейтенант флота Кононов. Долгое время его труд считался самым лучшим учебником по этому предмету, был переведен на многие языки мира.

И сейчас, в начале XXI века, водолаз - рискованная профессия. А тогда, в конце XIX века? Не часто морской офицер русского флота служил под огнем орудий с вражеских крейсеров или под прицелом торпедных аппаратов миноносцев противника. Но даже с тонущего надводного корабля был шанс спастись через плен, наконец. Водолазов глубина если и «берет в плен», то без возврата. С 1879 по 1904 год _ четверть века, военно-морской флот России не воевал (если не считать одной стычки с китайскими повстанцами в 1900 году). Для большинства офицеров флота риска было - оказаться смытым с палубы штормовой волной... Лейтенант Кононов, опускаясь под воду при учебно-тренировочном спуске каждый раз рисковал жизнью. Скромно, без грома орудий и оваций. В те времена водолазное дело по степени риска было сравнимо со службой летчика-испытателя. Только что водолазы конца XIX века гибли намного чаще.

Орденами, правда, жаловали: к 1904 году на груди капитана 2-го ранга Кононова уже были Святой Станислав 3-й степени и Святой Анны 3-й степени. Но не боевые, без мечей. Именно из-за высочайшей квалификации его - начальника Кронштадтской водолазной школы и одновременно командира учебного судна «Опричник», не отпустили на Дальний Восток. Офицеров на Балтике весной 1905 года оставалось очень мало. Кто уже томился в плену или в нейтральных портах после сдачи Порт-Артура, кто плыл навстречу гибели или плену в эскадрах адмиралов Рожественского или Небогатова. Поэтому 17 апреля 1905 года А. А. Кононов был произведен в чин капитана 1-го ранга. И, оставаясь начальником водолазной школы, принял командование над канонерской лодкой «Храбрый».

Вся русско-японская война, таким образом, «прошла мимо» него, но расчистила «фарватер карьеры». В буквальном смысле слова, как грибое- довскому полковнику Скалозубу — «вакансии как раз открыты». Одни в немилости, на скамье подсудимых военно-морского суда, других поубивало японскими снарядами.

В ноябре 1906 года капитан 1-го ранга Кононов «стажируется» на адмиральской должности: командует отдельным отрядом судов Сибирской флотилии. Спустя год — с 10 августа 1907 года — он Командующий Амурской военной флотилией. Но на Дальнем Востоке он служит недолго. Спустя два года 53-летний казак, прослужив 35 лет в ВМФ, получил отставку с производством в контр-адмиралы и уехал в ставший родным Петербург, с полной пенсией с правом ношения формы и оружия. Служебные успехи двоих сыновей радовали его больше, чем свои собственные.

Когда в 1918 году атаман Краснов провозгласил образование Всевеликого Войска Донского, в составе которого был и военный флот, старому водолазу пошел седьмой десяток. По возрасту и здоровью он не принял участия в гражданской войне. Но и торопить свою смерть не стал — в советской России не остался. Вместе с сыновьями эмигрировал во Францию. В Европе он участия в антисоветской деятельности не принимал, только опубликовал в белоэмигрантском «Морском Журнале», в № 85—88 за 1935 год, отрывки из своих мемуаров — «На фрегате «Дмитрий Донской» (Воспоминания молодости старого адмирала)».

Франция готовилась к полному освобождению от немецко-фашисткой оккупации, когда 8 июля 1944 года, в маленьком городке Курвиль — департамент Эр и Луара, тихо и незаметно скончался русский старичок. Один из лучших водолазов мира в XIX веке, донской казак — Анатолий Алексеевич Кононов дожил до 88 лет. Нет сомнений, что «протянуть» почти до 90 он смог только благодаря тому, что решился покинуть родину. На «красном» Дону он прожил бы на треть жизни меньше...

ВИЦЕ-АДМИРАЛ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ФЛОТА

Старший сын адмирала-водолаза Кононова, Иван, несомненно, занимает видное место в истории Донского Войска первого двадцатилетия XX века. В первую очередь потому, что среди офицеров Императорского флота он считался признанным специалистом, способным планировать боевые операции на флотском, стратегическом уровне. Таковых на флоте было не много. На Балтике таковым к 1914 году считался капитан 1-го ранга А. В. Колчак. На Черном море — капитан 1-го ранга И. А. Кононов. Причем, в отличие от известного полярного исследователя, Кононов блестяще окончил Военно-морскую академию. А в годы гражданской войны занимал высокие должности на флоте «белоказачьего» Юга России.

Он родился в Кронштадте, в казенной офицерской квартире отца. И на Дону, в дедовской станице, считался чужаком, «петербургским казаком». В 1899 году поступил в Морской корпус и 21 февраля 1905 года был произведен в мичманы. К его счастью, «эскадры самоубийц» адмиралов Рожественского и Небогатова уже были далеко от Петербурга и юный мичман на них не попал. Большие потери в среде офицерского корпуса флота в результате войны, большое число отставок из-за ранений и нервных потрясений — все это открыло широкую дорогу для карьеры офицерского молодняка. Всего через два года службы Иван получает на погоны звездочки лейтенанта (что было немыслимо в довоенные времена). Окончив штурманский офицерский класс, он в 1908 году уходит в дальний учебный поход с гардемаринами Морского корпуса. У берегов Италии они становятся свидетелями сильного землетрясения и бросаются на выручку жителям города Мессина. Лейтенант Кононов командует партией гардемаринов в составе спасательного десанта с русских кораблей. Итальянское правительство, в числе всех спасателей в тельняшках, награждает его памятной серебряной медалью. А русское Морское ведомство отправляет представление на награждение его орденом Святого Станислава 3-й степени.

В июне 1909 года в его карьере случается момент, достойный семейной легенды Учебный корабль посещает сам государь император. Николай II отметил бравый вид гардемарин на смотру и в награду их начальника, капитана 2-го ранга Кононова, лично приказывает зачислить на учебу в Военно-морскую академию. С сентября Иван Анатольевич — слушатель академии.

С дипломом о высшем военно-морском образовании Кононов отправляется на Черноморский флот. Сразу после академии, в 1911 году, исполняет должность командира строящегося в Николаеве крейсера «Адмирал Нахимов». С января 1913 года — он штурман линейного корабля ЧФ «Три Святителя», потом недолгая служба на линкоре «Евстафий». С мая 1913 года — начальник оперативного отдела Штаба Командующего Черноморским флотом. С июля даже временно исполнял обязанности флаг-офицера начальника штаба флота по оперативной части.

Мировая война — он капитан 1-го ранга. Летом

1916 года Черноморский флот получил командующим деятельного, не паркетного адмирала — А. В. Колчака. Сын донской казачки и сын донского казака отлично поняли друг друга. Вплоть до ноября

1917 года, даже спустя пять месяцев со дня отъезда адмирала Колчака из Севастополя, Черноморский флот продолжал боевые действия на море, несмотря на большевистский переворот.

В отличие от отца и младшего брата, Иван Анатольевич с декабря 1917 года с головой окунулся в военно-политическую борьбу. Уже к зиме он прибывает на Дон на пароходе, вооруженном тяжелыми морскими орудиями, и отдает себя в распоряжение Войскового атамана А. М. Каледина. В декабре — уходит к генералу Корнилову. С весны 1918 года — помощник командующего Донской армией по морской части. Донской атаман П. Н. Краснов производит его в контр-адмиралы. Иван Кононов — первый казачий адмирал в XX веке!

С января 1919 года в атаманский особняк в Новочеркасске вошел новый хозяин — генерал Богаев-ский. Весной 1919 года контр-адмирал Кононов чередует свои должности: начальник Морского управления Всевеликого Войска Донского, старший флагман Черного моря и одновременно командир отдельного корпуса морской тяжелой артиллерии, начальник речных сил Юга России... География его должностей просто требовала более высокого чина! Атаман донцов, генерал Богаевский, произвел его в 1919 году в вице-адмиралы. Быть бы Ивану Анатольевичу морским министром Всевеликого Войска Донского, да пришлось спешно эвакуироваться из Севастополя.

В эмиграции донского казачьего вице-адмирала ожидал калейдоскоп стран — неизбежный удел гонимого эмигранта. Греция, Югославия, Франция. К 1928 году он — член Катарского кружка бывших морских офицеров и кают-компании в Белграде. В начале 30-х перебрался с Балкан в Париж, но рассорился с членами парижской кают-компании и вступил в русское Морское Собрание Парижа.

Иван Анатольевич пережил Вторую мировую войну и скончался в Париже 23 января 1959 года, похоронен на знаменитом кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Незадолго до кончины он закончил свои мемуары — «Пути к Голгофе русского флота (исторический очерк) и морские рассказы. Автобиография». Книга была издана уже после смерти автора в Нью-Йорке, в 1961 году. Увы, мемуары и автобиография первого донского казачьего адмирала пока неизвестны его землякам.

МЛАДШИЙ КОНОНОВ

В 1911 году Морской Императорский кадетский корпус окончили минимум два казака. Сибиряк Сергей Константинович Корнилов — родственник генерала — сибирского казака Л. Г. Корнилова. И сын донского казака-адмирала А. А. Кононова — Алексей, названный в честь деда — войскового старшины и ветерана севастопольской обороны. Правда, служба молодого члена фамилии сразу не заладилась: подвело здоровье. Петербургский климат не давал надежды на хорошее самочувствие — надо было спасаться на юге. Вскоре после производства мичман Алексей Кононов вышел в запас и превратился в чиновника по гражданской части — в губернского секретаря.

Мировая война вызвала его из запаса, правда, лишь в чине военно-морского чиновника. Он в 1914 году был причислен Морским ведомством в Дунайскую Экспедицию особого назначения адмирала Веселкина. И только два года спустя 29-летнему человеку был возвращен чин мичмана, полученный в 1911 году.

После ноября 1917 года мичман А. А. Кононов вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова. Генерал Деникин произвел его в лейтенанты флота. Атаман Богаевский, в 1919-м, в старшие лейтенанты.

Эмигрировав с отцом и старшим братом, младший Кононов совсем затерялся среди тысяч таких же, как он, белоэмигрантов. Он не писал учебников и мемуаров, не занимал важных постов, не был дружен с историческими личностями. Его жизнь и до 1917 года не блистала яркими событиями. Он просто жил, служил, воевал, как мог, как тысячи и тысячи внешне незаметных его современников.

Прожил он дольше всех, скончавшись во французском провинциальном городке Брус (департамент Тарн) 25 октября 1975 года в возрасте 88 лет.

Может, это и хорошо? То, что он — не был, не писал, не знаком, не участвовал... Донской казак Алексей Кононов хоть и не добился лавров на флоте, но заслужил долгую жизнь.

•

В 2003 году, в связи с 250-летней годовщиной со дня рождения Атамана Донского Войска Платова, историческое здание — атаманский дворец передали под расширяющийся Новочеркасский музей истории Донского казачества. В этом здании застрелился атаман Каледин... В нем арестовали для казни атамана Назарова... В нем

правили атаманы Краснов и Богаевский. Скоро в нем будут музейные экспозиции. Но ради исторической правды там должен быть зал, посвященный военно-морской славе донцов.

В нем обязательно должны быть портреты донских адмиралов: А. А, и И. А, Кононовых, С. А, Посо-хова. Обязательно — М. К. Бахирева, героя Моон-зундского сражения и уроженца Новочеркасска.

Командира подводной лодки «Сом» Х. К. Богурае-ва и изобретателя новых судов — Ф. К. Траилина. Должен быть макет эсминца Балтийского флота «Донской казак», построенного на деньги станичников после Цусимы. И хотя бы ксерокопии обложек книг, посвященных военно-морским вопросам, авторами которых были донские казаки. Должен быть список казаков Дона, когда-либо служивших под Андреевским флагом, и адмиралов, и матросов. Да не сочтут автора гордецом, но первым экспонатом зала может стать эта книга.

Четыре адмирала, более десяти офицеров Императорского флота в XX веке дало донское казачество России. Это не считая моряков торгового и промыслового флота, удачливых судовладельцев и прозорливых инженеров-изобретателей. Но эта славная страница истории «морского сословия» пока находится для их земляков в забвении.

Разумеется, ни в коем случае нельзя считать, что участие казаков в развитии регулярного русского флота ограничивается только донцами, и тем более, что представленные в данной главе этой книги биографии — это биографии всех казаков и их потомков, что служили и воевали под Андреевским флагом. Но проштудировать тысячи папок с «Послужными списками» чинов Морского ведомства XIX — начала XX века для поиска среди них казаков... для такой титанической работы у автора просто не хватило времени и сил. Наверняка были еще кубанцы, сибиряки, амурцы... Однако одно можно утверждать точно. Все же большого числа казаков среди офицеров регулярного флота не было. За сто лет — с 1817 по 1917 год, максимум несколько десятков человек. Но это беда созданного Петром I флота, а не казачества — морского сословия.

Эпилог

В ноябре 1917 года партийный блок левого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) и левого большинства партии социал-демократов (большевиков) совершили государственный переворот. Сместили Временное правительство, которому и править-то оставалось не более трех-четырех месяцев. Старая Россия безвозвратно ушла в прошлое. Чуть позже все казачество, целиком, также было объявлено покойником, и сухопутное, и морское.

В гражданской войне казаки, в подавляющем большинстве, были не на стороне красных. Пожалуй, такое определение будет самым точным, поскольку добровольцев-«золотопогонников» в станицах не приветствовали так же, как и большевиков-комиссаров. Моряки-казаки, как служившие к ноябрю 1917 года в русском регулярном военно-морском флоте, так и команды морских торговых и рыбацких судов, если и приняли участие в гражданской войне, то почти всегда на суше. Хотя в составе Вооруженных Сил Всевеликого Войска Донского было свое Военно-Морское управление и подчиняющиеся Войсковому атаману вооруженные морские суда. Их команды, состоявшие как из казаков, так и не казаков, вели посильные боевые действия, главным образом в водах Азовского моря. Но какими-то заметными событиями себя в историю не вписали. В составе казачьих Войск Дальнего Востока, Забайкальских, Амурских, Уссурийских против красных воевало немало морских офицеров, гардемарин и кадет. Особенно часто моряки пере- ходили на службу в Особый Маньчжурский Отряд атамана забайкальских казаков Семенова. Боевитость Григория Михайловича импонировала морякам. Его отличали та же лихость, то же бесстрашие, что свойственны отчаянным

командирам быстроходных миноносцев...

Но были ли эти моряки казаками? Возможно. Потому только возможно, что архивных, прямых подтверждений тому нет. В то же время в Восточной Сибири морякам, что готовы были бить большевиков, совсем необязательно было записываться в отряд казака. Можно было влиться в состав армии адмирала Колчака, примкнуть к «каппелевцам»... Но безусые мичмана военного времени и корабельные гардемарины предпочли снять черные шинели и сменить сукно флотского клеша на кавалерийские галифе с лампасами. Может, именно в казачьей среде чувствовали себя родными? Но как бы там ни было, казаки на российском флоте перестали служить только одновременно с юридической и фактической кончиной этого флота.

А в «красном», советском, флоте были ли казаки? Еще когда шла работа над сбором материалов для этой книги, немало людей подсказывало... Мол, не только в царском, но и в советском ВМФ служило немало станичников. Самым ярким примером называли линейного казака Кубанского казачьего Войска — Ивана Кузьмича Кржанова, ставшего в 1921 году Командующим Морскими Силами Балтийского моря. Или адмирала Арсения Григорьевича Головко, в годы Великой Отечественной войны командовавшего Северным флотом... Упоминали и другие, менее «громкие» фамилии. Но вот каверзный вопрос — были ли эти люди казаками не по происхождению, а по стилю жизни? Казачество в послереволюционные годы было объявлено «контрреволюционным сословием», наряду с дворянством. И черта с два Иван Кожанов стал бы крупным командиром РККФ в 1921-м, а Арсений Головко курсантом ВМУ им. Фрунзе в 1926-м, заяви они свое казачество официально! Тем более подчеркивая его.

В 1935 году в составе кавалерии РККА были возрождены казачьи части. Но казаки появились лишь в коннице, как компактные воинские подразделения, а не культурно-экономические сообщества. В пятидесятых годах в Советской армии исчезли кавалерийские соединения, исчезли и казачьи сотни и полки. И все.

Надо признать честно, хотя кому-то этот вывод может и не понравиться, что в советском ВМФ казаков не было. Потому что в СССР юридически не было казачества! Призывники с Ростовской, Краснодарской областей на флот или абитуриенты ВМУ родом с этих мест о своем казачьем происхождении не распространялись шире круга собеседников в курилке. Больше никому не было интересно. Да и небезопасно было об этом громко говорить. Мало ли какое настроение будет у замполита или особиста.

Значит, и темы для книги типа «Казаки на службе в ВМФ СССР» нет. Советский флот и казачество — категории несовместимые.

Заключение

Книга на историческую тему — это не диссертация. Книгу читают. И для автора подобной книги важно, чтобы его труд дал читателям возможность самим размышлять на темы, затронутые в книге. Надо, чтобы с автором после прочитанной книги хотелось спорить! А не «проглатывать» сделанные им выводы с безразличной покорностью, как выписанные врачом пилюли.

Литература об истории казачества, изданная в начале XXI века, имеет важнейшую особенность, в отличие от литературы, например, о российском дворянстве или викингах эпохи древности. О флотилиях предков скандинавов любят читать лишь поклонники исторических романов. О дворянстве — «пикейные жилеты» в собраниях потомков дворянских родов. У дворянства в России нет будущего, увы. У казачества оно может быть. Вот каким оно будет — зависит от первых лет XXI века. Может ли оно быть «морским»? В Российской империи за некоторыми казачьими Войсками, в частности, терским, уральским, кубанским — к 1913 году числились в собственности не только земли, но и акватории морских вод — для промыслового рыболовства, например. Войска имели

свои рыболовецкие флотилии, среди станичников были свои судовладельцы, судостроители.

Данная книга не публицистика, а попытка изложить историю казачества как морского сословия. Возможно, это первая подобная попытка систематизировать и проанализировать данные о военных, торговых и рыболовецких флотах казаков на протяжении с XIV по XX век. И конечно же, она не совершенна. Однако и те материалы, которые удалось обнаружить в архивах и в старинных книгах, позволяют сделать шесть главных выводов, опрокидывающих традиционные представления о казачестве как о сообществе скотоводов-кавалеристов. Должен признать, что эта тема ждет дальнейшего исследования. Еще не изучены подробно целые ящики документов Российского Военно-Исторического архива, Российского Государственного, архивы Франции, Испании, Швеции, Турции XVI—XVII веков, в документах которых не раз упоминались казачьи флоты. Но и то, что удалось выяснить, позволяет сделать следующие выводы.

1. Казачество — запорожское и донское в XIV—XVII веках, терское и яицкое (уральское) в XIV—XVII веках — формировалось как морское сообщество, живущее морем. Морской торговлей, рыболовством, судостроением, лоцманской службой и пиратством. Столицы казачьих Войск того времени — сплошь прибрежные или островные городки. Казаки-купцы вели морскую торговлю в странах Средиземноморья, Каспия и Атлантики, имея право самостоятельно заключать соглашения с главами государств: Турции, Франции, Испании, Персии.

2. Казаки в XVII веке совершили ряд примечательных в политико-географическом отношении дальних плаваний. В Атлантике запорожцы участвовали в морских войнах между Испанией и Францией, добирались до проливов Па-де-Кале и Ла-Манш, их военный флот стремились использовать на Балтике в XVI веке шведский король и московский царь Иван IV Грозный. В Северном Ледовитом океане и в Тихом казаки открыли пролив, разделяющий Евразию и Америку, достигли берегов Северной Америки и Японии. Казаки присоединили к России круп- ные острова: Камчатку и Сахалин. Пожалуй, только Индийский океан не освоили казаки-мореходы.

3. Военный флот казачьих Войск являлся авангардом славянского православного мира в южных морях в период с XV по XVII век. Казачьи адмиралы и военно-морские инженеры разработали специфическую тактику боевых действий на море и освоили отличительную технологию военного судостроения. Масштаба, который они приобрели, русский регулярный флот достиг только к концу XVIII века.

4. Петр I не только никогда не был основателем регулярного русского флота на юге и на Балтике (там русский флот воевал еще при царе Иване Грозном, а в Азовское море русская эскадра вышла на бой с турецкой еще в 1674 году). Но руками протестантов Запада, которым фактически отдал в управление основанную Российскую империю, совершенно уничтожил морскую торговлю и военно-морской флот казаков в южных морях. Тем самым более чем на полвека обеспечил Турции безмятежную монополию в Черном и в Азовском морях. Заслуги казаков-мореплавателей на Севере и на Дальнем Востоке были после его царствования забыты и приписаны иностранцам.

5. В Российской империи XVIII—XIX веков, наряду с Черноморским регулярным флотом, побережье Черного моря отвоевывали иррегулярные казачьи флотилии, сведенные в отдельные военно-морские формирования из бывших запорожцев — в Черноморское и Азовское казачьи Войска. Казаками-черноморцами был основан Новороссийск. В Восточную (Крымскую) войну 1853—1855 гг. отряд кораблей Азовского казачьего Войска был единственным военно-морским соединением, которое не прекращало боевых действий против флота Великобритании и Турции в Черном море, нарушив коммуникации противника в восточной части Черного моря, используя тактику крейсерской войны.

6. Казачье сословие направило на службу в Российский Императорский флот

десятки казаков. Минимум семеро из них стали адмиралами: Платон Лисянский, два Колчака, два Кононова, Бахирев, Посохов... Водолазное дело, подводное плавание, военно-морская стратегия — везде сияли имена казаков. Донской казак Федор Траилин первым в Новочеркасске представил проект судна на воздушной подушке. Итогом кругосветного плавания донского казака, Андрея Краснова, стало выведение им сорта красного чая, не уступающего по своим вкусовым свойствам сортам индийского и цейлонского чая. На карте Мирового океана и сейчас есть имена казаков: Лисянского, Миклухо-Маклая, Дежнева, Атла-сова, Колчака...

Вот главные выводы книги «Казаки — морское сословие». У любой книги подобного рода всегда найдутся свои критики и обличители. Что ж… Как говорили латиняне: «Сделал, что мог, — пусть продолжают те, кому больше дано!» Пусть кто может, — напишет лучше! Бог ему в помощь.

Список использованной литературы

Адмирал Лазарев М. П. (Сборник Документов под редакцией Самарова А, А.). Т. 2. Москва, 1955.

Азов — древний порт России. Азов, 2003.

Анисимов Евг. «Россия без Петра». СПб., 1994.

Белавенец П. И. «Материалы по истории Русского флота». Москва, 1940.

Белявский П. Е. «Донские Гирла». СПб., 1888.

Бородин Н. «Уральское казачье Войско». Т.- 1, 2. Уральск, 1891.

Буганов В. «Булавин». Москва, 1988.

Веселаго Ф. Ф. «Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1б5бпо 1856гг.». СПб., 1971.

Веселаго Ф. Ф. «Материалы для истории Российского флота. Азовский период». Т. 1. СПб., 1895.

Веселаго Ф. Ф. «Материалы для истории Русского флота». Часть XV. СПб., 1895.

Виноградский И. «Хроника морских десантов». «Морской Сборник». 1898.

Волков С. В. «Энциклопедия Гражданской Войны». Москва, 2002.

Гаденко А. П. «Азовское казачье Войско». Кашира, 1912.

Генерал-лейтенант Орловский. «Взгляд на мореходство и морские силы у всех народов мира (с присовокуплением описания мореходства украинских казаков на Черном море в XVII веке, рисунки их челнов)». СПб., 1836.

Грушевский Вл. «История Украины». СПб., 1860.

Д'Асколи. «Описание Черного моря. 1634 год». СПб., 1902.

Доклад Военной Коллегии об устройстве Черноморского казачьего Войска. Издание Военного министерства. 1802.

«Донцы XIX века. Биографические материалы и биографии донских деятелей». Новочеркасск, 1907.

«Донцы XIX века». (Биографический справочник). Т. 1. Новочеркасск, 1909.

Журнал «Русское судоходство». № 10,1912.

Знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай. Москва, 1908.

Истомина Э. Г. «Водный транспорт России в дореформенный период». Москва, 1991.

История Отечественного Судостроения. Т. 1. Под редакцией И. Д. Спасского. СПб., 1994.

История Российского Флота в царствование Петра Великого (английская рукопись о русском флоте). Перевод графа Е. Путятина. СПб., 1897.

«Казачий Биографический Словарь». Т. 2. Нью-Йорк, 1961.

Караулов М.А. «Терское казачество в прошлом и в настоящем». Владикавказ, 1912.

Колчак В. И., Колчак А. В. «Избранные труды». СПб., 2001.

Короленко П. П. «Азовцы». Киев, 1893.

Короленко П. П. «Кошевые Атаманы Черноморского казачьего Войска XVIII века». СПб., 1901.

Короленко П. П. «Первые четыре Атамана Черноморского казачьего Войска». Екатеринодар, 1898.

Короленко П. П. «Черноморское казачье Войско (1775—1792 гг.)». Екатеринодар, 1892.

Краснов В. «Колчак: и жизнь и смерть за Россию». Т. I. Москва, 2000.

Краснов Н. И. «Казачий флот». СПб., 1996.

Краснолуцкий Ю. «Казачья здравица». (Поэтический сборник). СПб., 2002.

Краткая история Амурского казачьего Войска. Благовещенск, 1912.

Лухманов Д. А. «Автобиографическая повесть». Москва, 1961.

Лялина М.А. «Подвиги русских адмиралов». СПб., 1900.

Маркевич Арсений. «Краткий очерк русского судоходства в Черном море и истории Черноморского флота». Симферополь, 1890.

«Мартиролог русской военно-морской эмиграции». Москва, 2001.

Морская Историческая Комиссия. Т. 1. СПб., 1998.

«Морской Биографический Словарь». Под ред. адмирала И. В. Касатонова. СПб., 1995.

«Морской Сборник». № 1, 10 за 1856 год. — «Рионская гребная флотилия».

«Морской Сборник». № 6 за 1870 год.

«Морской Сборник». № 7, 8, 12 за 1855 год. — «Известия с Азовского моря».

Нелепин Р.А «История Казачества». Т. 1. СПб., 1995.

Норов Н. «Участие донских казаков в азовских походах Петра Великого. 1695—1696 гг.». Ростов-на-Дону, 1872.

«Об Упразднении Азовского казачьего Войска. Приказ № 215 от 22.02.1863 г.». Издание Управления Иррегулярных Войск. СПб., 1863.

«Областные Донские Ведомости». № 127 от 19 июня 1905 года. Статья Ф.Траилина — «Морские казаки».

«Общий Морской Список чинов Морского Ведомства за 1916 год».

«Общий Морской Список». Т. X, XII.

Орест Субтельный. «История Украины». Киев, 1994.

Павленко Н. И. «Петр Великий». Т. 1, 2. Москва, 1994.

Парнас В. А «На аллее Батумского Ботанического сада». Батуми, 1982.

«Первый поход на Азовское море. По журналу вице-адмирала К Крюйса». Часть 8. «Записки Гидрографического Департамента». СПб., 1850.

Писарев С. «300-летие Терского казачьего Войска (1577—1877 гг.)». Владикавказ, 1912.

«Положение Военного Совета об Азовском казачьем Войске при Военном Министерстве от 29-08.1861 года». Издание Военного министерства. СПб., 1861.

«Положение о совершенном упразднении Азовского казачьего Войска, утвержденное Императором И.10.1865 г.». СПб., 1865.

«Положение о Черноморском казачьем Войске». Издание Военного министерства. СПб., 1842.

Поляков Н. «Донцы — Георгиевские кавалеры». Москва, 1911.

Попко И. Д. «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту». СПб., 1858.

Посохов С. А. «Крейсер 1-го ранга «Олег» в бою 14 мая 1905 года у острова Цусима». СПб., 1906.

Потто В. А «Два века Терского казачества (1577— 1801 гг.)». Владикавказ, 1912.

Потто В. А «Запорожцы на Кубани. Чепега и Головатый». СПб., 1893.

«Проект Положения об упразднении Азовского казачьего Войска. От 5 июля 1863

года». Издание Военного министерства. СПб., 1863.
«Русская старина». Т. VI. СПб., 1872.
Савельев Е. «Древняя история казачества». Новочеркасск, 1915.
Скалъковский А «Русское Общество Пароходства и Торговли. 1857-1869 гг.». Одесса, 1870.
«Список судов Амурского речного флота». Благовещенск, 1909.
Старицкий Н. В. «Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом». Москва, 2003.
Сухоруко В Д. «Статистическое описание Войска Донского». СПб., 1903.
Трате А (капитан 2-го ранга) - «Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» в Цусимском бою».Москва, 1994.
Тушин Ю. П. «Русское мореплавание в XVII веке». Москва, 1978.
ФирсовВ. «Ю. Ф. Лисянский». Москва, 2003-Черников И. И. «История речных флотилий».
Черников И. И. «Русские речные флотилии за 1000
Шумов С., Андреев А «История Запорожской Сечи». Киев—Москва, 2003.
Щербина Ф. А «История Кубанского казачьего Войска». Екатеринодар, 1910.
Эварницкий Д. И. «Запорожье в остатках старины». СПб., 1888.
Эварницкий Д. И. «История Запорожских казаков». Т. 1-3, Киев, 1990.
Эварницкий Д. И. «Как побеждали запорожцы мусульман». СПб., 1902.

Архивные материалы

1. «Послужной список М. К. Бахирева». РГА ВМФ. Фонд 406, опись 7, дело № 405.
2. Приказ Военного Министра № 34 от 20.02.1856 г.
3. РГА ВМФ. «О морском сословии». Личный фонд А. В. Колчака.
4. РГА ВМФ. «Общий морской список чинов Морского ведомства».
5. РГА ВМФ. «Послужной список капитана 1-го ранга В. Н. Миклухо-Маклая».
6. РГА ВМФ. Фонд 406, опись 9, дело № 3370. — «Послужной список С. А. Посохова».
7. РГА ВМФ. Фонд 406, опись 9, дело № 1929. — «Послужной список А. А. Кононова».
8. РГА ВМФ. Фонд 406, опись 9, дело № 1930. — «Послужной список И. А. Кононова».
9. Указ Императора Александра II от 4 мая 1863 года.